

Научное издание

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ»

Кимерлинг Анна Семеновна

**ТЕРРОР НА ИЗЛЕТЕ.
«ДЕЛО ВРАЧЕЙ»
В УРАЛЬСКОЙ ПРОВИНЦИИ**

МОНОГРАФИЯ

Технический редактор: Иванова Л.Г.
Дизайн обложки: Андерсон А.Л.

КИМЕРЛИНГ А.С.

**ТЕРРОР НА ИЗЛЕТЕ.
«ДЕЛО ВРАЧЕЙ»
В УРАЛЬСКОЙ ПРОВИНЦИИ**

МОНОГРАФИЯ

Формат А5. Бумага документная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 9,53.

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного института искусства и культуры
614000, Пермь, ул. Газета «Звезда», 18, оф. 112

ПЕРМЬ 2011

ББК 94(470Ю5)»1953»
УДК ТЗ(235.55)631/632-49
К 40

Кимерлинг, А.С.

Террор на излете. «Дело врачей» в уральской провинции: моногр. /
А.С. Кимерлинг. – Пермь: Пермский государственный институт искусства
и культуры, 2011. – 163 с.

ISBN 978-5-91201-074-3

В этой книге рассказывается о том, как развивалась политическая кампания «Дело врачей» в двух крупнейших Уральских областях (сегодня эти области называются Пермским краем и Свердловской областью). На огромном ранее не публиковавшемся архивном материале выявляются региональные особенности кампании, рассматривается взаимодействие власти и трудящихся, реконструируется политическая, социокультурная и национальная ситуация на Урале. Книга предназначена для профессиональных историков и читателей, которых интересуют подробности и тонкости региональной повседневности.

ББК 94(470Ю5)»1953»
УДК ТЗ(235.55)631/632-49

ISBN 978-5-91201-074-3

© Кимерлинг А.С., 2011

© Пермский государственный институт
искусства и культуры, 2011

³³⁸ Протоколы бюро Кагановического РК КПСС. 1953. // ПермГАНИ. Ф.106. Оп. 23. Д. 5720. С.1-12.

³³⁹ Там же. Д. 2510. С. 17.

³⁴⁰ Протоколы ученого совета Молотовского университета. 3.07.1953. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 12. Д. 296. С. 21.

³⁴¹ Отчет о работе Молотовского госуниверситета за 1952-53 гг. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 12. Д. 110. С. 107.

³⁴² Лейбович О.Л. Университетские истории. Пермь, 1997. С. 46.

³⁴³ Стенограмма партсобрания УПИ 19.05.1953.// ЦДООСО. Ф. 1910. Оп. 5. Д. 4. С. 169.

³⁴⁴ Протокол бюро Молотовского РК КПСС г. Свердловска. 13.03.1953.// ЦДООСО. Ф. 1269. Оп. 12. Д. 138. С. 140.

³⁴⁵ Протокол общего партсобрания Свердловского юридического института. 18.03.1953.// ЦДООСО. Ф. 2122. Оп. 2. Д. 8. С. 100.

³⁴⁶ Протокол заседания бюро Свердловского юридического института. 31.03.1953.// ЦДООСО. Ф. 2122. Оп. 2. Д. 8. С. 112.

³⁴⁷ Протокол заседания ученого совета Свердловского мединститута. 13.02.1953. // ГАСО.Ф. р-2195. Оп. 1. Д. 84. С. 67.

³⁴⁸ Письмо В.С. Хайнман о неправильном поведении секретаря Углеуральского ГК КПСС т. Губанова. 15.02.1953 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 177. С. 138.

³⁴⁹ Протокол общего собрания парторганизации г. Свердловска от 21.06.1953. // ЦДООСО. Ф. 273. Оп. 2. Д. 39. С. 22.

³⁵⁰ Информация о проведении закрытых партсобраний в первичных парторганизациях по обсуждению постановления Пленума ЦК КПСС «О преступных и антигосударственных действиях Берия». 12.08.1953.// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 199. С. 86.

³⁵¹ Протокол закрытого партсобрания Свердловского государственного педагогического института. 17.06.1953.// ЦДООСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 29. С. 111.

³⁵² Протокол закрытого партсобрания Свердловского государственного педагогического института. 17.06.1953.// ЦДООСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 29. С. 116.

³⁵³ Справка о состоянии творческой работы учреждений искусств Молотовской области. 30.04.1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 306. С. 105.

³⁵⁴ См.: См.: Ахиезер, А. Россия / А. Ахиезер. – Т.2. – М., 1991. – С. 192.

³⁵⁵ См.: Заключительное выступление И.В. Сталина на XIX съезде КПСС // Правда, 1952, 14 окт.

³⁵⁶ См.: Иофе В. Краткий курс истории ВКП(б). Эпилог // Новые этюды об оптимизме. СПб., 1998. С. 18–19.

- ³¹⁹ Там же. С. 126.
- ³²⁰ Там же.
- ³²¹ Письмо Хайнман В.С. прокурору Молотовской области т. Яковлеву М.В. от 15.02.1953. // ПермГАНИ. Ф.105. Оп.20. Д. 177.С.135.
- ³²² Мельник – Сербину. Февраль 1953 г. // ПермГАНИ. Ф.105. Оп. 20. Д.177. С. 154.
- ³²³ Протокол заседания партийного бюро Свердловского государственного медицинского института от 23 июня 1953 г.// ЦДООСО. Ф.2112. Оп. 2. Д. 13. С. 86.
- ³²⁴ Медицинский отчет ОКБ №1 г. Свердловска за 1953 г. // ГАСО. Ф. Р-2597. Оп. 1. Д. 20. С. 321.
- ³²⁵ Там же. С. 9.
- ³²⁶ Письмо Насыбуллиной. 18.12.1952. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 368. С. 7.
- ³²⁷ Справка о результатах проверки состояния рассмотрения жалоб и заявлений в Чермошского РК КПСС за первую половину 1953 г. // ПермГАНИ.Ф. 105. Оп. 20. Д. 199. С. 149-150.
- ³²⁸ Отчет о ведении секретного и простого делопроизводства в Кунгурском ГК КПСС. 11/IV-1953.// ПермГАНИ. Ф. 158. Оп. 21. Д. 13. С. 16.
- ³²⁹ Список специалистов с высшим образованием в Молотовском государственном стоматологическом институте по состоянию на 1.01.1953. // ГАПК. Ф. р-1275. Оп. 1.Д.65. С. 19-30.
- ³³⁰ См.: Лейбович, О.Л. Университетские истории / Лейбович О.Л. – Пермь, 1997. – С. 22.
- ³³¹ Протокол партийного собрания Молотовского госуниверситета от 12.02.1953.// ПермГАНИ. Ф. 717.Оп. 1.Д. 109. С.10.
- ³³² Богданов В., Фукалова И. Халтурщики / В. Богданов, И. Фукалова // Молодая гвардия, 1953, 24 февр.
- ³³³ Настойчиво воспитывать политическую бдительность // Молодая гвардия, 1953, 24 февр.
- ³³⁴ Справка о состоянии учебно-воспитательной и научно-исследовательской работы на юридическом факультете Молотовского госуниверситета им. Горького. 15.03.1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 298. С. 33-34.
- ³³⁵ Там же С. 39.
- ³³⁶ Протокол партийного собрания Молотовского госуниверситета // ПермГАНИ. Ф. 717.Оп. 1. Д. 111. С.66-94.
- ³³⁷ Протокол партийного собрания Молотовского госуниверситета от 21.05.1953.// ПермГАНИ. Ф. 717.Оп. 1.Д. 109. С.102-132.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	10
ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ КАК СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТЕЙ	
С МАССАМИ В СТАЛИНСКОЙ СИСТЕМЕ	21
1.1. ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В ТОТАЛИТАРНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ	21
1.2. «ДЕЛО ВРАЧЕЙ»: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	31
ГЛАВА 2. РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ «ДЕЛО ВРАЧЕЙ» НА УРАЛЕ	52
2.1. НАЦИОНАЛЬНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА УРАЛЕ В НАЧАЛЕ 50-Х ГОДОВ	52
2.2. МЕРОПРИЯТИЯ МЕСТНЫХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПЕРИОД КАМПАНИИ. КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА.....	68
2.3. КАМПАНИЯ В МЕСТНОЙ ПРЕССЕ КАК СПОСОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МАССЫ.....	98
2.4. ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ «ДЕЛО ВРАЧЕЙ» НА ПРОВИНЦИАЛЬНУЮ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	137
ПРИМЕЧАНИЯ	144

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту книгу планировалось издать в Пермском государственном техническом университете, но не случилось. Все было готово: рукопись, рекомендации, экспертные заключения. Выделены деньги. Пройдены обязательные процедуры. Получены разрешительные визы. Все, кроме одной. Декан гуманитарного факультета профессор Стегний отказался поставить подпись. Принципиально. Эхо 53 года отозвалось в стенах политеха в 10 году.

Автору пришлось забрать рукопись из издательства. И вскоре доценту Анне Семеновне Кимерлинг предстоит повторить судьбу некоторых своих персонажей – доработать учебный год и покинуть университет – вместе со всеми своими коллегами по кафедре культурологии.

Истории, говорят, иногда повторяются, но не фарсово, не водевилно – драматически. Какова-то будет развязка?

Вот так добавляют актуальность историческому исследованию, посвященному событиям более чем полувековой давности.

Представлять монографию А.С. Кимерлинг знающей публике – дело достойное, хотя и неблагодарное. Историческое сообщество хорошо знает и автора, и его творения. А.С. Кимерлинг в течение без малого десяти лет детально разрабатывает сюжеты последней сталинской политической кампании на территории Прикамья – в тогдашней Молотовской области, время от времени делясь с коллегами своими находками – пусть и не щедро – в малотиражных сборниках. И вот теперь книга, в которой воссоздаются перипетии дела врачей в 1953 году на Урале со всеми его хитросплетениями, неожиданными поворотами, эмоциональным сопровождением, бюрократическими проволочками и конторскими склоками.

На первый взгляд, такое подробное изучение малого эпизода советской истории может показаться избыточным. Тем более, что саму тему после фундаментальных исследований Г. Костырченко и других солидных авторов никак нельзя назвать малоизученной. Более того, дело врачей – в виду его ярко выраженного антисемитского контекста – растиражированное газетами и телевидением, стало элементом современного массмедийного пространства. И, если календарный год кончается цифрой

³⁰³ Информация о проведении бесед по передовой газеты «Правда» от 19.01.1953.// ПермГАНИ. Ф. 85. Оп. 42. Д. 13. С. 25.

³⁰⁴ Информация о настроениях и высказываниях трудящихся Молотовской области в связи с передовой газеты «Правда» – «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей» и сообщением ТАСС об аресте группы врачей-вредителей // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп.20. Д. 185. С. 44.

³⁰⁵ Информация о настроениях и высказываниях трудящихся Молотовской области в связи с передовой газеты «Правда»... 5.03.1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп.20. Д. 185. С. 47.

³⁰⁶ Информация о настроениях и высказываниях трудящихся Молотовской области в связи с передовой газеты «Правда» ...// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп.20. Д. 185. С. 12.

³⁰⁷ Информация в ЦК КПСС о высказываниях трудящихся Молотовской области в связи с передовой газеты «Правда» «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». 14.01.1953.// Лейбович О.Л. Россия, 1941-1991. С. 70.

³⁰⁸ См.: Докладная председателя Обкома профсоюза медработников от 1.02.1953 // ПермГАНИ. Ф.105. Оп.20. Д. 407. С. 2.

³⁰⁹ Информация о настроениях и высказываниях трудящихся Молотовской области в связи с передовой газеты «Правда»...// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп.20. Д. 185. С. 17.

³¹⁰ Там же. С.45.

³¹¹ Там же. С.15.

³¹² Информация в ЦК КПСС о высказываниях трудящихся Молотовской области в связи с передовой газеты «Правда» «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». 14.01.1953.//Лейбович О.Л. Россия, 1941-1991. С. 70.

³¹³ Информация о проведении бесед по передовой газеты «Правда» от 19.01.1953.// ПермГАНИ. Ф. 85. Оп. 42. Д. 13. С. 26.

³¹⁴ Информация в ЦК КПСС о высказываниях трудящихся Молотовской ...14.01.1953.// Лейбович О.Л. Россия, 1941-1991. С. 70.

³¹⁵ Информация в ЦК КПСС о реагировании трудящихся Свердловской области на сообщение газеты «Правда» о подлых убийцах...// ЦДООСО. Ф.4. Оп.52. Д. 127. С. 125.

³¹⁶ Отрицательные надписи на бюллетенях. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 201. С. 22.

³¹⁷ Информация о настроениях и высказываниях трудящихся...// Лейбович О.Л. Россия, 1941-1991. с. 70.

³¹⁸ Информация в ЦК КПСС о реагировании трудящихся Свердловской области на сообщение газеты «Правда» о подлых убийцах...// ЦДООСО. Ф.4. Оп.52. Д. 127. С. 125.

²⁸² Пермяков С.С., Кисилев. Благодарность / С.С. Пермяков, Кисилев // Рабочий (Орган парткома, завкома и дирекции Нижнетагильского завода №63), 1953, 15 янв.

²⁸³ Николаев, К. За грубые нарушения – к ответу / К. Николаев // Соликамский рабочий, 1953, 21 янв.

²⁸⁴ См.: Улучшить работу медицинских учреждений города // Путь к коммунизму, 1953, 30 янв.

²⁸⁵ См.: Михайлов, Н. Когда принижена требовательность / Н. Михайлов // Чусовской рабочий, 1953, 13 февр.

²⁸⁶ См.: Улучшить медицинское обслуживание населения (обзор писем) // Шахтер (Коспаш), 1953, 1 февр.

²⁸⁷ Протокол заседания бюро Юсьвенского РК КПСС от 14.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 2283. Оп. 16. Д. 5. С. 64-65.

²⁸⁸ Протокол заседания бюро Григорьевского РК КПСС от 14.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 6008. Оп. 1. Д. 26. С. 157.

²⁸⁹ Протокол заседания бюро Бардымского РК КПСС от 8.04.1953. // ПермГАНИ. Ф. 1603. Оп. 1. Д. 169. С. 81.

²⁹⁰ Благодарим за заботу о здоровье трудящихся. Обзор писем // Красное Приуралье (Орган Осинского РК КПСС), 1953, 12 апр.

²⁹¹ Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров – врачей // Правда, 1953, 13 янв.

²⁹² Подлым убийцам – самую суровую кару // Коллективист (Орган Гайнского РК КПСС), 1953, 29 янв.

²⁹³ Горелик, В. «...Терпением изумляющий народ» / Горелик В. // Знамя. – №3? 1997. С. 187.

²⁹⁴ Протокол Гайнского райкома КПСС от 19.01.1953. // ПермГАНИ. Ф. 66. Оп. 18. Д. 10. С. 30.

²⁹⁵ Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров – врачей // Правда, 1953, 13 янв.

²⁹⁶ Информация о реагировании на сообщения газеты «Правда» о подлых убийцах под маской профессоров-врачей // ЦДООСО. Ф.4. Оп. 52. Д. 127. С. 125.

²⁹⁷ Информация о проведении бесед по передовой газеты «Правда» от 19.01.1953. // ПермГАНИ. Ф. 85. Оп. 42. Д. 13. С. 26.

²⁹⁸ Информация о проведении бесед по передовой газеты «Правда» от 19.01.1953. // ПермГАНИ. Ф. 85. Оп. 42. Д. 13. С. 25.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Там же. С. 26.

³⁰¹ Там же.

³⁰² Арендт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – М., 1996. – С. 409.

«три», пресса выпускает серию соответствующих статей; на телевизионных каналах монтируют из старых кадров свежие выпуски хроники ушедших событий. Приглашенные эксперты на публике вновь и вновь разгадывают тайну далекой истории. Публицисты – в зависимости от направления – извлекают из нее уроки для будущего. Так было и в 1993, и в 2003 гг. Так, по всей видимости, будет и в 2013, если, конечно, власть предрержащие не сочтут уместным предать это событие забвению.

Все дело, однако, в том, что большие историки (а вслед за ними и популярные журналисты) свой письменный стол устанавливали на командном пункте, вблизи штабных помещений, в которых готовился план кампании, намечались цели, разрабатывались операции. Сверхзадачей историков было проникнуть в ум полководца, чтобы на основании косвенных свидетельств, скурых реплик, деловых пометок понять его замысел.

Такой подход кажется вполне оправданным и литературной традицией, и поисковыми возможностями. Только так можно охватить развернувшуюся на политических подмостках страны драму, определить ее масштабы, обнаружить основных действующих лиц с предписанными им по сценарию ролями, выявить последовательность сменяющих друг друга актов, установить пропорции между эпизодами, попытаться восполнить силою исторической интуиции утерянные фрагменты, расшифровать темные места.

С высоты, однако, не различимы детали. О том, что происходило на отдаленных и затемненных участках сцены, можно узнать только из рапортов, очищенных от излишних подробностей и ненужных деталей.

Любая боевая операция на фронтовой карте выглядит иначе, чем на пятиверстке полкового командира. Дивизионный дневник боевых действий отличается от сводок генерального штаба.

А.С. Кимерлинг изучает дело врачей снизу – из кабинета секретаря райкома, главврача областной клиники, из приемного покоя «скорой помощи», из дома учительницы. В фокусе ее исследования развертывание политической кампании на местности, удаленной от московского начальства сотнями километров бездорожья, но так же и политической дистанции

ей огромного масштаба. Ее участники не слишком понимают, что происходит, переиначивая по-своему и ее цели, и ее смыслы. Это люди, которых силой привели на праздник языческого толка – страшный, непонятный, но все-таки желанный. На нем первые становятся последними; последние – на время – первыми. Кого-то назначают очистительной жертвой; другим позволяют покормиться. Отменяются, вернее, выворачиваются наизнанку статусы и роли только для того, чтобы по новому сигналу все вернуть в первобытное состояние. А в центре праздника врачи – добрые кудесники, вдруг превратившиеся в злых и опасных оборотней. Они же и евреи, до недавнего времени бывшие в глазах обывателей этническим символом советской власти, или, как минимум, нового начальства. И вот теперь и доктор – отравитель, и еврей – враг. Было от чего головам закружиться.

Автор – историк проницательный – и потому свободный от либеральных иллюзий, будто бы антисемитизм был продуктом исключительно властного происхождения. Она знает, что это не так, и прямо пишет о распространенности соответствующих настроений среди трудящейся массы. На старые предубеждения накладывалась неприязнь и к начальству, и к интеллигенции, – неприязнь, порождаемая ежечасно и ежедневно имущественным неравенством. Тем более, что интеллигенция, и медицинская в том числе, быстро осваивала чиновные приемы и ухватки – грубость по отношению к низшим, заискивание перед высшими, вопиющую небрежность в отправлении своих профессиональных обязанностей.

В глазах возбужденной массы дело врачей было, в первую очередь, сугубо медицинским делом. Надо «встряхнуть медиков», а то они зазнались, помощи от них не дожدهшься, бюллетени не выписывают, на вызовы не являються, с больными грубят, могут до смерти залечить. А евреи они или нет – это уже дело второе. Наверное, евреи, если так себя плохо ведут.

А как еврея наказать? Снять с руководящей работы, дать в руки топор, отбойный молоток, или метлу – и на прямое производство. Пусть будет, как все. Вот лейтмотив требований, идущих снизу, навстречу митинговым резолюциям, газетным фельетонам и передовицам. На то и праздник, чтобы выкрикнуть потаенные желания о равенстве и справедливости.

²⁶¹ Чутко прислушиваться к голосу масс. // Колхозный клич (Орган Пермско-Сергинского РК КПСС), 1953, 1 марта.

²⁶² Добренко, Е. Грамматика боя – язык батарей. // Волга. – №10, 1993. – С. 131.

²⁶³ Будем бдительными. // Шахтер (Коспаш), 1953, 29 янв..

²⁶⁴ Кочергин, И. Сурово карать наймитов-убийц / И. Кочергин // За коммунизм (Юсьва), 1953, 22 янв.

²⁶⁵ Медицинские работники клеймят позором шпионов и убийц.// Боевой пут, 1953, 18 янв.

²⁶⁶ Викторов, А. Нарушители трудовой дисциплины / А. Викторов // Березниковский рабочий, 1953, 31 янв.

²⁶⁷ Иванов, М. Зажимщики критики пользуются покровительством / М. Иванов // Уральский рабочий, 1953, 17 янв.

²⁶⁸ Критика и самокритика – друг и спутник таланта // Уральский рабочий, 1953, 28 янв.

²⁶⁹ Кулягин, З. В партии не может быть двух дисциплин / З. Кулягин // Звезда, 1953, 17 февр.

²⁷⁰ Завьялов, С. Больше принципиальности в работе / С. Завьялов // Звезда, 1953, 5 марта.

²⁷¹ Голев, В. Чуткий медротник / В. Голев // По ленинскому пути, 1953, 28 февр.

²⁷² Выше бдительность! // Колхозный клич (Орган Пермско-Сергинского РК КПСС), 1953, 19 февр.

²⁷³ Юнкор // Молодая гвардия, 1953, 12 февр.

²⁷⁴ Работу с кадрами – в центр внимания.// Звезда, 1953, 14 февр.

²⁷⁵ См.: Пользуясь бесконтрольностью. // Сталинский ударник, 1953, 8 февр.

²⁷⁶ См.: По следам наших выступлений «Пользуясь бесконтрольностью» // Сталинский ударник, 1953, 19 марта.

²⁷⁷ Протокол заседания бюро Молотовского ГК КПСС от 18.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 631. С. 102.

²⁷⁸ См.: Поступающие письма в редколлегию нужно проверять. Обзор печати.// Колхозный труд (Орган Еловского РК КПСС). 26.02.1953

²⁷⁹ О критике в стенной газете «За соду». Обзор печати. // Березниковский рабочий, 1953, 27 марта.

²⁸⁰ Хоробрых, А. Улучшить руководство стенной печатью / А. Хоробрых // Путь к коммунизму (Орган Боровского ГК КПСС), 1953, 13 февр.

²⁸¹ Конкурс на лучшую стенгазету. // Колхозная правда (Орган Сивинского РК КПСС), 1953, 18 янв.

²⁴¹ Протокол заседания бюро Молотовского обкома КПСС. 23 января 1953 г. //

ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 29. С. 73.

²⁴² Справка о выполнении постановления бюро обкома КПСС от 5 февраля 1953 г. «О крупных недостатках в работе областной клинической больницы» 8. 12. 1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 136. С. 31.

²⁴³ Добренко, Е. Грамматика боя – язык батарей / Е. Добренко // Волга. – №10. – 1993. – С. 131.

²⁴⁴ Ленин В.И. С чего начать? // ПСС. Т. 5. С. 11.

²⁴⁵ Меньшиков Г. Комбинатор из Козловки / Г. Меньшиков // Звезда, 1953, 16 янв.

²⁴⁶ Морозов И. Глушитель критики / И. Морозов // Уральский рабочий, 1953, 23 янв.

²⁴⁷ Иванов Л., Горин Г. Главный и его угодники / Л. Иванов, Г. Горин // Уральский рабочий, 1953, 29 янв.

²⁴⁸ Протокол заседания бюро Орджоникидзевского РК КПСС г. Свердловска от 10.02.1953.// ЦДООСО. Ф. 153. Оп. 15. Д. 23. С. 78.

²⁴⁹ Богданов В., Фукалова И. Халтурщики / В. Богданов, И. Фукалова // Молодая гвардия, 1953, 24 февр.

²⁵⁰ Исакова Г. Беспринципное решение принципиального вопроса / Г. Исаков // На смену! 1953, 25 марта

²⁵¹ Жуков А. Райком и его газета / А. Жуков // Звезда, 1953, 5 февр.

²⁵² Запрос редакции газеты «Звезда» секретарю Ныробского РК КПСС тов. Иванову от 13.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 696. Оп. 32. Д. 9. С. 20.

²⁵³ Ответ на запрос редакции газеты «Звезда» начальника политотдела Ныробского ИТЛ МВД от 23.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 696. Оп. 32. Д. 9. С. 21.

²⁵⁴ Протокол заседания бюро Чернушинского РК КПСС от 2.01.1953.// ПермГАНИ. Ф. 762. Оп. 18. Д. 14. С. 3.

²⁵⁵ Директивное письмо секретаря Свердловского обкома КПСС Куроедова В. от 13.02.1953. // ЦДООСО. Ф. 483. Оп.13. Д. 82. С. 7.

²⁵⁶ Протокол заседания бюро Березовского РК КПСС от 13.03.1953.// ПермГАНИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 203. С. 121.

²⁵⁷ Протокол заседания бюро Пермского РК КПСС от 17.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 1131. Оп. 25. Д. 41. С. 67.

²⁵⁸ Протокол заседания Мотовилихинского РК КПСС г. Молотова от 20.01.1953.// ПермГАНИ. Ф. 620. Оп. 38. Д. 44. С. 35-36.

²⁵⁹ Бюрократическое отношение к письмам трудящихся // Звезда, 1953, 17 февр.

²⁶⁰ Письма трудящихся. // Путь к коммунизму (Орган Боровского ГК КПСС), 1953, 4 февр.

И тут же выражение сочувствия к пострадавшим. Рабочие приходят домой к уволенному от должности начальнику шахты, ставят на стол бутылку, утешают: не бери в голову, ты не виноват, зла на тебя не держим, просто сейчас всех евреев снимают.

Интеллигенция ведет себя иначе. Главная тема кампании для нее – еврейская. И тут же появляются активисты первого дня: есть шанс свести счеты, занять вождеденное место, выказать лояльность и преданность. Правда, основная часть молчит, на собрания и митинги ходит, руку поднимает, но не высказывается, брезгует, а, может, побаивается: как оно еще повернется.

А.С. Кимерлинг шаг за шагом, скрупулезно реконструирует едва ли не по дням развертывание дела врачей в уральской провинции. Занятие это, историки знают, очень трудоемкое и тяжелое – особенно в виду скудости источников.

Кампания, начатая так торжественно и впечатляюще «Сообщением ТАСС» в январе 1953 г., была свернута через три месяца. Атакующие колонны остановили прямо на марше. Трубы смолкли. Вырвавшихся вперед кавалеристов ссадили с коней. С героев памятных дней сняли награды, а кое-кого отвели в кусты и наспех расстреляли. Все произошло так быстро, что задние ряды не успели вовремя остановиться, и обозники все пытались продолжить движение. В июле 1953 г. Н.С. Хрущев назвал все кампанию «позорным делом». Через три года ее пустили по ведомству преступлений Берия против партии. В одном из протоколов собраний, посвященных итогам XX съезда, можно найти и такой анонимный вопрос, адресованный докладчику: «Я выступал на митинге по делу врачей. Меня не накажут?»

Особенности делопроизводства таковы, что материалы 1953 г. готовились для архива несколько лет спустя – после XX съезда. Сохранять бумаги, рисующие в неблагоприятном свете действующих руководителей, для многих сотрудников аппарата, видимо, казалось неприличным. Скорее всего, именно по этой причине собрания документов, посвященные делу врачей, очень не полны. Есть дела, в которых все материалы января – мар-

та 1953 г. пропущены. В других они представлены в очень разрозненном, неполном виде.

Вполне уместной представляется сравнение с материком, после землетрясения ушедшим под воду и оставившим после себя множество островов. Вместе они образуют архипелаг – и нужно большое мастерство, сопряженное с профессиональной интуицией, чтобы по нему восстановить очертания исчезнувшей суши, ее рельеф, флору и фауну.

Автор с этой задачей справился. Со страниц книги предстает изображение того, как провинциальная партийно-советская государственная машина медленно и неуклюже поворачивает на новый маршрут. Местная номенклатура не слишком понимает, что от нее требуется, насколько крутым является объявленный поворот во внутренней политике, но по мере сил тормозит движение по самым опасным участкам. В Молотове повторяют с некоторым опозданием шаги, сделанные Москвой, всячески сдерживают распространение кампании, явно страшась выхода ее из-под контроля. Все производится строго дозировано. Требуется кадровая чистка, проведем, но, не спеша, не торопясь, сначала подготовим замену. Требуется проверить медиков, хорошо, подвергнем проверке областную клинику, исключим из партии главного врача. Жалуются на засилье лиц «определенной национальности» в областной коллегии адвокатов, поставим вопрос на бюро, раздадим выговоры, сменим председателя, но чистку производить не будем.

По странной случайности первые лица в эти месяцы отправляются отдыхать. Приказы и распоряжения подписывают другие люди. Есть руководители, которые просто саботируют устные распоряжения, делая вид, что не понимают, о чем идет речь. Так поступает директор Сельскохозяйственного института, между прочим, кадровый партийный работник. Ему говорят: увольняй. Он отвечает: подождем до конца учебного года. Ему напоминают: тогда готовь к увольнению – наложи взыскание, начни расследование. Он молчит и делает все наоборот. Не желает расставаться с ценными кадрами.

²²⁵ Информационный отчет Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Молотовском облисполкоме за 1 квартал 1953 года. 11.04.1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20 Д. 129. С. 165.

²²⁶ См.: Информационный отчет Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Молотовском облисполкоме за IV квартал 1953 года. 10.01.1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20 Д. 128. С. 93.

²²⁷ Справка о доме по улице 1-й Гражданской №7 зам начальника УПР УМВД по Молотовской области Пузанова. 10.02.1953. // ГАПК. Ф.р-1204. Оп. 1. Д. 4. С. 84.

²²⁸ Справка о возможности использования жилого дома по улице 1-й Гражданской №7 под молитвенный дом еврейской религиозной общины. 10.02.1953. // ГАПК. Ф.р-1204. Оп. 1. Д. 4. С. 83.

²²⁹ Протокол заседания бюро Свердловского обкома КПСС от 3.03.1953. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 30. С. 4.

²³⁰ См.: Мохов, В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950-1990 гг.) / В.П. Мохов. – Пермь, 1998. – С. 126.

²³¹ Доклад Прасса... // Там же. С. 8-9.

²³² Письмо директору Молотовского фармацевтического института тов. Н.Н. Калугину из министерства здравоохранения РСФСР. 7.03.1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 129. С. 118.

²³³ Заметки к выступлению инструктора обкома Стариковой // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 12. С. 758.

²³⁴ Заявление на директора Молотовского сельскохозяйственного института Масалкина Николая Константиновича. 23. 12. 1952 // ПермГАНИ. Ф.105. Оп. 20. Д.178. Л.98–99(об).

²³⁵ Коган, Л.Н. «Неповторимая романтика социологии» / Л.Н. Коган // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. – С. 283.

²³⁶ Справка о работе кафедры политэкономии УрГУ. Заместитель заведующего отделом науки и высших учебных заведений Свердловского обкома КПСС Кузовлев П. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 209. С. 97.

²³⁷ Справка о работе кафедры политэкономии УрГУ. Заместитель заведующего отделом науки и высших учебных заведений Свердловского обкома КПСС Кузовлев П. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 209. С. 87.

²³⁸ Протокол заседания партбюро УрГУ г. Свердловска от 19.05.1953. // ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 134. С. 83.

²³⁹ Протокол заседания бюро Свердловского обкома КПСС от 19.05.1953. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 45. С. 15.

²⁴⁰ Протокол заседания общего партсобрания УрГУ от 23.06.1953. // ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 153. С. 71.

²⁰⁷ Протокол заседания бюро первичной парторганизации Молотовского Медицинского института от 25.03.1953. // ПермГАНИ. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 11. С. 185.

²⁰⁸ Протокол собраний партийного актива г. Губаха. 11.03.1953.// ПермГАНИ. Ф. 2081. Оп. 14. Д. 6. С.27.

²⁰⁹ Медицинский отчет Свердловской областной клинической больницы №1 за 1953 год // ГАСО. Ф. Р-2597. Оп. 1. Д. 20. С. 351.

²¹⁰ Протокол собраний партийного актива г. Коспаш.4.03.1953.// ПермГАНИ. Ф. 4844. Оп. 10. Д. 7. С.25.

²¹¹ Протокол VII пленума Ленинского РК КПСС г. Молотов. От 27.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 78. Оп. 14. Д. 34. С. 60-61.

²¹² Отчет Свердловского государственного медицинского института о работе с научными кадрами за 1952-1953 год. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп.52. Д. 211. С. 119.

²¹³ Протокол заседания бюро первичной парторганизации Молотовского Медицинского института от 25.03.1953. // ПермГАНИ. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 11. С. 110.

²¹⁴ См.: Сорокин Ю.Э. Известные врачи-евреи Екатеринбургa. Екатеринбург, 1997. С. 11, 116-117.

²¹⁵ Персональное дело Нагорной Ривы Абрамовны // ЦДООСО. Ф. 2112. Оп. 2. Д. 13. С. 88-92.

²¹⁶ См.: Вайсберг Б. Очерки об известных евреях Екатеринбургa. Екатеринбург, 1997. С. 97-98.

²¹⁷ Справка о состоянии идейно-воспитательной работы среди учащихся и преподавателей в фельдшерско-акушерской и зубоврачебной школах. Хромцова З.А. 16.02.1953. // ЦДООСО. Ф. 1269. Оп. 12. Д. 153. С. 11-12.

²¹⁸ См.: Juden untern Hakenkreuz. [Ost] Berlin, 1973. S. 157-158.

²¹⁹ Протокол заседаний партийного бюро Молотовского госуниверситета. 10.02.1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 717. Оп. 1. Д. 106. С. 35.

²²⁰ Протокол заседания партбюро педиатрического факультета Свердловского мединститута. 18.03.1953. // ЦДООСО. Ф. 2112. Оп. 2. Д. 10. С. 98.

²²¹ См.: Протокол заседаний бюро Александровского ГК КПСС от 27.02.1953 г. и 12.03.1953 г.// ПермГАНИ. Ф. 1594. Оп. 19. Д. 22. С. 72, 96.

²²² Протокол заседания бюро Нытвенского РК КПСС от 23.01.1953. // ПермГАНИ. Ф. 91. Оп. 16. Д. 13. С. 52.

²²³ Протокол заседания бюро Березниковского ГК КПСС от 20.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 35. Д. 39. С. 142- 143.

²²⁴ Сообщение об архивных данных на коммунистов: Колосова, Гипштейн. 10.02.1953.// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 121. С. 179.

Местная власть явным образом локализует кампанию официально обозначенными пределами, сдерживает активистов, желающих подвергнуть погрому «семейно-приятельские гнезда» в периферийных звеньях системы. Так на языке той эпохи назывались кланы, складывающиеся по месту работы. Правительственный антисемитизм предшествующих лет способствовал тому, чтобы вытесняемые с партийных и ответственных государственных должностей евреи концентрировались в своеобразных профессиональных гетто: юристы в прокуратуре, партийные работники в университетах, хозяйственники – в снабжении и торговле. Своеобразие этим учреждениям придавало то, что они, конечно же, не были этнически чистыми, и трудовые конфликты принимали в них зачастую национальную окраску.

Со страниц книги предстает образ скованного властным обручем местного сообщества, раздираемого изнутри конфликтами, взаимным непониманием, злобой и подозрительностью.

А.С. Кимерлинг доказательно отстаивает главный вывод исследования: региональная номенклатура пятидесятых годов располагала значительными ресурсами, чтобы отстаивать собственные интересы перед центром, в том числе, по возможности, обезвреживая затеваемые им политические кампании. В общем, все то, что является праздником для всех униженных и угнетенных, для местного начальства является досадной помехой в исполнении их служебного долга, более того, угрозой их общественному положению.

Монография А.С. Кимерлинг, насыщенная интереснейшим историческим материалом, представляет собой современное по методологии и технике исполнения научное исследование, во многом дополняющее и уточняющее профессиональное знание советской истории.

О. Лейбович

ВВЕДЕНИЕ

Последняя сталинская политическая кампания, вошедшая в историю под именем «дело врачей», во многом остается загадочной. Что это было? Очередная политическая кампания, подобная всем предшествующим, или начало большого поворота социализма? Попытки решить эту проблему исключительно на материалах центральных инстанций представляются недостаточными. Найти документы, в которых со всей ясностью были бы определены стратегические цели кампании, вряд ли когда-нибудь удастся. И дело даже не в том, что некоторых приказов, по верному замечанию М.Н. Покровского, «...ни в каких архивах найти нельзя».¹ Сами инициаторы кампании могли не отдавать себе отчет в ее промежуточных, побочных и конечных результатах.

Политическая кампания включала в себя, как минимум, два компонента: центральный и периферийный. В пределах первого компонента изучению подлежат расстановка политических сил в руководстве, политические цели и их идеологическое оформление. Второй компонент предполагает исследование конкретно-исторических форм реализации кампании в провинции, позицию региональных элит, степень и характер вовлечения в кампанию различных социокультурных групп населения. Можно предположить, что указанные выше конкретно-исторические формы отличались местным своеобразием. Политический смысл кампании может быть раскрыт только на основании действительных изменений в социальной среде. И с этой точки зрения, понять «дело врачей» возможно лишь изучая источники, характеризующие его развертывание на территории отдельных регионов страны. В этой книге внимание заостряется на таких крупных Уральских промышленных областях как Молотовская (ныне Пермский Край) и Свердловская.

Чтобы разобраться в региональных особенностях последней сталинской политической кампании, необходимо реконструировать национальную, политическую и социокультурную ситуацию на Урале в начале 50-х

¹⁸⁹ Протоколы пленума Ильинского РК КПСС. 6.01.1953. // ПермГАНИ. Ф. 104. Оп. 17. Д. 3. С. 4.

¹⁹⁰ Справки инструкторов Коми-Пермяцкого окружкома КПСС о партийно-политической работе с кадрами. 1953. // ПермГАНИ. Ф. 200. Оп. 42. Д. 31.

¹⁹¹ См.: Протокол заседания бюро Коми-Пермяцкого окружкома КПСС от 29.01.1953. // ПермГАНИ. Ф. 200. Оп. 42. Д. 3. С. 35-36.

¹⁹² См.: Там же. С. 55-57.

¹⁹³ См.: Протокол заседания бюро Коми-Пермяцкого окружкома КПСС от 26.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 200. Оп. 42. Д. 3. С. 75-77.

¹⁹⁴ См.: Протокол заседания бюро Калининского РК КПСС от 6.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 976. Оп. 18. Д. 3. С. 31.

¹⁹⁵ См.: Протокол заседания бюро Добрянского РК КПСС от 11.03.1953. // ПермГАНИ. Ф. 573. Оп. 15. Д. 9. С. 89.

¹⁹⁶ См.: Протокол заседания бюро Усольского РК КПСС от 7-9.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 398. Оп. 1. Д. 152. С. 41.

¹⁹⁷ Докладная записка и.о. прокурора Молотовской области И. Буканова «О результатах проверки фактов несвоевременного реагирования прокуратуры области на письма, поступающие из редакции». 15.01.1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 156. С. 27.

¹⁹⁸ Справка к III пленуму обкома КПСС по вопросу «О подборе, расстановке и воспитании кадров» по заводам машиностроения. 3.02.1953 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 147. С. 65.

¹⁹⁹ См.: Доклад секретаря обкома Ф.М.Прасса. Стенограмма III пленума Молотовского обкома КПСС. 10-11 февраля 1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 2. С. 4-37.

²⁰⁰ Доклад Прасса. Стенограмма III пленума Молотовского обкома КПСС. 10-11 февраля 1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 2. С. 6.

²⁰¹ Протокол заседания бюро Молотовского обкома КПСС. 5.02.1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 31. С. 43.

²⁰² Стенограмма III пленума Молотовского обкома КПСС. 10-11 февраля 1953 г. Доклад секретаря Ленинского РК КПСС тов. Рязанова // ПермОПД ПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 2. С. 42.

²⁰³ См.: Справка о крупных недостатках в работе областной клинической больницы. З.Семенова. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 86. С. 77-84.

²⁰⁴ Справка о крупных недостатках в работе областной клинической больницы. З.Семенова // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 86. С. 80.

²⁰⁵ Протокол заседания Молотовского обкома КПСС от 5. 02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 31. С. 43.

²⁰⁶ Протокол заседания бюро первичной парторганизации Молотовского Медицинского института от 25.03.1953. // ПермГАНИ. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 11. С. 185.

¹⁶⁹ Докладная записка секретаря Щучье-Озерского РК КПСС Пушкарева Ф. 5.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 596. Оп. 1. Д. 224. С. 5.

¹⁷⁰ Информация Пермско-Сергинского РК КПСС о проведенных мероприятиях в связи с сообщением ТАСС о врачах- вредителях. 7.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 88. Оп. 18. Д. 6. С. 22.

¹⁷¹ Сведения о работе групп докладчиков в Гремячинском ГК КПСС за январь 1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 275. С. 65.

¹⁷² Указания ЦСУ РСФСР, переписка по вопросам переписи населения на 1 января 1953 г. // ГАПК. Ф. Р-493. Оп. 4. Д. 1487. С. 124-128.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ См.: Тематика проведенных бесед по цеху №36... // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 200. С. 126.; Отчет о лекционной работе за 1051-1952 уч. Год лекторской группы Краснокамского ГК ВКП (б). // ПермГАНИ. Ф. 1290. Оп. 76. Д. 1. С. 1-2.

¹⁷⁵ Справка о состоянии пропаганды материалов и решений XIX съезда партии и об организации массово-политической работы в связи с подготовкой к выборам в местные Советы в городской парторганизации. 19.01.1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 202. С. 6.

¹⁷⁶ См.: Костырченко Г. В плену у красного фараона. М., 1994.

¹⁷⁷ Заседание бюро Свердловского Юридического института от 21.01.1953. // ЦДООСО. Ф. 2122. Оп. 2. Д. 8. С. 19.

¹⁷⁸ Заседание бюро Свердловского Юридического института от 21.01.1953. // ЦДООСО. Ф. 2122. Оп. 2. Д. 8. С. 19.

¹⁷⁹ Стенограмма III пленума Свердловского обкома КПСС. 9-10.02.1953. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 2. С. 79-80.

¹⁸⁰ См.: Там же. С. 79.

¹⁸¹ Протоколы VI пленума Ленинского РК КПСС г. Свердловск. 25.02.1953. // ЦДООСО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 369. С. 141.

¹⁸² Постановление Свердловского обкома КПСС от 31.03.1953. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 66. Д. 438. С. 10.

¹⁸³ Протокол бюро Коми – Пермского окружкома КПСС от 16.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 200. Оп. 42. Д. 3. С. 56.

¹⁸⁴ Отчет о работе отдела писем Молотовского обкома КПСС. Июль 1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 274. С. 83.

¹⁸⁵ Тихонов М. Дугадко процветает // Звезда 4. 04. 1948..

¹⁸⁶ Медлительный прокурор и бойкий Дугадко // Звезда 9.07. 1948.

¹⁸⁷ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. С. 178–179.

¹⁸⁸ Протокол №33 заседания бюро молотовского обкома ВКП(б) от 19, 22 октября 1948 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 71. С. 73–75.

годов, рассмотреть кампанию в уральской прессе как способ идеологического влияния на массы, охарактеризовать воздействие кампании на массовое сознание и коллективное поведение граждан, а также восстановить механизмы адаптации политической кампании к интересам различных социальных групп.

Политическую кампанию «дело врачей» обрамляют две газетные публикации: статья «Подлые шпионы и убийцы под маской профессорско-врачей» («Правда». 13.01.1953.) и сообщение МВД СССР о прекращении следствия по делу врачей («Правда». 4.04.1953.). Именно этот период, в течение которого по всей стране была организована, а затем прекращена политическая кампания, и охватывает исследование.

В действительности, кампания явилась продолжением ранее сложившейся политической линии, ее кульминацией. Она лишь корректировала предшествующую политику (процесс над Еврейским антифашистским комитетом и борьба с космополитизмом).

На территории Свердловской и Молотовской областей «дело врачей» началась в установленные для всей страны сроки, но окончательно завершилась с некоторым опозданием – летом 1953 года.

Исследование «дела врачей» в отечественной исторической науке стало возможным лишь на исходе перестройки. В конце 80-х годов появляются отдельные газетные и журнальные публикации², записки, очерки, размышления непосредственных участников политической кампании, прежде всего, жертв. Они опираются на личные воспоминания, содержат общую канву событий, эмоционально насыщены. В них достаточно адекватно передается атмосфера эпохи, рожденные в ней слухи, надежды, фобии, предположения. Работы первого этапа, как правило, не опираются на архивные документы.

В воспоминаниях современников представлены две версии: проводников и жертв политической кампании. К первой относятся дневники, мемуары и записи бесед Н.С. Хрущева, В.М. Молотова и К.М. Симонова.

Они пытаются приоткрыть политические резоны кампании, увидеть ее с точки зрения верховной власти. С этой позиции «дело врачей» рассматривается как «грубейшая политическая ошибка»³ (К.М. Симонов), «заговор против партийных кадров»⁴ (Н.С. Хрущев) или как «закономерный акт политической борьбы»⁵ (В.М. Молотов).

Иное видение картины дают люди, обреченные на статус жертв: Я. Эттингер, А. Борщаговский, Я. Рапопорт, С. Коган.⁶ В их воспоминаниях кампания 1953 года предстает как концентрированное выражение антисемитской политики, осуществляемой Сталиным, вплоть до полного выселения всех евреев. Смысл «дела врачей» заключается в том, чтобы идейно подготовить население к третьей мировой войне (Б. Иоффе⁷).

В 90-е гг. начинают проводиться глубокие исторические исследования по истории поздней сталинской эпохи. Исследователи открывают и анализируют все больше архивных источников. Многие материалы центральных архивов полностью публикуются: стенограмма процесса над сотрудниками еврейского антифашистского комитета (ЕАК),⁸ сборники документов: «Государственный антисемитизм в СССР. 1938-1953»⁹, «Сталин и космополитизм 1945 – 1953».¹⁰ О «деле врачей» ряд документов опубликованы в книге «Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы».¹¹

Что касается самого «дела врачей», то здесь можно выделить монографии четырех исследователей: Г. Костырченко, Д. Брента и В. Наумова, Ж. Медведева. Пожалуй, наиболее признанным специалистом по этой проблеме является Г. Костырченко. В двух его монографиях – «В плену у красного фараона»¹² и «Тайная политика Сталина» – «дело врачей» рассматривается в контексте сталинской послевоенной национальной политики, а истоки проблемы антисемитизма в России прослеживаются до конца XVIII века. Широкие обобщения методологического характера опираются на обширный фактический материал, почерпнутый из архивных источников. По мнению Г. Костырченко, теория заговора, лежащая в основе «дела врачей», представлялась самому диктатору вполне реальной.¹³

¹⁵¹ Протокол заседания партбюро железнодорожной больницы ст. Пермь II от 31.03.1953. // ПермГАНИ. Ф. 5860. Оп. 1. Д. 12. С. 15-16.

¹⁵² Приказ по Министерству здравоохранения РСФСР № 192. от 16.03.1953. // ГАПК. Ф. Р-981. Оп. 2. Д. 26. С. 13.

¹⁵³ Стенограмма V пленума Молотовского ГК КПСС. 28.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 628. С. 102.

¹⁵⁴ Протокол заседания бюро Фокинского РК КПСС от 3.04.1953. // ПермГАНИ. Ф. 695. Оп. 18. Д. 147. С. 122.

¹⁵⁵ Докладная Свердловского обкома КПСС. 9.02.1953. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 126. С. 153.

¹⁵⁶ Докладная записка председателю комиссии ЦК КПСС по проверке Молотовской области по вопросам культурно-бытового обслуживания трудящихся. 1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 221. С. 1-2.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Справка в Свердловский ГК КПСС от 18.06.1953.// ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 22. Д. 524. С. 56-57.

¹⁵⁹ Справка о дополнительном строительстве больницы на шахте №6 «Капитальная» г. Кизел. 20.01.1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 165. С. 10-11.

¹⁶⁰ Докладная записка об оказании помощи Зайковскому району в укомплектовании медицинскими кадрами, строительстве районной больницы и оборудовании. 4.04.1953.// ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 126. С. 156.

¹⁶¹ Протокол собрания парторганизации Кизеловской городской больницы от 27.03.1953.// ПермГАНИ. Ф. 2559. Оп. 1. Д. 1. С. 20.

¹⁶² Справка о культурно – бытовом обслуживании трудящихся города Березники. Июль 1953. // ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 35. Д. 44. С. 200.

¹⁶³ Докладная записка председателю комиссии ЦК КПСС по проверке Молотовской области по вопросам культурно-бытового обслуживания трудящихся. 1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 221. С. 4.

¹⁶⁴ Справка об укомплектованности медперсоналом в Свердловской области на 1953 г.// ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 2. Д. 1185. С. 30.

¹⁶⁵ Докладная записка об оказании помощи Зайковскому району в укомплектовании медицинскими кадрами, строительстве районной больницы и оборудовании. 4.04.1953.// ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 126. С. 156.

¹⁶⁶ Докладная секретаря Коми – Пермского окружкома КПСС И. Тотьянина о состоянии сети лечебно-профилактических учреждений от 21.05.1953. // ПермГАНИ. Ф. 200. Оп. 42. Д. 45. С. 9.

¹⁶⁷ Критические замечания в адрес административного отдела Молотовского обкома КПСС. 1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 187. С. 62.

¹⁶⁸ Письмо секретарю Ныробского РК КПСС от 11.02.1953.// ПермГАНИ. Ф. 696. Оп. 32. Д. 9. С. 33.

¹³² Письмо Насыбуллиной. 18.12.1952. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 368. С. 7.

¹³³ Докладная записка о настроениях населения в связи с подготовкой к выборам в Верховный Совет РСФСР. 5 02. 1947 // ПермГАНИ. Ф.59. Оп.2. Д. 232. С. 6–9.

¹³⁴ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 21. Д. 10. С.43-44.

¹³⁵ См.: Жеманова, М.Т. Влияние научно-технического прогресса на изменение профессиональной структуры рабочих кадров в промышленности / М.Т. Жеманова. – Свердловск, 1981. – С. 51.

¹³⁶ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. С. 154.

¹³⁷ Протокол праратива Верещагинского района от 17.03.1953.// ПермГАНИ. Ф. 582. Оп. 11. Д. 84. С. 4.

¹³⁸ Стенограмма 5 пленума [Молотовского] обкома КПСС. 11.04. 1957 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 24. Д.5. С. 108–109.

¹³⁹ См.: Киселев, В.Г. Влияние на личность условий труда и режима в Пермских ИТЛ в 40-50-х гг. / В.Г. Киселев // Тоталитаризм и личность. – Пермь, 1994. – С. 112.

¹⁴⁰ См.: Суслов, А.Б. Спецконтингент в Пермской области / А.Б. Суслов // Годы террора. – Пермь, 1998. – С. 176.

¹⁴¹ См.: Суслов, А.Б., Киселев В.Г. Страницы истории пермских «островов» ГУЛАГа / А.Б. Суслов, В.Г.Киселев // Страницы истории Урала. – Вып.2. – Пермь, 1995. – С. 97.

¹⁴² См.: Кириллов, В.М. Страницы истории среднеуральских «островов» ГУЛАГа (1936-1953) / В.М. Кириллов // Страницы истории Урала. – Вып.3. – Пермь, 1998. – С. 95.

¹⁴³ См.: Суслов, А. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953) / А. Суслов // Годы террора. – Пермь, 1998. – С. 176, 183.

¹⁴⁴ См.: Лейбович, О.Л., Кимерлинг, А.С. Письмо товарищу Сталину / О.Л. Лейбович, А.С. Кимерлинг. – Пермь, 1998. – С.48.

¹⁴⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1963. С. 304.

¹⁴⁶ Антонов – Белецкому. 26 09 1946. Об оказании помощи лечебным учреждениям Молотовской области // ПермГАНИ. Ф.105. Оп.12. Д. 134. С.13–14.

¹⁴⁷ Улучшить работу медицинских учреждений города.//Путь к коммунизму. 30.01.1953.

¹⁴⁸ О черствых, бездушных людях.// Краснокамская звезда. 25.02.1953.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Справке за 1953 г. заведующего Свердловского горздравотдела Мидютина // ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 22. Д. 524. С. 4.

Остальные авторы полемизируют или соглашаются с выводами Г. Костырченко. Вслед за Г. Костырченко они видят связь «дела врачей» и репрессивных акций против сотрудников МГБ, говорят о намерении Сталина сместить многих членов Политбюро и о подготовке к войне с США.

Ж. Медведев соглашается с Г. Костырченко в том, что Сталин накануне своей смерти собирался отказаться от публичного процесса над врачами-убийцами, а, следовательно, и от депортации евреев, однако, выдвигает гипотезу о готовности вождя к полному закрытию «дела врачей» или «спуску его на тормозах».¹⁴

Д. Brent и В. Наумов большое внимание уделяют процессам, происходившим в МГБ, доказывают версию об отравлении Сталина, дабы помешать ему расправиться с Политбюро. По их мнению, Сталин не собирался останавливаться в «деле врачей», ему просто не хватило времени.¹⁵ Однако с книгой Д. Brentа и В. Наумова связаны несколько проблем. Монография переведена с английского языка, и это привело к некоторым ошибкам в терминологии. Например, про Рюмина они пишут: «По связям он устраивается в *отдел финансового планирования НКВД*»,¹⁶ но такого названия отдела не существует. Или непонятно, что означает: «*Эволюционная роль Кузнецова в заговоре против врачей...*».¹⁷ Но, пожалуй, наиболее печальной является другая проблема. В отзыве на книгу, опубликованном в Интернет, пишут: «Директор издательства Йельского университета и исполнительный секретарь Комиссии по реабилитации при президенте РФ, перелопатив некогда сверхсекретные архивы КГБ, выяснили, что знаменитое «дело врачей» тесно связано с таинственной смертью отца народов».¹⁸ Безусловно, для историка новые архивные документы имеют колоссальную значимость, но в примечаниях к книге ссылки и архивы никак не соотносятся. Это обесценивает и делает сомнительными использованные материалы. В тексте есть названия документов, но нет ни фондов, ни описей, ни номеров дел, ни названия архивов, где хранятся данные документы, так что ни один документ не верифицируется.

Казус Л. Тимашук тщательно исследован в статье В. Малкина.¹⁹ О ситуации с письмом известных советских евреев в редакцию «Правды» и о роли И. Эринбурга писали Б. Сарнов, Б. Фрезинский, С. Липкин, В. Ершов.²⁰

Отдельные аспекты «дела врачей» в контексте политической истории страны освещены в работах А. Фурсенко и О. Лейбовича.²¹ Первый анализирует арест врачей как часть «грандиозной перетряски политической системы сверху донизу».²² Последний в серии исторических очерков реконструирует отдельные моменты политической кампании в Молотовской области, акцентирует внимание на реакции университетской среды.

В краеведческой литературе следует указать на работы биографического жанра Ю. Сорокина²³ и Б. Вайсберга²⁴. Их очерки посвящены судьбе известных евреев Екатеринбургa, в том числе врачам, которые пострадали в 1953 году.

Особенности Уральского региона нашли отражение в исследованиях А. Сулова,²⁵ В. Шмырова,²⁶ В. Кириллова,²⁷ В. Киселева.²⁸ Они описывают и анализируют систему ГУЛАГа на Урале. Г. Янковская реконструирует историю советского художественного сообщества в сталинскую эпоху.²⁹

Изучение «дела врачей» возможно лишь в тесной связи с исследованиями более широкого плана, посвященными ключевым проблемам истории той эпохи. Здесь следует указать на работы Л. Гордона, Э. Клопова, Э. Карра, Ю. Давыдова, В. Подороги, К. Азадковского, Б. Егорова.³⁰ Исследования Е. Зубковой раскрывают механизм функционирования общественного мнения поздней сталинской эпохи, в том числе она затрагивает проблему манипуляций массовыми настроениями в период политических кампаний.³¹ Тому, как конструировалась реальность социализма, посвящена монография Е. Добренко. По его мнению: «... соцреализм уравнивает «идеал» и реальность... происходит «материализация» идеала... социализм и существует постольку, поскольку он не столько «описан», сколько сконструирован и реализован соцреализмом, который превращается в мощнейший механизм контроля... за сферой политического бессознательного».³²

¹¹⁴ Распространение населения по наиболее многочисленным национальностям на 7 июля 1959 г. // ГАПК. Ф. Р-493. Оп. 4. Д. 1487. С. 124.

¹¹⁵ См.: Стенограмма 5 пленума [Молотовского] обкома КПСС. 11.04. 1957 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 24. Д.5. С.67.

¹¹⁶ Справка о результатах проверки обвинений о непартийном поведении ряда партийных, хозяйственных и других руководителей города Березники, высказанных собкором газеты «Звезда» тов. Данилкиным в письмах на Ваше имя. 1950 г.// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д.176. С. 52.

¹¹⁷ Данилкин М.Т. – Прассу Ф.М. 12 05. 1950 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д.176. С. 5.

¹¹⁸ Ведомости Верховного совета СССР. 1940. № 20.

¹¹⁹ Найданов –Прассу Ф.М. (без даты)// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. С. 62.

¹²⁰ См.: ПермГАНИ. Ф. 105. Оп.4. Д. 323. С.109.

¹²¹ Справка по письму в ЦК КПСС и заявлению в Молотовский обком партии от конструктора ОКБ-19 Министерства авиационной промышленности СССР тов. Черных Я.И. 20 10. 1952 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 18. Д. 206.С. 161.

¹²² Справка по проверке фактов, компрометирующих члена КПСС тов. Камчедалова Н.И. Сентябрь 1956 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 6. Д. 133. С.7.

¹²³ Ведомость зарплаты за январь 1953 г. ответственным работникам Березниковского горкома. // ПермГАНИ. Ф.59. Оп. 35. Д. 46. С. 194.

¹²⁴ Информации Молотовского обкома от 3.04.1953 о проведении массово-политической работы... в связи с новым понижением государственных розничных цен // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 119. С. 80.

¹²⁵ ПермГАНИ. Ф. 7214. Оп. 54. Д.9. С. 60.

¹²⁶ ПермГАНИ. Ф. 7214. Оп.54. Д.9. С. 63-64.

¹²⁷ Заявление бывшего завмага 1 Продснаба при ВМЗ г. Березники Сапеева И.А. от 15.08.1948.// ПермГАНИ. Ф.105. Оп. 14. Д. 510. С. 17.

¹²⁸ Тихонов М. Дугадок процветает //Звезда 4.04. 1948. Подробнее о борьбе М.Т. Данилкина с местной элитой см.: Лейбович О. Кимерлинг А. Письмо товарищу Сталину. Политический мир М.Т. Данилкина. – Пермь, 1998.

¹²⁹ Личман, Б.В. Региональная индустрия в СССР / Б.В. Личман. – Екатеринбург, 1992. – С. 217.

¹³⁰ Письмо Министру финансов СССР т. Звереву А.Г. 27.01.1953.// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 127. С. 18.

¹³¹ Справка секретарю Александровского горкома от 10.03.1953.// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д.149. С. 34.

⁹⁰ См.: Фурсенко, А.А. Конец эры Сталина / А.А. Фурсенко // Звезда, 1999. – №12. – С. 178–179.

⁹¹ Правда: газ. – М., 1953, 22 янв.

⁹² См.: Костырченко, Г. В плену у красного фараона / Г. Костырченко. – М., 1994. – С. 344.

⁹³ Правда: газ. – М., 1953, 21 янв.

⁹⁴ Чичеткина, О.И. Почта Лидии Тимашук / О.И. Чичеткина // Правда. – М., 1953, 20 февр.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Правда: газ. – М., 1953, 14 февр.

⁹⁷ Надеждин, В. Сионизм – агентура американского империализма / В. Надеждин // За коммунизм (Юсьва), 1953, 26 марта.

⁹⁸ Цит. по: Костырченко, Г. В плену у красного фараона / Г. Костырченко. – М., 1994. – С. 346.

⁹⁹ Скороходов, Г. Разговор с Раневской / Г. Скороходов. – М., 1999. – С. 342.

¹⁰⁰ См.: Этингер, Я. Дело врачей. Сорок лет спустя / Я. Этингер // Новое время, 1993. – № 2–3. – С. 49.

¹⁰¹ Воспоминания Кимерлинга М.С. // Из личного архива автора. Запись от 11.04.1966.

¹⁰² См.: Медведев, Ж. Секретный наследник Сталина / Ж. Медведев // Урал, 1999. – №7. – С. 141.

¹⁰³ Горелик, В. «...Терпением изумляющий народ» / В. Горелик // Знамя. – №3, 1997. – С. 183.

¹⁰⁴ Мошенцева, П. Тайны кремлевской больницы / П. Мошенцева. – М., 1998. – С. 217–218.

¹⁰⁵ Гойхберг, М. До, во время и после войны / М. Гойхберг // Октябрь. 1998. – №12. – С. 166.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Соркин, Ю.Э. Известные врачи-евреи Екатеринбурга / Ю.Э. Соркин. – Екатеринбург, 1997. – С. 83.

¹⁰⁸ Горелик, В. «...Терпением изумляющий народ» / В. Горелик // Знамя. – №3, 1997. – С. 187.

¹⁰⁹ Правда: газ. – М., 1953, 4 апр.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Млечин, Л. Председатели КГБ / Л. Млечин. – М., 1999. – С. 336.

¹¹² Горелик В. «...Терпением изумляющий народ» / В. Горелик // Знамя. – №3, 1997. – С. 187.

¹¹³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. – М., 1963. – С. 326, 352.

Тему антисемитизма, его происхождения исследуют Л. Гудков, А. Левинсон, Д. Дмитриев, Д. Трахтенберг, Д. Харитонович. Они выделяют исторические типы антисемитизма и связывают «образ еврея» с архитипичным «образом врага».³³

Историко-социологические и политологические исследования М. Джиласа, М. Геллера, Г. Хазагерова, Н. Попова, М. Капустина, Л. Истягина проясняют как отдельные элементы, так и глубинные основания советского общества в том виде, в каком оно сложилось к началу 1950 гг. В этих исследованиях делается акцент на отдельные особенности советской разновидности тоталитаризма.³⁴

Новый всплеск интереса к «делу врачей» наблюдался в юбилейный 2003 год. Появились новые публикации в газетах,³⁵ в Интернете, были сняты документальные фильмы.

Отечественная историография последнего времени сформулировала основные подходы к изучению «дела врачей», выработала методологические основания такого исследования, наконец, накопила серьезный фактический материал. Однако изыскания в данном проблемном поле нельзя назвать завершенными. Периферийный компонент политической кампании «дело врачей» остался практически нетронутым. Наиболее значимые исследования, затрагивающие события 1953 года, проводила Е.С. Генина из Кемеровского государственного университета. В ее докторской диссертации на тему «Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949 – 1953 гг.)»³⁶ «дело врачей» рассматривается как третий этап борьбы с космополитами. Для исторической реконструкции был привлечен широкий пласт местных архивных источников.³⁷ Судя по всему, кампания в Сибири в большей степени, чем на Урале, соответствует сценарию вождя. Например, в Государственном Институте для Усовершенствования Врачей в городе Сталинске (сегодня Новокузнецк) Кемеровской области имели место аресты. Проверка института комиссией Министерства здравоохранения РСФСР началась еще в январе 1953 г., то есть полностью совпала с нача-

лом «дела врачей».³⁸ Однако других подробных работ, посвященных «делу врачей» в провинции, в отечественной историографии нет. В силу этого многие аспекты кампании остались не проясненными, истолкования избыточно категоричными.

Рассматривая «дело врачей» как политическую кампанию, мы можем выделить в ней разноуровневые компоненты. Первым является деятельность властей. Вторым – реакция масс. Оба компонента имеют не только общую границу, но и находятся во взаимодействии и взаимопроникновении. Для их изучения требуется особый тип источников.

Деятельность властей может быть восстановлена по архивным материалам и газетным публикациям, в которых представлены позиции тех или иных властных инстанций и в том виде, в каком они формулируют ее для себя, и в том, в каком они представляют ее населению.

Круг архивных источников, привлеченных к работе, включает в себя директивные указания областных, городских и районных парторганизаций (письма, резолюции, протоколы пленумов и бюро), хранящиеся в фондах обкомов, горкомов и райкомов, документы государственных учреждений и следственных органов. Отчеты, справки, информации, посылаемые местными партийными органами в центр в ходе кампании, дают возможность восстановить практически полную картину развития и угасания политической кампании «дело врачей» в провинции.

В исследовании использованы материалы пяти государственных архивохранилищ Перми и Екатеринбурга: Государственного архива Свердловской области (ГАСО), Государственного архива Пермского края (ГАПК), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Пермский Государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ).

Идеологический элемент кампании нашел отражение в прессе. В процессе исследования с применением элементов контент-анализа были обработаны материалы 71 центральной, областной, городской, районной и

⁶⁷ Цит. по: Фурсенко А.А. Конец эры Сталина / А.А. Фурсенко // Звезда, 1999. – №12. – С. 180.

⁶⁸ Хрущев, Н.С. Воспоминания / Н.С. Хрущев. – М., 1997. – С. 262–263

⁶⁹ Там же. – С. 262.

⁷⁰ Столяров, К. Голгофа. Документальная повесть / К. Столяров. – М., 1991. – С. 50.

⁷¹ См.: Фурсенко, А.А. Конец эры Сталина / А.А. Фурсенко // Звезда. – 1999. – №12. – С. 182.

⁷² Солсбери, Г. Сквозь бури нашего времени. Воспоминания / Г. Солсбери, 993. – С. 422.

⁷³ См.: Фурсенко, А.А. Конец эры Сталина / А.А. Фурсенко // Звезда, 1999. – №12. – С. 182–183.

⁷⁴ Фурсенко, А.А. Конец эры Сталина / А.А. Фурсенко // Звезда, 1999. – №12. – С. 178.

⁷⁵ Горелик, В. «...Терпением изумляющий народ» / В. Горелик // Знамя. – №3, 1997. – С. 182.

⁷⁶ Азадовский, К., Егоров, Б. Космополиты / К. Азадовский, Б. Егоров // Новое литературное обозрение, 1999. – № 36. – С. 86.

⁷⁷ Иоффе, Б. Особо секретное задание / Б. Иоффе //Новый мир, 1999. – №5. – С. 145–146.

⁷⁸ См.: Фурсенко, А.А. Конец эры Сталина / А.А. Фурсенко // Звезда, 1999. – №12. – С. 174–175.

⁷⁹ Фурсенко, А.А. Конец эры Сталина / А.А. Фурсенко // Звезда, 1999. – №12. – С. 178–179.

⁸⁰ См.: Гозман, Л., Эткинд А. Разговор с антисемитом / Л. Гозман, А. Эткинд //Родина. – № 2, 1990. – С. 49–50.

⁸¹ См.: Роговин, В. Партия расстрелянных / В. Роговин. – М., 1997.

⁸² Неправедный суд. – М., 1994. – С. – 376.

⁸³ См.: Приговор членам ЕАК // Неправедный суд. – М., 1994. – С. 376–381.

⁸⁴ См.: В плену у красного фараона / Г. Костырченко. – М., 1994. – С. 317–320.

⁸⁵ Шноль, С.Э. Герои и злодеи российской науки / С.Э. Шноль. – М., 1997. – С. 302–303.

⁸⁶ См.: Млечин, Л. Председатели КГБ / Л. Млечин. – М., 1999. – С. 316–317.

⁸⁷ См.: Костырченко, Г. В плену у красного фараона / Г. Костырченко. – М., 1994. – С. 339.

⁸⁸ См.: Источник, 1997. – № 1. – С. 143–146.

⁸⁹ Рапорт, Я.Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года / Я.Л. Рапорт. – М., 1989. – С. 68.

- ⁴³ См.: Харитонович, Д. Антисемитизм в прошлом и настоящем. / Д. Харитонович // Новое литературное обозрение. – №39, 1999. – С. 388–389.
- ⁴⁴ Гуревич, А.Я. Проблемы средневековой народной культуры / А.Я. Гуревич. – М., 1991. – С. 319.
- ⁴⁵ Словарь русского языка. – М., 1959. – Т. 3. – С. 790–791.
- ⁴⁶ Словарь русского языка. – М., 1959. – Т. 4. – С. 995.
- ⁴⁷ Хазагеров, Г. Скифский словарь / Г. Хазагеров // Знамя, 1999. – №12. – С. 167–175.
- ⁴⁸ Лейбович, О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. / О.Л. Лейбович. – Пермь, 1993. – С. 49.
- ⁴⁹ Бухарин, Н.И. Избранные труды / Н.И. Бухарин. – Л., 1988. – С. 281.
- ⁵⁰ Второй Всероссийский съезд советских писателей. 15–26 декабря 1954 года. Стенографический отчет. М., 1956. – С. 142.
- ⁵¹ Лысенко, В. Последний рейс / В. Лысенко. – М., 1998. – С. 204–205.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Сталин, И.В. О работе деревни // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. С. 229–230.
- ⁵⁴ Оруэлл Д. 1984. – М., 1992. – С. 251.
- ⁵⁵ См.: Арндт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт. – М., 1996. – С. 551–552.
- ⁵⁶ Багрицкий, Э. Стихотворения и поэмы / Э. Багрицкий. – М.-Л., 1964. – С. 126.
- ⁵⁷ Горбовский, А. Магия и власть / А. Горбовский // Знамя, 1998. – №10. – С. 158–159.
- ⁵⁸ Симонов, К. Глазами человека моего поколения / К. Симонов. – М., 1988. – С. 216.
- ⁵⁹ Словарь русского языка. – М., 1959. – Т. 4. – С. 137.
- ⁶⁰ Трахтенберг, Д. Дьявол и евреи: Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом / Д. Трахтенберг. – М.; Иерусалим; Гешарим, 1998. – 296 с.
- ⁶¹ Маркс, К., Энгельс Ф. К еврейскому вопросу. // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – М., 1955. – Т. 1. – С. 408.
- ⁶² См.: Гудков, Л., Левинсон, А. Еврей как феномен советского сознания / Л. Гудков, А. Левинсон // Театр. – №7, 1992. – С. 149.
- ⁶³ Троцкий, Л. Преступления Сталина / Л. Троцкий. – М., 1994. – С. 217.
- ⁶⁴ Геллер, М. Машина и винтики / М. Геллер. – М., 1994. – С. 118–119.
- ⁶⁵ См.: Лейбович, О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. / О.Л. Лейбович. – Пермь, 1993. – С. 78–79.
- ⁶⁶ Там же. С. 82.

ведомственной газеты, с помощью которых удалось проследить ход пропагандистской кампании на Урале, определить средства и методы идейно-политического воздействия партийных организаций на массы, а также замерить степень участия районных, городских и многотиражных газет в политической кампании.

Публицистика тех лет, представленная в периодических изданиях, является еще одним источником для изучения первого уровня политической кампании. Она была рассчитана на пропагандистский эффект и не содержала несанкционированной критики. Подобные материалы также помогают понять руководящую линию властей в кампании.

Что касается второго уровня кампании, реакции масс, то здесь чаще всего мы имеем дело с косвенными источниками. К ним относятся: сводки о настроениях и высказываниях трудящихся, составляемые на местах, отчеты о проведенных митингах и собраниях, списки вопросов, задаваемых партийным руководителям. Прямыми источниками являются протоколы собраний профсоюзов, комсомола, первичных парторганизаций, отчеты хозяйственных и ведомственных структур, письма и обращения трудящихся в различные инстанции, личные дела коммунистов.

Фонды вузов Перми и Екатеринбурга и фонды учреждений (Пермская областная больница, адвокатура и пр.) позволяют исследовать политическую кампанию вне партийных организаций и открывают много деталей, необходимых для реконструкции событий.

Следует отметить, однако, что если материалы первого уровня сохранились и доступны, то материалы второго уровня представлены с изъятиями. Молотовская областная клиническая больница, в которой было возвращено собственное «дело врачей», не сдала в Государственный архив документы за первую половину 1953 года, а дела с письмами и жалобами населения в партийные и государственные органы уничтожены почти во всех фондах областных, городских и районных парторганизаций, поэтому по данным источникам картина получается с несколько смещенными чертами. Мы видим действия властей в достаточном объеме, но реакция населения представлена в искаженном виде.

Необходимым дополнительным источником являются мемуары. Среди них выделяются воспоминания сельского врача В. Горелик³⁹, врача кремлевской больницы П. Мошенцевой⁴⁰ и хирурга-уролога М. Гойхберга.⁴¹ В них можно обнаружить настроения участников событий той эпохи, личные позиции. Однако следует учитывать, что воспоминания написаны в других условиях, естественно деформированы временной дистанцией и иными общественными тенденциями.

Использованные источники отличаются по степени достоверности. Пожалуй, наиболее точную информацию содержат партийные и государственные документы конфиденциального характера, например, переписка парторганизаций с местными и центральными органами власти. Материалы, создававшиеся для широкого пользования, – газеты, публицистика и, отчасти, мемуары – были преимущественно рассчитаны на пропагандистский эффект.

Политические кампании были важнейшим инструментом власти в тоталитарном государстве. Они давали возможность направить активность масс в соответствии с текущими политическими задачами. Обычная политическая кампания сталинской эпохи развивалась по стандартному сценарию: 1) арест первой группы врагов; 2) передовая статья в центральной прессе; 3) повсеместные митинги и собрания в поддержку властей; 4) дальнейшая пропагандистская кампания в столичной и местной печати; 5) инициатива масс в виде писем и жалоб; 6) поиск врагов на собственной территории; 7) партийные, профсоюзные и комсомольские собрания; 8) массовые исключения из партии, увольнения, аресты. «Дело врачей» успело дойти до шестого пункта программы.

Сталинской тоталитарной системе свойственна атомизированная и бесструктурная модель общества, когда люди, обитая в атмосфере страха, всеобщего недоверия и неизвестности, теряют межличностные связи и доверяют исключительно вышестоящим инстанциям. Сложившаяся система мифов обуславливала восприятие советским человеком окружающей действительности.

³⁶ Генина, Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Е.С. Генина; Кемерово, 2009.

³⁷ Генина, Е.С. Отголоски «дела врачей» в Кузбассе (1953 г.) / Е. С. Генина // Ксенофобия: История. Идеология. Политика: Сб. ст. – М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2003. – С. 118–130.; Генина, Е.С. Отголоски «дела врачей» в Приморском крае (1953 г.) / Е.С. Генина // Ученые записки факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета – Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – С. 126–130; Генина, Е.С. Отголоски «дела врачей» в Новосибирской области (1953 г.) / Е.С. Генина // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятое научное чтение памяти профессора А. П. Бородавкина: сб. науч. тр. / под ред. В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова. – Барнаул: «Аз Бука», 2005. – С. 182–184; Генина, Е.С. Идеолого-пропагандистская кампания, связанная с «делом врачей» 1953 г. (по материалам периодической печати Сибири) / Е. С. Генина // Сибирь в истории России (к 100-летию Зинаиды Георгиевны Карпенко): Материалы региональной научной конференции (Кемерово, 29 сентября 2006 г.) / Отв. ред. В.А. Волчек, А.М. Адаменко. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – С. 246–251; Генина, Е.С. Судьба О.Л. Лурье: от колчаковского врача до «врача-вредителя» / Е.С. Генина // Сибирь в период Гражданской войны: Материалы Международной научной конференции (6–7 февраля 2007 года, г. Кемерово) / науч. ред. С.П. Звягин. – Кемерово: ГОУ «КРИПО», 2007. – С. 180–183; Генина, Е.С. Тема Государства Израиль в обвинениях советских евреев в 1953 г. (по материалам Западной Сибири) / Е.С. Генина // Материалы Пятнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. – Ч. 1 / Отв. ред. В.В. Мочалова. – М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2008. – С. 282–290; Генина, Е.С. «Дело врачей» в Сибири (1953 год) / Е.С. Генина // Вестник Новосибирского государственного университета (Сер.: История, филология). – 2009. – Т. 8, вып. 1: История. – С. 81–85; Генина, Е.С. «Дело врачей» в Сталинске (1953 г.) / Е.С. Генина // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. – 2009. – 4/1 (64/1). – С. 55–62.

³⁸ Генина, Е.С. «Дело врачей» в Сталинске (1953 г.) / Е.С. Генина // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. – 2009. – 4/1 (64/1). – С. 55–62.

³⁹ Горелик, В. «...Терпением изумляющий народ» / В. Горелик // Знамя. – №3, 1997. – С. 176–187.

⁴⁰ Мошенцева, П. Тайны кремлевской больницы / П. Мошенцова. – М.: «Коллекция-Совершенно секретно», 1998. – 256 с.

⁴¹ Гойхберг, М. До, во время и после войны / М. Гойхберг // Октябрь. – 1998. – №12. – С. 165–167.

⁴² Гуманитарное знание в школе: осмысление проблем. – Пермь, 1998. – С. 7.

³⁰ Азадовский, К., Егоров, Б. О низкопоклонстве и космополитизме: 1948–1949 / К. Азадовский, Б. Егоров // Звезда. 1989. № 6. С. 157–176; Гордон, Л.А., Клопов, Э.В. Что это было? / Л.А. Гордон, Э.В. Клопов. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.; Давыдов, Ю. Тоталитаризм и тоталитарная бюрократия / Ю. Давыдов // Наука и жизнь, 1991. – №8. – С. 44–51; Карр, Э. История Советской России. Кн.1 / Э. Карр. – М.: Прогресс, 1990. – 768 с.; Клопов, Э. Рабочий класс СССР / Э.Клопов. – М.: Мысль, 1985. – 336 с.; Подорога, В.А. «Голос власти» и «письмо власти» / В.А. Подорога // Тоталитаризм как исторический феномен. – М.: Философское общество СССР, 1989. – 396 с.

³¹ Зубкова, Е.Ю. Мир мнений советского человека 1945-1948 гг. / Е.Ю. Зубкова // Отечественная история. 1998. – №3. – С. 25–39, №4. – С. 99–108; Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945-1953 / Е.Ю. Зубкова. – М.: РОСПЭН, 1999. – 229 с.; Зубкова, Е.Ю., Куприянов, А.И. Возвращение к «русской идее»: кризис идентичности и национальная история / Е.Ю. Зубкова, А.И. Куприянов // Отечественная история. 1999. – №5. – С. 4–28.

³² Добренко, Е. Политэкономия соцреализма / Е. Добренко. – М.: НЛЮ, 2007. – С. 38.

³³ Гудков, Л., Левинсон, А. Еврей как феномен советского сознания / Л. Гудков, А. Левинсон // Театр. – №7, 1992. – С. 140–151; Дмитриев, Д. Почему Холокост? / Д. Дмитриев // Новый мир. – №9, 1999. – С. 219–227; Образ врага. – М.: ОГИ, 2005; Трахтенберг, Д. Дьявол и евреи: Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом / Д. Трахтенберг. – М.; Иерусалим; Гешарим, 1998. – 293 с.; Харитонович, Д. Антисемитизм в прошлом и настоящем / Д. Харитонович // Новое литературное обозрение. – №39, 1999. – С. 385–398.

³⁴ Геллер, М. Машина и винтики / М. Геллер. – М.: «Мик», 1994. – 336 с.; Джилас, М. Лицо тоталитаризма / М. Джилас. – М.: Новости, 1992. – 544 с.; Истягин, Л.Г. Исследование по тоталитаризму. В поисках нового обоснования концепции / Л.Г. Истягин // Полис. 1997. №2. С. 186–187; Капустин, М. Конец утопии? / М. Капустин. – М.: Новости, 1990, 594 с.; Попов, В.П. Государственный террор в Советской России. 1923-1953 гг. / В.П. Попов // Отечественные архивы. 1992. №2. С. 20–31; Хазагеров Г. Скифский словарь / Г. Хазагеров // Знамя, 1999. №12. С. – 167–175.

³⁵ Балан, В. (Нью-Джерси) Февраль 1953-го. К 50-летию дела врачей и смерти Сталина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.chayka.org/oarticle.php?id=719; Дружинский, В. Последнее преступление тирана / В. Дружинский // Зеркало недели. – № 1 (426) 11–17 января 2003; Маслов, А. Особая папка. Арестованная медицина / А. Маслов // Новая газета. – № 12. – 17.02.2003; Соколов, Б. «Дело врачей»: начало и конец / Б. Соколов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ricolor.org/history/rsv/kgb/vrachi/>. – 4.04.2003.

вительности, она рисовала непротиворечивую картину мира, весьма отдаленно напоминающую реальность, помогала ориентироваться и предоставляла примеры для подражания. В такой ситуации воздействие средств массовой информации на сознание граждан практически не ограничено. Вождь имеет возможность по собственной воле менять систему ценностей и модели поведения.

Связь власти с массами наиболее активно проявлялась во время политических кампаний. Власть воздействовала через систему пропаганды, народ отвечал ростом числа писем с «жалобами и предложениями». При помощи них люди пытались добиться справедливости, переместиться по служебной лестнице, отомстить или просто выплеснуть эмоции. Официально провозглашая демократические свободы, тоталитарные вожди позволяли только управляемую демократию во время политических кампаний, когда активность масс оправдывала террористические действия властей.

В основе активности масс во время политических кампаний находился миф о враге. Мир в представлении советского человека состоял из двух частей: «мы» – Страна Советов, и «они» буржуазные государства, мечтающие только о том, чтобы уничтожить СССР. Именно последнему лагерю принадлежит «враг». Враг еще с архаичных времен представлялся ужасным чудовищем, обладающим сверхъестественной силой и способностью мимикрировать, его единственной задачей было нанести вред и переманить на свою сторону наиболее нестойких членов общества. Врага надо было уничтожать, кем бы он не оказался, даже если это близкий родственник. В тоталитарном обществе коллективные связи выше родственных.

В Советском Союзе за период власти Сталина было много категорий врагов, чаще всего они не имели особых примет. Для поддержания террористической диктатуры необходимо, чтобы врагом мог оказаться каждый, и нельзя было предугадать, кто окажется следующей жертвой.

В конце 40-х – начале 50-х годов XX века модернизация привела к тому, что дальнейшее ее развитие угрожало тоталитарной системе. Нача-

ли восстанавливаться горизонтальные связи, появился частный интерес и взаимная выгода. Америка во время войны была союзником, и ненависть к ней несколько притупилась, а «великая цель» развития коммунизма в светлом будущем и превосходства над Западными державами, лежащая в центре социалистического мифа, находилась под угрозой.

Поэтому Сталин для проведения еще одной грандиозной чистки организовал новую политическую кампанию. Кроме того, необходимо было напомнить о внешнем враге – капитализме. Последняя сталинская кампания отличалась от довоенных. В качестве врага были названы евреи.

По обозначившимся масштабам «Дело врачей» можно сравнить с кампаниями конца 30-х гг. XX века, однако, ситуация в обществе изменилась и обычный сценарий был несколько нарушен: за три месяца кампании на местах не было арестов. Остальные компоненты остались неизменными.

¹⁵ Brent Д., Наумов В. Последнее дело Сталина / Д. Brent, В. Наумов. – М.: Изд-во Проспект, 2004. – С. 271.

¹⁶ Brent, Д., Наумов, В. Последнее дело Сталина / Д. Brent, В. Наумов. – М.: Изд-во Проспект, 2004. – С. 99.

¹⁷ Brent, Д., Наумов, В. Последнее дело Сталина / Д. Brent, В. Наумов. – М.: Изд-во Проспект, 2004. – С. 121.

¹⁸ Сталин готовил заговор против еврейских врачей, а потом умер // Полит.ру. 30.11. 2003. www.polit.ru/news/2003/11/30/630344.html

¹⁹ Малкин В. Семь писем Лидии Тимашук // Новое время. – №28, 1993.

²⁰ Ершов, В.П. Коридоры смерти. Историко-фантастическая хроника. – М.: ПИК, 1990; Липкин С. Квадрига. М., 1997; Сарнов, Б. Эти две-три недели решили все [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lechaim.ru/ARHIV/136/sarnov.htm; Фрезинский, Б.Я. Власть и деятели советской культуры – проблема адекватного анализа. // Исторические записки. – № 5, 2002. – С. 298–323.

²¹ Лейбович, О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. / О.Л. Лейбович. – Пермь: ПГУ – ЗУУНЦ, 1993. – 182 с.; Лейбович, О.Л. «Дело врачей» в Молотовской области (январь-март 1953 г.) / О.Л. Лейбович // Национальный вопрос в прошлом, настоящем и будущем России. Тезисы докладов межрегиональной научно-практической конференции. – Пермь: ПГУ, 1995; Лейбович, О.Л. Университетские истории / О.Л. Лейбович. – Пермь: ЗУУНЦ, 1997. – 102 с.; Лейбович, О., Кимерлинг, А. Письмо товарищу Сталину. Политический мир М.Т. Данилкина / О. Лейбович, А. Кимерлинг. – Пермь: ЗУУНЦ, 1998. – 177 с.

²² Фурсенко, А.А. Конец эры Сталина / А.А. Фурсенко // Звезда. – 1999. – №12. – С. 173–188.

²³ Сорокин, Ю.Э. Известные врачи-евреи Екатеринбурга / Ю.Э. Сорокин. – Екатеринбург: Штерн, 1997. – 131 с.

²⁴ Вайсберг, Б. Очерки об известных евреях Екатеринбурга / Б. Вайсберг. – Екатеринбург: Штерн, 1997. – 100 с.

²⁵ Суслов, А. Спецконтингент в Пермской области (1929-1953 гг.) / А. Суслов. – Пермь: РИО ПГПУ, 2003.

²⁶ Шмыров, В. К истории Пермских политлагерей / В. Шмыров // Годы террора. Пермь: Здравствуй, 1998. – С. 250–266.

²⁷ Киселев, В.Г. Влияние на личность условий труда и режима в Пермских ИТЛ в 40-50-х гг. / В.Г. Киселев // Тоталитаризм и личность. – Пермь: ПГПИ, 1994. – С. 111–114.

²⁸ Киселев В.Г. Влияние на личность условий труда и режима в Пермских ИТЛ в 40-50-х гг. // Тоталитаризм и личность. Пермь: ПГПИ, 1994. – С. 111–114.

²⁹ Янковская, Г.А. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. / Г.А. Янковская – Пермь: ПГТУ, 2007. – 312 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Покровский, М.Н. Империалистическая война: сб. статей / М.Н. Покровский. – М.: Изд-во коммунистической академии, 1928. – С. 9.

² Гай, Д. Конец «дела врачей»/ Д. Гай // Московские новости. – 7.02.1988; Гозман Л., Эткинд А. Разговор с антисемитом / Л. Гозман, А. Эткинд // Родина. – № 2. – 1990. – С. 49–50; «Дело врачей» 1953 года // Слово: В мире книг. – 1989. – №9. – С. 15–19; Сафронова, Н. 50-е: «Дело врачей» / Н. Сафронова // Медицинская газета. – 20.06.1988.

³ Симонов, К. Глазами человека моего поколения / К. Симонов – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1988. – 480 с.

⁴ Хрущев, Н.С. Воспоминания / Н.С. Хрущев. – М.: Вагриус, 1997. – 512 с.

⁵ Чуев, Ф. Сто сорок бесед с Молотовым / Ф. Чуев – М.: Терра, 1991. – 608 с.

⁶ Борщаговский, А.М. Записки баловня судьбы / А.М. Борщаговский. – М.: Советский писатель, 1991. – 400 с.; Борщаговский, А.М. Обвиняется кровь / А.М. Борщаговский. – М.: Прогресс- Культура, 1994. – 318 с.; Коган, Л.Н. «Неповторимая романтика социологии» / Л.Н. Коган // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. – СПб., 1999. – С. 280–300; Рапопорт, Я.Л. Воспоминания о «деле врачей» / Я.Л. Рапопорт // Спутник. 1988. – №2. – С. 128–136; Рапопорт Я.Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года / Я.Л. Рапопорт. – М.: Книга, 1989. – 327 с.; Этингер, Я. «Дело врачей» и судьба одной семьи / Я. Этингер // Наука и жизнь. – 1990. – №1. – С. 126–129; Этингер, Я. Дело врачей. Сорок лет спустя / Я. Этингер // Новое время. – 1993. – № 2-3. – С. 47–49.

⁷ Иоффе, Б. Особо секретное задание / Б. Иоффе // Новый мир. – №5. – 1999. – С. 144–156.

⁸ Неправедный суд. Последний сталинский расстрел (стенограмма судебного процесса над членами ЕАК). – М.: Наука, 1994. – 399 с.

⁹ Государственный антисемитизм в СССР. 1938-1953. Документы / сост. Г.В. Костырченко. – М.: МФД: Материк, 2005. – 592 с.

¹⁰ Сталин и космополитизм. 1945-1953. Документы. / Сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. – М.: МФД: Материк, 2005. – 768 с.

¹¹ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. – М.: МФ «Демократия», 1999. – 512 с.

¹² Костырченко, Г. В плену у красного фараона / Г. Костырченко. – М.: «Международные отношения», 1994. – 400 с.

¹³ Костырченко, Г.В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм / Г.В. Костырченко. – М.: Международные отношения, 2001. – С. 654–655.

¹⁴ Медведев, Ж. Сталин и еврейская проблема: Новый анализ / Ж. Медведев. – М.: АСТ, 2005. – С. 187–190.

ГЛАВА 1 ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ КАК СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТЕЙ С МАССАМИ В СТАЛИНСКОЙ СИСТЕМЕ

1.1. ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В ТОТАЛИТАРНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

В государстве, где не допускается сложных социальных взаимоотношений, слиты воедино экономика, политика, семья, утратившие отдельность существования, необходим миф о враге. Образ врага можно считать составным элементом советской политической культуры. Основным компонентом культуры является ментальность, которая, по мнению Ле Гоффа, представляет собой комплекс не вполне осознаваемых (или не осознаваемых) манер мыслей, подчас лишенных логики умственных образов, свойственных данной эпохе или определенной социальной группе. Люди пользуются этими автоматизмами мысли, не вдумываясь и не замечая их. Другим важнейшим компонентом являются принятые обществом идеологемы. Они предписывают «...как следует трактовать социальный порядок, предлагают готовый набор ценностей и моделей поведения, ... они рассчитаны на повсеместное принятие и усвоение... тождественны ложному сознанию».⁴²

Образ врага – это часть ментальности. Для человека еще с архаичных времен свойственно делить мир на две части: на «наш», «этот» мир и «не наш», «тот» мир, «тот свет». Наш мир – это хороший мир, мир света, мир людей, богов, добрых духов, предков. Главное – это мир жизни, и даже «наши» родоначальники не уходят из этого мира. «Тот» мир – это дурной мир, мир тьмы, мертвецов, привидений, демонов, злых духов. Главное – это мир смерти, и все иноплеменники относятся к этому миру. Потому убить врага – не значит уничтожить человека, но лишь отправить забредшего в наш мир ожившего мертвеца в полагающееся ему место. При этом оба мира являются как бы зеркальным отражением друг друга: с «нашей» точки зрения, «мы» – живые, «они» – мертвые, «наш» мир – мир жизни, «их» мир – мир смерти, но с «их» точки зрения – все наоборот.⁴³

«Чужие» представлялись злобными и коварными существами, для которых самая большая радость – это завлечь в свои сети человека, устремленного к высокой цели, сбить его с правильного пути, а если удастся, то и привлечь в свои ряды. Легче всего они воздействовали на слабых членов общества, на тех, кто возгордился или зазевался. А.Я. Гуревич писал об образе врага в средневековом коллективистском обществе: «Обитатели ада – демоны, бесы, сам Сатана – активно орудуют среди людей, подстерегают их на каждом шагу, подчас буквально мешаются под ногами и всегда готовы утащить зазевавшуюся душу в преисподнюю. Без особых трудностей, пользуясь малейшей оплошностью, бесы могут проникнуть в человека и хозяйничать в одержимом, как им заблагорассудится, бесчинствовать или, сидя в нем, преспокойно беседовать с окружающими, пророчествовать, спорить со священниками, разоблачать нераскаянных грешников».⁴⁴

«Они» вызывали отрицательные эмоции, внушали страх. В соответствии с поэтикой мифа враг обладал всеми признаками сверхъестественного чудовища. Он вездесущ и многолик, переменчив и таинственен, неискореним и бессмертен. Более того, он могущественен. Он способен уничтожить все доброе, что есть в мире, поэтому с ним следовало бороться.

Образ «своих» вбирает в себя противоположные, исключительно положительные черты. «Свои» – добрые и преданные, бескорыстные и щедрые. Цель, к которой они стремятся, светлая и праведная. «Мы», в отличие от «они», – это люди, единственные на земле.

С точки зрения дихотомии «мы» и «они» характерной является идея шпиона. Для обозначения одной и той же профессии существует два практически одинаковых определения, но с разной оценочной интонацией. «Разведчик» относится к категории «свои», поэтому толковый словарь определяет его так: «работник... организации, занятой добыванием сведений об экономическом и политическом положении других государств, о состоянии их вооруженных сил».⁴⁵ «Шпион» же – это «тот, кто занимается шпионажем», то есть «преступной деятельностью, состоящей в сек-

В ходе кампании выявилось противоречие между действиями региональных властей и инициированной сверху активностью населения. Медлительность в осуществлении кампании не может быть объяснена общей нераспорядительностью и слабой дисциплиной исполнителей. В обнаруженных документах четко прослеживается стремление местной администрации всех профилей направить кампанию в безопасное русло, свести ее к дежурным мероприятиям по исправлению недостатков в деятельности отдельных ведомств (в первую очередь, медицинского, а также торгового, милицейского), не нарушать естественного хода управления внеплановой кадровой чисткой, не выдавать на расправу своих, откупиться от центра наименьшими жертвами.

Местные начальники готовы выдать на расправу некоторых, с их точки зрения, мало ценных представителей еврейского национального меньшинства, но в то же время сохранить для работы людей нужных. Если необходимо, то понизить их в должности, но не убирать совсем. Здесь наблюдается и ведомственный интерес, но одновременно и корпоративная солидарность. Политический антисемитизм вступает в конфликт с рациональными принципами управления, которыми в той или иной мере руководствуется в своей деятельности хозяйственная элита.

С другой стороны, массы (в терминологии того времени *маленькие люди*) в ходе кампании получили дополнительные возможности и для критики существующих недостатков, и для наказания виновников. «Врач-вредитель», «еврей – космополит», «носитель буржуазной морали» в высказываниях участников митингов и собраний, в потоке заявлений в директивные и карательные органы все более сближались с образами «начальника», «торгаша», «чинуши». Низовой антисемитизм переплетался с социальным протестом, мишенью которого была многочисленная бюрократия без всяких этнических различий.

Угроза, исходящая снизу, и была одной из причин, по которой партийные инстанции свернули кампанию при первой возможности.

в Молотове. Некоторые руководители, пытаясь сохранить работников, откладывали увольнения, либо требовали письменных указаний.

Молотовский обком успел начать собственное «дело врачей». В областной клинической больнице был снят с должности и исключен из партии главный врач Кац, несколько врачей-коммунистов получили строгие партийные взыскания, были уволены как *покровители, не обеспечившие этот участок работы*, заведующий облздравотделом Миросердов и директор мединститута Мамойко. Свердловский обком только собирался развернуть аналогичную кампанию, была создана комиссия для расследования беспорядков на кафедрах госпитальной хирургии и нервных болезней Свердловского мединститута, но она работала, не торопясь, не успев к концу кампании.

Региональные власти Свердловской и Молотовской областей организовали в парторганизациях и прессе поток заявлений в поддержку бдительности, критических выступлений и жалоб. В феврале в районной прессе появились первые местные материалы, соответствующие характеру кампании, с собственными примерами ротозейства, потери бдительности, семейственности, зажима критики и ошибок медработников.

Кампания в прессе отличалась некоторой неорганизованностью. На усмотрение редакций был оставлен подбор материала, поэтому газеты вели кампанию неравномерно. Районная пресса была менее активна, чем областная, городская и многотиражная, с опозданием и изыятиями перепечатывала центральные директивные статьи, мало или вовсе не публиковала собственных материалов. В газетах отсутствовала рубрика «Письма в редакцию» и «По следам наших выступлений». Райкомы время от времени указывали редакционным работникам на недостатки, но организационных мер не принимали.

Тем не менее, кампания изменила повседневную жизнь людей. В медицинских учреждениях сложилась невыносимая атмосфера: больные отказывались записываться на прием к врачу, принимать процедуры. Источники свидетельствуют о нарастании погромных настроений и уличных эксцессов.

ретном собирании сведений или похищении материалов, составляющих государственную тайну, с целью передачи их другому государству».⁴⁶ Здесь можно наблюдать явную отрицательно направленную эмоциональность авторов. Аналогичную картину мы наблюдаем в литературе и кинематографе. Объясняя природу шпиона, Г. Хазагеров пишет в статье «Скифский словарь»:

«Идея Шпиона по природе своей... сильно схожа с образом черта (врага)... Сходство с чертом выявляется: а) в отсутствии у вредителя личных мотивов для вреда (*Шпион*, как и черт, живет исключительно нашими интересами); б) в связи с потусторонними силами (*Шпион* заслан *оттуда*); в) в колдовских способностях (у *Шпиона* это технические фокусы: синие кристаллики, ядовитые авторучки и прочее); г) в двойничестве (на вредителя списываются наши грехи, *Шпион*, подобно Горю и Злочастию, спаивает нашего брата), а в высоком (сатанинском) ключе – это еще и одинокая гордыня (индивидуализм, граничащий с демонизмом...)).⁴⁷

Советские идеологемы придавали образу врага конкретное звучание. Мир представлялся советскому человеку состоящим из двух контрастных по нравственной и политической оценке частей. «Существуют два лагеря. Один, возглавляемый СССР, олицетворяет добро, мир и прогресс. Другой – под диктатом США – зло, войну и реакцию. Первый лагерь растет и крепнет; второй слабеет и разлагается со всех сферах».⁴⁸

Советский Союз казался своим гражданам страной, которая приведет и другие страны к светлому будущему, благодаря великой идее. Н.И. Бухарин говорил:

«Мы, СССР, – вышка всего мира, костяк будущего человечества... Мы глядим на тысячелетия. Во все концы земли проникает наша великая идея. Мы живем не в декларации, не в мечтательной грезе великих умов и сердец. Мы живем как реальная сила, реальнейшая из реальных. Потенциально мы всё... мы – воплощение исторического разума, основная, победоносная, движущая сила всемирной истории».⁴⁹

Столь оптимистичный взгляд на свою страну и ее роль в будущем человечества стал неотъемлемой частью представлений всех советских людей. Загнивающим считали любые сферы жизни капиталистического мира. И. Эренбург, объясняя советским писателям, почему они талантливее западных, говорил на втором Всероссийском съезде советских писателей: «...Распад буржуазного общества уже происходит, и здесь разгадка бесплодия тех писателей Запада, которые не порвали духовно с оскудевшим миром».⁵⁰

Образ врага является важной частью советской идеологии. Существовали два типа врагов: внешние и внутренние. К внешним врагам относились все те народы и страны, которые остались в лагере капитализма.

Страх перед «ненавистными врагами» у советского человека, оказавшегося за границей, на «вражеской территории» сохранялся на протяжении всего периода социализма. Капитан рыболовного траулера В. Лысенко в своих воспоминаниях середины 60-х гг. приводит подготовительную беседу с моряками, которым разрешалось сойти на землю в шведском порту: «Знаете, товарищи, у нас отношения со Швецией, конечно, неплохие. Но все-таки Швеция – страна нехорошая. Это буржуазное государство, королевство. И совсем не играет роли, что там у власти социал-демократы. Ведь они же социал-предатели и их в первую очередь вешать надо!»⁵¹ Советский человек чувствовал себя за границей как разведчик в тылу врага. Капитан Лысенко далее вспоминал: «Все кто не с нами, – тот наш враг!» – снова и снова повторяют замполиты. Бывает, запуганный подобными предупреждениями молодой моряк, впервые вышедший в рейс и идущий по иностранному городу, боится, оглядывается, так и ждет, что из-за каждого угла на него будут бросаться агенты, захватят его все разведки мира, подкупят, сделают из него шпиона и диверсанта».⁵²

Внутренними врагами являлись члены советского общества, попавшие под влияние внешних врагов и наносившие, по мнению властей, вред своему государству. К врагу народа отношение было суровым и однознач-

инстанции и прессу. Каждый человек сталкивался с недостатками медицинского обслуживания, многие с подозрением относились к евреям. Происки врачей-евреев, игравших роль врага в последней сталинской политической кампании, были достаточным объяснением для существующих проблем, теперь накопившийся гнев мог выплеснуться на них.

Областные партийные инстанции в Свердловске и Молотове включились в кампанию с большим запозданием и осторожностью.

В областной, городской, районной и многотиражной прессе перепечатали директивные статьи центральной печати, в населенных пунктах были проведены митинги и собрания по поводу сообщения ТАСС о врачах-врагителях, парторганизации организовывали лекции о бдительности. Это были обязательные мероприятия, но и их местные власти проводили не слишком активно, некоторые районные газеты, например, не стали публиковать передовицу «Правды».

Пленумы областных комитетов партии с соответствующей повесткой дня были проведены спустя месяц после начала кампании. В середине февраля на пленуме молотовского обкома секретарь Ф.М. Прасс дал установку на дальнейшее исправление ошибок в кадровой политике. В докладе он упомянул несколько «семеек» и их «покровителей», для усиления драматичности сведя вместе людей, работающих на разных предприятиях и даже в отраслях, подверг критике прием на работу по «приятельским и земляческим соображениям», вскрыл факты зажима критики.

Свердловский обком посвятил свой пленум теме критических выступлений коммунистов, при этом на характерной для кампании тематике внимание не заострялось. По-видимому, свердловский секретарь А.М. Кутырев действовал более осторожно, чем его молотовский коллега, предпочитая не оставлять следов в сомнительном и ненадежном деле. В архивах не удалось обнаружить каких-либо письменных приказов о снятии евреев с руководящих должностей. Есть зато множество упоминаний об устных распоряжениях. Причем в Свердловске увольняли активнее, чем

Они знали, чем завершилось дело, и под это знание подверстывали оценки и предположения. Историческая память о 1937 г. многократно усиливала злое звучание первых актов разворачивающейся кампании. Источники свидетельствуют о распространившихся в высших эшелонах власти подозрениях, не собирается ли Сталин мобилизовать народ «для избияния начальства».³⁵⁴

Партийные документы, обнаруженные в Екатеринбургском и Пермском архивах, позволяют с достаточной точностью установить тот факт, что для областных партийных инстанций и сама кампания, и ее политические цели были неожиданными и непонятными. Растерянность ответственных исполнителей кампании указывает на то, что ее связь с предшествующей политической линией не была настолько очевидной и однозначной, как это представляется в современной литературе. Тем более, и сама политическая линия, и ее идейное сопровождение включали в себя достаточно противоречивые тенденции. Борьбе с космополитизмом сопутствовали новые партийные лозунги: «права личности» и «буржуазно-демократические свободы», объявленные Сталиным в октябре 1952 г.³⁵⁵ Закрытому суду над членами ЕАК предшествовал такой же закрытый процесс бывших руководителей Ленинградской области. Можно согласиться с мнением В. Иофе, что политический смысл этих процессов заключался в подавлении разнонаправленных идейно-политических течений: великорусской национально-государственной идеи и космополитизма.³⁵⁶

Официально антисемитизм находился под запретом и в начале 1953 года. Этноним «евреи» не применялся для обозначения врагов, в котором рядом с «убийцами в белых халатах», «безродными космополитами», нашлось место «носителям буржуазной морали». «Дело врачей» расширило круг подозрительных, вписав в него целую профессию, при этом апеллировало к низовому антисемитизму, напомнив также о еврейской опасности. Оно актуализировало угрозу, исходящую от врагов, для любого советского человека. Поток жалоб на руководителей всех рангов обрушился на партийные

ным: его надо уничтожить любыми средствами. Причем внутренний враг гораздо страшнее внешнего, он маскируется, его невозможно распознать сразу. Как и полагается мифическому чудовищу, он может находиться где угодно. На Пленуме ЦК 11 января 1933 года Сталин, выступая с речью «О работе в деревне», объяснял, как распознать врага:

«...Ищут классового врага вне колхозов, ищут его в виде людей, с зверской физиономией, с громадными зубами, с толстой шеей, с обрезаем в руках. Ищут кулака, каким мы его знаем из плакатов. Но таких кулаков давно уже нет на поверхности. Нынешние кулаки и подкулачники, нынешние антисоветские элементы в деревне – это большей частью люди «тихие», «сладенькие», почти «святые». Их не нужно искать далеко от колхоза, они сидят в самом колхозе и занимают там должности кладовщиков, завхозов, счетоводов, секретарей и т.д. Они никогда не скажут – «долой колхозы». Они «за» колхозы. Но они ведут в колхозах такую саботажническую и вредительскую работу, что колхозам от них не поздоровится...».⁵³

Советские люди испытывали постоянное чувство страха, поскольку были убеждены, что каждый может оказаться врагом, и что врагом может быть даже член семьи.

В речах, статьях, художественных произведениях и кинематографе демонстрировалось, что врагом оказывается мать, отец, муж, жена, дети. Идеологи и работники культуры доказывали и показывали, что единственно возможное для советского человека поведение – донести на кровных родственников, оказавшихся врагами. Сергей Эйзенштейн в фильме «Бежин луг» стремился обосновать необходимость предательства сыном отца физического для доказательства преданности Отцу Духовному. Ненависть к врагу, чувство страха и неуверенности в окружающих людях помогало поддерживать в сталинском тоталитарном обществе атмосферу всеобщего недоверия и отчужденности.

Тоталитарное общество без «врага» невозможно, как невозможно оно без «высокой цели». И чем более глобальной будет эта цель, тем более сильным, вездесущим и злобным должен быть враг, мешающий дви-

жению. Необходимость врага для тоталитарного государства рельефно представлена в романе Дж. Оруэлла «1984». Общество в нем основывается на ненависти и стремится вытравить у своих индивидов все чувства, кроме страха, гнева, торжества и самоуничтожения. Один из идеологов этого общества говорил:

«Всегда найдется еретик, враг общества для того, чтобы его снова и снова побеждали и унижали.... Никогда не прекратятся шпионство, предательство, аресты, пытки, казни, исчезновения. Это будет мир террора – в такой же степени, как мир торжества. Чем могущественнее будет партия, тем она будет нетерпимее; чем слабее сопротивление, тем суровее деспотизм. ... Ереси будут жить вечно. Каждый день, каждую минуту их будут громить, позорить, высмеивать, оплевывать, а они сохранятся... У нас всегда найдется еретик – и будет здесь кричать от боли, сломленный и жалкий, а в конце, спасшись от себя, раскаявшись до глубины души, сам прижмется к нашим ногам».⁵⁴

Действительно, в сталинскую эпоху один «враг» сменял другого. Х. Арендт назвала это явление «объективным врагом». Он определяется вождем в соответствии с избранной им политикой, независимо от желания либо нежелания «врага» повредить государству. Он «носитель тенденции», подобно носителю болезни. В качестве врага представляли разные социальные группы: буржуазия, пособники белогвардейцев, кулаки, троцкисты, татары и немцы Поволжья, бывшие военнопленные и т.д.

Выбор объективных врагов не мог быть полностью произвольным, поскольку они объявлялись официально и использовались в пропагандистских целях за границей, и их возможная враждебность должна была выглядеть правдоподобно.⁵⁵ Чтобы доказать вину нового «врага» проводились показательные процессы, обвиняемые признавали свою вину.

Страх, окружавший советского человека, живущий вокруг и внутри него, был одновременно беспокоящим и успокаивающим средством. Враги пугали, но их присутствие давало логическое и мистическое объяснение

советского общества. Реакция против современности (машинной цивилизации, науки, денежного хозяйства, городского образа жизни, производственной и государственной дисциплины) со стороны массы людей, принудительно вовлеченных в новую, чуждую для них жизнь, принимала самые разнообразные формы, в том числе и ксенофобию. Антисемитизм и был одним из ее проявлений. В антисемитизме также находил свое выражение и социальный протест разобщенных и дезориентированных «низов» против торжествующей и всесильной бюрократии, «новых хозяев жизни».

Этноним «еврей» был символом бездушного, холодного, чужого начальника. Для политической элиты, идентифицирующей себя с «социализмом в одной стране», антисемитизм был формой борьбы с буржуазной *мировой* системой. «Еврей – космополит» персонифицируя в себе и буржуазность, и всемирность, тем самым объективно становился внутренним классовым врагом, заместившим прежних белогвардейцев, кулаков и вредителей. Политический антисемитизм «верхов» и социокультурный антисемитизм «низов» в реальной действительности пятидесятых годов смыкались во многих пунктах, усиливая и дополняя друг друга.

Политическое содержание «дела врачей» остается не до конца выясненным. Тот факт, что кампания была прекращена и, более того, публично дезавуирована сразу же после смерти И.В. Сталина, свидетельствует либо о том, что ее цели кардинальным образом расходились с интересами правящей именованной вождя олигархии, или были ею не поняты, либо, что они касались таких далеко идущих перспектив, достижение которых казалось преемникам и соратникам вождя несвоевременным и опасным делом. Любая политическая кампания содержала известные риски. Укрепляя связи вождя с массами, она ослабляла и частично разрушала созданные аппараты власти. Под сомнение ставились компетентность, притязания и политическая лояльность партийной, хозяйственной, военной и советской бюрократии. Рост консолидации последней ставил преграды развертыванию кампании в массах.

На основании доступных документов невозможно до конца установить политический замысел кампании 1953 г. На свидетельские показания современников, близко стоящих к центру власти (В.М. Молотов, Н.С. Хрущев, К.М. Симонов), оказала воздействие новая политическая обстановка.

ций, в том числе и карательных, выявление врагов и их пособников, разоблачение враждебных взглядов и установок, иначе говоря, пересмотр прежней пропагандистской и организационной практики отправления власти, кадровые чистки, изъятие врагов, политические процессы.

Сигналом к завершению кампании служили или директивная статья, или выступление авторитетного руководителя, или опубликованное решение высших партийных инстанций. В политической кампании всегда присутствовал и спонтанный компонент, связанный как с несанкционированной самодеятельностью масс и низовых инстанций, так и с внутренней инерцией политических акций, имеющих тенденцию выходить из границ, первоначально заданных инициаторами кампании. Несанкционированная самодеятельность масс и низовых инстанций могла действовать в одном и том же направлении, либо расходиться по векторам, либо прямо противодействовать друг другу.

Успешная мобилизация масс на борьбу с врагом была возможна лишь потому, что в сознании граждан существовала сложившаяся система мифов, включающая образ «чужого». Создание образа врага помогало снять социальную напряженность, списывая на него недостатки и проблемы действительности, а также предотвращало восстановление горизонтальных связей, заставляя подозревать близких в измене. Ключевое место в кампании занимала пресса, которой вменялось в обязанность оказывать воздействие на поведение и образ мыслей советских людей. Опираясь на миф о враге, власти пропагандистскими методами включали в него новую группу людей, чем и обеспечивали участие масс в новой политической кампании.

Миф о евреях был частью мифа о враге и в послевоенные годы послужил основой для развертывания новых политических кампаний.

Советский антисемитизм обладал сложным, социально неоднородным содержанием. Можно выделить его основные проекции. Первая по значимости связана с конфликтом между традиционалистскими и современными индустриальными социальными институтами, – конфликтом, типичным для

всем трудностям. Пропаганда постоянно внушала, что количество врагов растет. «Оглянешься, а кругом враги»⁵⁶, – писал Эдуард Багрицкий в одном из своих стихотворений. Чувство защитников «осажденной крепости» настойчиво воспитывалось советской системой со дня ее основания, когда необходимо бояться и ненавидеть внешнего врага, плотным кольцом обложившего твердыню, угрожающего дому и жизни. Страх перед «другими» вырабатывал чувство локтя, желание сбиться в кучу. Состояние осажденной крепости вырабатывало одновременно чувство страха, недоверия по отношению к своим, которые могут оказаться чужими, поддавшись на соблазн врага.

«Враги» оправдывали ошибки власти. Идея непогрешимости вождя должна была остаться незыблемой. С. Франк говорил, что подлинная и глубочайшая предпосылка деспотизма лежит в идее непогрешимости, в своеобразном, мистическом сознании обладания абсолютной истиной. Традиционно считалось, что правитель поставлен Богом, а Бог ошибаться не может, следовательно, и правитель не ошибается никогда. Тезис о всегдашней правоте правителя обрел максимальную силу именно в противоправном тоталитарном государстве.⁵⁷

Советские люди считали, что агенты внешнего врага и собственные внутренние враги чрезвычайно многочисленны и коварны, вред, приносимый ими, невозможно переоценить. В борьбе с внешним и внутренним врагом должны были помогать постоянная, неусыпная бдительность и беспощадное уничтожение выявленных врагов. Поскольку тоталитаризм отождествляет государство с обществом, внутренний враг является не просто врагом государства, а врагом народа.

В послевоенные годы изменилась социокультурная ситуация в стране, тоталитарный режим оказался под угрозой, поэтому должен был появиться новый враг. Для этой роли Сталин выбрал советское еврейство.

Проблема антисемитизма была табуирована. Вместо этнонима «еврей» использовались понятия «сионизм», «буржуазный национализм», «космополитизм». В разгар кампании по борьбе с космополитами, когда

обсуждали возможность выдвижения романа Ореста Мальцева «Югославская трагедия» на государственную премию, Сталин с возмущением спрашивал:

«Почему Мальцев, а в скобках стоит Ровинский? В чем дело? До каких пор это будет продолжаться? В прошлом году уже говорили на эту тему, запретили представлять на премию, указывая двойные фамилии. Зачем это делается? Зачем пишется двойная фамилия? Если человек избрал себе литературный псевдоним – это его право, не будем уже говорить ни о чем другом, просто об элементарном приличии. Человек имеет право писать под тем псевдонимом, который он себе избрал. Но, видимо, кому-то приятно подчеркнуть, что у этого человека двойная фамилия, подчеркнуть, что это еврей. Зачем это подчеркивать? Зачем это делать? Зачем насаждать антисемитизм? Кому это надо? Человека надо писать под той фамилией, под которой он себя пишет сам. Человек хочет иметь псевдоним. Он себя ощущает так, как это для него самого естественно. Зачем же его тянуть, тащить назад?»⁵⁸

Трудно сказать, почему в конце 40-х – начале 50-х гг. XX века И.В. Сталин называл врагами сионистов, а не евреев. Может быть, еще не пришло время. Однако уже тогда всем было понятно, кто же на самом деле враг. Даже в словаре слово «сионизм» получило иную оценочную интонацию. В энциклопедии 1930-го года выпуска дается объективное определение «сионизма»: «Буржуазное течение еврейской общественности, вызываемое в значительной мере преследованиями еврейства и антисемитизмом». В 1954 г. прослеживается отчетливо неодобрительное отношение высшей инстанции: «Еврейское реакционное буржуазно-националистическое движение».⁵⁹

Евреев легко было сделать врагами. Антисемитизм уходит корнями в далекое прошлое. Средневековый миф о еврее описывал Дж. Трахтенберг в книге «Дьявол и евреи: Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом». Еврей казался средне-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политические кампании, заимствованные из военной стратегии, в сталинскую эпоху были важной формой взаимодействия властей с массами. С их помощью власть решала важные политические задачи: интегрировала общество в борьбе с внутренним врагом, запускала в действие на ускоренных оборотах механизмы обратной связи с населением, открывала клапаны для уменьшения социальной напряженности, проводила текущую чистку аппаратов управления и, наконец, усиленными методами поддерживала необходимую для собственной легитимности атмосферу террора.

Члены общества, в котором разрушены горизонтальные связи, переключаются на более тесное общение с властью. Они получают возможность говорить с властью лично на митингах, собраниях, высказывать свое недовольство и недоумение. Они забрасывают партийные и государственные учреждения жалобами и заявлениями. На языке политической кампании все устные и письменные обращения *маленьких людей* называются *сигналами*, на которые следует немедленно реагировать. Политические условия, создаваемые кампанией, придают каждому обращению в адрес власти, независимо от воли обращающегося, качественные характеристики доноса. Иной стороной этих обращений является демонстрация лояльности масс по отношению к власти. Массовость обращений снизу, механически объединенных агентами власти в единый поток разоблачений, можно считать наиболее характерной чертой политических кампаний сталинской эпохи.

Сталинские политические кампании имели устоявшийся механизм: сигнал сверху, мобилизация сил, реализация политических целей. Сигналом являлась директивная статья в «Правде», продублированная во всех иных средствах массовой информации. Мобилизация предполагала повсеместную организацию митингов, собраний и совместных чтений газет с последующим обсуждением; созыв пленумов, партийных, комсомольских и профсоюзных собраний разных уровней с определенной повесткой дня, выработку новых директивных документов для всех государственных и партийных инстан-

линию партии в кампании. Антиеврейский характер кампании остался в стороне, в докладе молотовского секретаря обкома Ф.М. Прасса еврейские и русские фамилии чередовались.

В прессе появились местные материалы о критике, бдительности, ротозействе, проблемах кадровой политики и неудовлетворительном медицинском обслуживании. В Молотове успели развернуть собственное «дело врачей» в областной клинической больнице. На предприятиях и в организациях Урала выявляли неблагонадежных, некоторых евреев уволили, исключили из партии или сняли с руководящих должностей.

Массы активно приняли участие в кампании. Влияние прессы было безоговорочным. Увеличение количества жалоб сопровождалось активным разоблачением недостатков сослуживцев на партийных собраниях, так называемым ростом критики и самокритики трудящихся. Но увольнения не приняли повсеместный характер, чиновники были осторожны и старались ограничиться словами, наказания на местах были довольно мягкими. Причем чем более отдаленной была местность, тем меньше признаков кампании можно обнаружить. Отдельные руководители сумели отложить увольнения и сохранить ценных работников.

После смерти Сталина и реабилитации кремлевских врачей кампания на Урале была свернута. Некоторые сумели восстановиться на работе и в партии, партвзыскания были сняты под благовидным предлогом. Другие были вынуждены примириться. Несмотря на то, что центральная власть публично указала на неправильность ареста врачей, местные парторганизации не признали ошибок, что было вполне традиционно для непогрешимой коммунистической власти. Всесильная вера советского человека в печатное слово устранила сомнения, оставшиеся у населения. В дальнейшем о «деле врачей» предпочитали не вспоминать, даже в кругу семьи.

вековому человеку дьяволом во плоти; зловредным магом, преданным Каббале; кровавым убийцей детей; злостным еретиком, по указаниям нечистого сознательно борющимся с христианством, в том числе колдовскими методами; ростовщиком-кровопийцей. Кроме того, он, благодаря тесному знакомству с магией, является искусным врачом, и по этой же причине отравителем.⁶⁰ Вполне согласуется с данными представлениями идея Сталина приписать евреям – врачам отравление руководства Советского Союза в 1953 году.

Евреи в СССР были наиболее приближенной к западному менталитету социокультурной группой. И, если рассматривать еврея как воплощение ненавистной западной цивилизации с ее индивидуализмом, рационализмом, рыночной экономикой, либерально-демократическими ценностями и т.п., то становится понятным, почему Сталину легко удалось приписать советским евреям «буржуазное сознание».

В этом смысле интересны рассуждения Л. Гудкова и А. Левинсона в статье «Евреи как феномен советского сознания». Корни антисемитизма, по мнению авторов, уходят в эпоху интенсивной модернизации российской империи, в конец прошлого столетия. В этот период в консервативном, еще не освободившимся от патриархализма сознании, возник и закрепился образ еврея-торговца, предпринимателя, свободного от общинных норм и связей, энергичного, расчетливого, умного, лишенного сословных привязанностей или ограничений. А «торговые работники» в нашей стране всегда ассоциировались с жуликами и спекулянтами, то есть с людьми, сохранившими буржуазное сознание.

Образ торгаша – еврея можно обнаружить в трудах Карла Маркса: «...Мирская основа еврейства? Практическая потребность, своекорыстие.... Мирской культ еврея? Торгашество.... Мирской бог? Деньги.... Итак, мы обнаруживаем в еврействе проявление общего современного антисоциального элемента.... Эмансипация евреев в конечном значении есть эмансипация человечества от еврейства (от торгашества, от власти денег – ред.)».⁶¹

Связь образа еврея с деньгами, а значит и подразумеваемая личная инициатива, предприимчивость, независимость, как чуждые общинно – коллективистскому сознанию советского человека, образует противостоящий последнему комплекс ценностей, семантически связанных с западной культурой.⁶² Таким образом, укрепляется образ «чужого» для коллективного общества человека.

Кроме того, некоторые евреи занимали руководящие должности, имели более высокое образование и лучшие возможности продолжать карьеру. Для масс, воспитываемых на показной уравнилельной справедливости, социальная карьера евреев приобретает ярко негативные оттенки. Выделяя один из источников антиеврейских настроений, Л.Д. Троцкий еще в 1937 году писал: «Даже априорно невозможно допустить, чтобы ненависть к бюрократии не принимала антисемитской окраски, по крайней мере, там, где чиновники-евреи составляют значительный процент населения».⁶³

Принадлежность к интеллигентным профессиям, высокое образование также не прибавляло евреям уважения в обществе, где доминировали антиинтеллектуалистские установки и ценности.

Представляет интерес характеристика, данная новой послевоенной группе врагов М. Геллером: «Сионизм – идеальный враг, сочетающий все элементы, необходимые для возбуждения страха и ненависти... Только сионизм был одновременно врагом внешним и внутренним, конкретным и абстрактным, вечным и вызывавшим конкретные исторические ассоциации».⁶⁴ Действительно, в 1953 году Израиль официально становится внешним врагом, с ним разрываются дипломатические отношения, также «раскрывается» внутренний заговор евреев-врачей, признавших, что они агенты сионизма. В прессе появился призыв на борьбу с сионизмом, который скрытым, тайным путем проникает во все жизненно важные ячейки государств «народной демократии» всего мира, подтачивает изнутри все сильное, здоровое, патриотическое, прибирает к рукам, захватывает все главные позиции административной, экономической и духовной жизни той или иной страны.

кации или равнодушно и халатно относились к своей работе, поэтому, когда во время кампании гнев народа был направлен на локальные ошибки врачей, партия нашла в массах огромную поддержку.

Евреи на Урале представляли значительную группу населения, особенно в Свердловской области, имел место и бытовой антисемитизм, поэтому и антиеврейская часть кампании нашла значительный отклик. Некоторые руководители предприятий и организаций, несмотря на приказы партии, откладывали увольнение евреев и других политически неблагонадежных граждан. Причем в Свердловской области в 1953 году обнаруживается меньшее сопротивление начальников увольнению евреев.

Кампания дала возможность разрядить обстановку и найти виноватого. И, поскольку местным властям не были даны четкие инструкции, население имело возможность жаловаться не только на врачей-евреев, но и на начальников всех рангов.

Региональные власти Свердловской и Молотовской области должны были всемерно развивать критику и требовать проявления бдительности с самого начала кампании, однако, кроме аккуратного перепечатывания передовых статей центральной печати и проведения обязательных митингов по поводу сообщения ТАСС, да и то, главным образом, в городах, местные парторганизации никакой активности не проявляли. Руководители понимали, что кампании имеют свойство разрастаться и могут утянуть любого. Найти причину для наказания не сложно. Урал был местом ссылки, поэтому на любом предприятии можно было обнаружить людей с запятнанной репутацией, так называемых *политически неблагонадежных*. Вышестоящий начальник или секретарь парторганизации при этом оказывался *покровителем*, что само по себе представляло значительное обвинение.

К концу января Молотовская область, а к середине февраля Свердловская область полностью включились в политическую кампанию. Февральские пленумы обкома о проблеме критических выступлений и жалоб в Свердловске и о кадровой политике в Молотове определили дальнейшую

Антиеврейский характер кампании остался официально не выявленным, тем не менее, бытовой антисемитизм имел место, особенно ярко его можно было наблюдать в Свердловской области. Молотовская область отличалась антисемитизмом властей. Большинство свердловских начальников не сопротивлялись увольнению евреев.

Общественность Урала, и научная в том числе, активно проявляла бдительность и искала врагов на своей территории. Одни делали это по обязанности, другие, чтобы добиться личной выгоды, третьи – выплескивали накопившееся недовольство или реализовали антисемитские настроения.

Социальная напряженность достигла такого накала, что люди не могли ограничиваться критикой врачей и евреев. Возросшее количество жалоб способствовало расширению кампании, когда под ударом оказывались начальники всех уровней. «Дело врачей» имело большое будущее как массовая политическая кампания, и только смерть вождя остановила поток репрессий.

На Урале к началу 50-х гг. сложилась сложная социокультурная ситуация. Хроническое невыполнение планов на предприятиях, авралы в конце каждого месяца, произвольное увеличение рабочего времени, невыносимые условия труда на лесозаготовках, сложные жилищные условия, отсутствие элементарных бытовых удобств, продуктовый и товарный дефицит – все эти проблемы способствовали росту социальной напряженности. Для сохранения существующего режима необходимо было включить население в новую политическую кампанию.

Роль врага в новой кампании играли врачи-евреи. Это имело свои зоны. Конечно, главная ответственность за неудовлетворительное медицинское обслуживание лежала на самой власти. На местах не хватало не только элементарного медоборудования, но и самих врачей, а больницы пребывали в аварийном состоянии и их количество не могло покрыть имеющийся спрос. Однако и медики часто не имели достаточной квалифи-

Заметим также, что при отсутствии каких-либо гражданских связей родовая принадлежность человека, понимаемая как национальность, остается единственной скрепой, объединяющей людей внутри государственных безличных институтов. В такой ситуации враг приобретает этнические черты инородца и иноверца, немца, по старой терминологии. Еврей и был таким внутренним немцем после того, как окончилась война с немцем германским.

Еще один компонент антисемитизма проистекает из такой особенности мифологического сознания, как чувственно-личностное восприятие. В массовом сознании еврейские и немецкие фамилии сливались в единое целое, что придавало первым зловещий колорит, и как бы подтверждало их чужеродность в обществе.

Все эти компоненты составляли миф о еврее. Он имел весьма мало общего с социокультурными характеристиками данной этнической группы советского населения. Однако, основываясь на нем, власть, прежде подавлявшая открытые проявления антисемитизма, в 1953 г. нашла поддержку своей новой политической кампании под названием «Дело врачей».

1.2. «ДЕЛО ВРАЧЕЙ»: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Политическая кампания «дело врачей» началась 13 января 1953 года. В этот день в газете «Правда» было опубликовано сообщение ТАСС об аресте группы врачей – вредителей и передовая статья под названием: «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров – врачей».

Чтобы понять смысл последней кампании сталинской эпохи, необходимо рассмотреть политическую и социокультурную ситуацию, которая сложилась в Советском Союзе в последние годы жизни Сталина. Модернизация советского общества достигла того уровня, когда ее дальнейшее развитие угрожало устоям тоталитарного режима. Реконструкция легкой промышленности, ускоренное жилищное строительство, увеличение продуктивности сельского хозяйства могли привести к усилению экономической

дифференциации, возрождению частного интереса в производственной деятельности, сужению сферы прямого контроля над людьми, получившими отдельные квартиры.⁶⁵

Атомизация и тотальный контроль над деятельностью и мыслями людей был под угрозой. Общие интересы, присущие самостоятельной социальной группе, возникают в среде колхозного крестьянства. Именно это, по мнению Х. Арендт, послужило причиной того, что Сталин предложил распустить колхозы и преобразовать их в более крупные производственные единицы.

Развитие промышленности по западному стандарту также было непозволительно для советской системы. Закрывались целые научные проекты, которые были подозрительными по своему происхождению или философскому обоснованию. Нельзя было допустить распространение западных образцов техники. Это поставило бы под сомнение превосходство социалистического мира над буржуазным.

В повседневном поведении зарождались тенденции к росту профессионализации, которая могла привести к обособлению социальных слоев, обладающих общностью деятельности, образования и доходов, и к уходу в частную жизнь, то есть акцентирование личной самостоятельности в пределах своей семьи.⁶⁶ Это препятствовало контролю со стороны государства.

Партийные инстанции строили собственную иерархию, заканчивалось формирование «нового класса». Чиновники постепенно консолидировались. Между ними складывались прочные личные связи и даже своего рода чувство взаимной солидарности. Таким образом, в будущем они могли стать препятствием для неограниченной сталинской власти.

Страх перед террором убывал, по мере того как в обществе складывались корпоративные связи. Местная партийная номенклатура и хозяйственные руководители научились сопротивляться приказам сверху при помощи волокиты и отговорок, делали вид, что перестали понимать намеки центра.

Другие сразу включились в новую игру и попытались приписать фабрикации «дела врачей» коварному замыслу Берии. Они говорили: «Тимашук была агентом Берии для фабрикации документов о врачах».³⁵¹

Директор Свердловского пединститута Петров Я.Д. на закрытом партсобрании, посвященном осуждению действий Берии, сообщал следующее:

«Наметив подорвать дружбу народов СССР, созданную на основе неуклонного проведения в жизнь ленинско-сталинской национальной политики, Берия стремился посеять национальную вражду между народами нашей страны. По его заданию было сфабриковано дело о группе врачей. Берия знал, что весь следственный материал был получен в результате применения категорически запрещенных методов допроса».³⁵²

Можно предположить, однако, что в данном случае директор института сказал лишнее. Снова напоминать слова передовицы «Правды» «Советская социалистическая законность неприкосновенна» о неправильных методах допросов по существующей традиции не следовало.

В целом, кампания сошла на нет тихо, ее сразу постарались забыть. Некоторые партийные организации даже предпочли не сдавать в архив протоколы заседаний этого периода. А редактор альманаха «Прикамье» Александров резко раскритиковал и отказался печатать повесть начинающего молотовского писателя А. Сергейченко, один из персонажей которой, врач по профессии, разоблачался как шпион. Редактор мотивировал это следующим образом: «В связи с изменением оценки дела о «Джойнте» и врачах, неправильно обвиненных во вредительстве и государственной измене, и в свете других внутривластных событий в стране в последнее время, считаю, что готовить сейчас к печати повесть «У синего моря» нельзя. Возможно, позднее эта повесть будет иметь свое звучание...»³⁵³

Таким образом, последняя сталинская политическая кампания нашла широкий отклик в массах. Появилось недоверие к врачам, особенно, если они к тому же были евреями.

ставили оправдываться по поводу наличия в списке рекомендованной ординаторам литературы труда А.И. Фельдмана, «врача-убийцы». Оправдания были довольно неуклюжими: «Профессор Богданов Ф.Р. принципиально поставил вопрос о списке литературы.... Сейчас нужно быть... настороже.... Он (Богданов) говорил о книге Фельдмана – Болезнь пищевода. Я его, этого человека, никогда не видел, мне и в голову не приходило, что автор этой книги не хирург, и когда Ф.Р. (Богданов) мне указал, то немедленно эта книга была вычеркнута из списка».³⁴⁷ По-видимому, хороших книг по болезням пищевода было очень мало и А.Г. Лидскому не хотелось вычеркивать важную работу из списка. Во время кампании такое поведение было недопустимо, и только смерть Сталина спасла зав кафедрой госпитальной хирургии от наказания.

Слухи, будто евреи станут еще одним народом, подвергшимся депортации, ходили и на Урале. В феврале 1953 г. В.С. Хайнман писала прокурору области М.В. Яковлеву: «Когда был опечатан материал о группировке врачей-убийц отравителей в Кремлевской больнице, то пришли мои знакомые с шахты «Сталина» рабочий с женой т. Нагорные проведать меня, что он, мол, на шахте слышал, что всех евреев будут снимать и сажать в тюрьму».³⁴⁸

Берия был инициатором публикации в печати статьи о реабилитации врачей и лишении Л. Тимашук ордена Ленина. Советские люди не привыкли слышать об ошибках властей. Поэтому признание МВД, что врачи были арестованы неправильно, у некоторых людей вызвало сомнение. На общем партсобрании Облздраотдела города Свердловска 21 июля 1953 года спрашивали: «Почему так получилось с группой врачей?» и «Было ли согласовано опровержение, которое поместил Берия в газете от Министерства внутренних дел о невиновности врачей, с ЦК КПСС?».³⁴⁹ Молотовские активисты на собраниях во время осуждения действий Берия задавали аналогичные вопросы: «Не связано ли дело Берия с группой врачей?» или «Правильно ли освобождены врачи?»³⁵⁰ Местные руководители часто не знали, что ответить.

Поэтому вполне логичным кажется предположение большинства историков о том, что для сохранения своей власти Сталин готовил в начале 50-х гг. еще одну глобальную чистку. В 1952 г., впервые после 1939 г., состоялся XIX съезд партии. Сталин в выступлении сказал: «...Враги партии, враги народа переоценивают единство нашей партии.... На самом деле – в нашей партии глубокий раскол. Снизу доверху... Я должен доложить пленуму, что в нашем Политбюро также раскол. Антиленинские позиции занимает Молотов. Ошибки троцкистского характера совершает Микоян». После выступлений Молотова и Микояна, которых Сталин предложил заслушать, он вернулся к теме «раскола». Повторив прежние обвинения, Сталин предложил «обмануть» врагов партии. «Давайте на этом пленуме выберем большой-большой Президиум нашего ЦК – и состав его Политбюро, о котором ничего не будем сообщать».⁶⁷

Предложение приняли. Политбюро было заменено значительно более громоздким Президиумом, который насчитывал 36 человек. Такая же «инфляция» коснулась Секретариата ЦК, чья численность была увеличена с 5 до 10 членов, и самого ЦК, состав которого удвоился, достигнув 232 человек. На XX съезде КПСС Н.С. Хрущев так объяснил смысл этих изменений: заменив Политбюро более широким органом, Сталин соответственно уменьшил влияние своих коллег, которые теперь были окружены «новичками», более молодыми, менее опытными и легче управляемыми.⁶⁸

Кроме того, Сталин создал не предусмотренный Уставом высший партийный орган – Бюро Президиума, куда не были включены Молотов и Микоян. В своих воспоминаниях, десятилетия спустя, Хрущев писал о назначении этого органа: «...Ему (Сталину – А.К.) было, видимо, неудобно сразу вышибить Молотова и Микояна, и он сделал расширенный Президиум, а потом выбрал Бюро узкого характера.... Я убежден, что если бы Сталин прожил еще какое-то время, то катастрофой кончилась бы жизнь и Молотова, и Микояна...»⁶⁹.

Очередная чистка, вероятно, должна была коснуться и Берии. В начале 50-х гг. Сталин неоднократно говорил представителям спецслужб, что не доверяет Берии. Так он говорил полковнику МГБ Н.М. Коняхину: «Не люблю я Берию, он не умеет подбирать кадры, старается повсюду ставить своих людей...».⁷⁰ Были и иные признаки нерасположения Вождя. Тревожным симптомом было так называемое «мингрельское дело», в результате которого по указанию Сталина в 1951 г. были сняты с руководящих постов и арестованы многие руководители Грузии – мингрелы, обвиненные в связях с националистической белоэмиграцией и иностранными спецслужбами. По решению Политбюро, Берии, который сам был мингрелом, поручено было расследовать дело «мингрельских уклонистов» во главе специальной комиссии, посланной в Тбилиси. Когда же репрессированные обратились с просьбой о помощи к Сталину, он сделал вид, что не имеет к этому делу никакого отношения, и отказался вмешиваться, обронив, однако, многозначительную фразу: «Ищите большого мингрела!»⁷¹ По образному выражению корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» в Москве Г. Солсбери: «... по сталинскому расписанию наступало время заменить Берию», ибо «слишком часто Сталин использовал его для сведения своих политических счетов».⁷²

Советник британского посольства в Москве Грей считал, например, что прокатившимися по стране арестами, включая «дело врачей», Сталин хотел напомнить о том, что он все еще владел «методами Ивана Грозного», к которым готов был в случае нужды прибегнуть и после войны. «Если в ироничной и подозрительной голове Сталина, – писал он, – уже зародилось подозрение не только по поводу возможного несогласия с его политикой, но и в связи с зарождающимся соперничеством по вопросу о том, кто станет его преемником, возможно, он уже избрал драматический способ показа того, что в новом Президиуме, так же как в старом Политбюро, люди могут умирать не только от старости, но и по другим причинам». Грей прямо связывал свои умозаключения с решениями XIX съезда партии и стремлением «дать организму молодую кровь, убрав некоторых престарелых деятелей».⁷³

научной работе, не имел совершенно печатных работ, объясняя это спецификой химического производства в то время... Кроме того,... т. Сандлер... не был связан в достаточной мере в последнее время с промышленностью». Директор института Пруденский на партсобрании 19 мая 1953 года ссылался на партийные источники этого решения: «Не только по нашему мнению, но и по мнению руководящих партийных органов его место более целесообразно было определено на кафедре экономической географии Госуниверситета».³⁴³

Руководство Свердловского юридического института старалось не поддерживать антисемитский характер политической кампании «дело врачей». 13 февраля 1953 года парторганизация своим постановлением сняла строгий выговор с занесением в учетную карточку с заместителя директора института по административно-хозяйственной части Израиля Пейсаховича Клейнера. Хотя, надо отметить, райком утвердил это постановление только после смерти Сталина.³⁴⁴

Не слишком поспешно в Свердловском юридическом институте началась и подготовка к увольнению и.о. заведующего кафедрой гражданского права и процесса профессора Юдельсона. Критиковать его начали еще в 1952 году, но, по-видимому, руководство дорожило ценным работником. На общем партсобрании Юридического института Юдельсона обвиняли в *космополитизме* и *преклонении перед иностранщиной*.³⁴⁵ 31 марта партбюро института рассматривало вопрос о состоянии научной критики и самокритики на данной кафедре. В преамбуле к постановлению сообщалось, что «профессор Юдельсон не показывает примера научной самокритики, не дал до сих пор развернутой критики своих ошибок... Нет в работах проф. Юдельсона серьезного разоблачения реакционной буржуазной юриспруденции».³⁴⁶

Наиболее активно поддержал кампанию Свердловский медицинский институт. Здесь, как уже отмечалось, были уволены многие врачи-евреи. Именно в данном вузе свердловские партийные власти собирались организовать собственное «дело врачей» на кафедре госпитальной хирургии. Ее заведующего профессора А.Г. Лидского на заседании ученого совета за-

Ученый Совет университета посчитал такое наказание недостаточным и вынес резолюцию: «Ректору университета рассмотреть вопрос о работе доц. Павловича В.А., доц. Ной И.С., старшего преподавателя Зудина В.Ф. и других».³⁴⁰ В результате, в августе по собственной просьбе были уволены В.В. Пугачев и В.А. Павлович. И.С. Ной потерял кафедру, а В.Ф. Зудин был переведен из старших преподавателей в лаборанты. В отчете университета было написано: «Преподаватель Зудин В.Ф. временно отказался от обязанностей преподавателя и перешел на должность лаборанта.... Заведующий кафедрой политэкономии доцент Павлович В.А.... пришел к заключению, что ... не только руководство (кафедрой), но и вообще работа в высшем учебном заведении типа университета является для него непосильной, ... просил освободить его от работы».³⁴¹

По поводу данного конфликта в Молотовском университете во время политической кампании «дело врачей» О.Л. Лейбович пишет: «Люди, участвовавшие в этой истории, отчаянно враждовали друг с другом. Они не стеснялись себя в орудиях борьбы, прибегая к самым низким из них во имя желаемых результатов. Они вели бой на уничтожение и проявили полную неспособность к каким бы то ни было компромиссам. И от этого складывается впечатление далеко идущего сходства, почти идентичности между противниками. Кажется, только случай разбросал людей по разным группировкам. При другом стечении обстоятельств они могли входить в совсем иные комбинации. Хотя молотовские юристы боролись за принципы, главным содержанием их деятельности была борьба как таковая. В ней они жили полной жизнью. За нее рисковали своим положением и карьерой. В этой борьбе были частные успехи, но не оказалось победителей. Торжествовали те, кто старался не выйти из-за кулис».³⁴²

В Свердловских вузах не менее активно разворачивалась кампания по разоблачению врагов на собственной территории. В Уральском политехническом институте был уволен зав. кафедрой экономики химической промышленности доцент Сандлер. Объяснили этот шаг, конечно, не национальной принадлежностью, а тем, что «Во-первых, ... давно работая на

Вероятность новой чистки подтверждается и в аналитической записке британского посольства в Москве от 3 марта 1953 года. Особо подчеркивалась в ней враждебная интеллигенции политика советского руководства. «Интеллигенция всегда находилась под подозрением и сотрудничество с ней не было искренним. Для представителей искусства, юриспруденции, медицины, философии, научные институты и университеты, хотя в них и входили ревностные сторонники коммунизма, в то же время служили убежищем для многих инакомыслящих и, в частности, евреев. Несмотря на постоянные нападки на нее (интеллигенцию – А.К.), этот класс избежал полной меры строгости довоенных расправ и послевоенных ждановских проработок. Теперь снова пришла его очередь, и, возможно, в результате всеобщей новой попытки (властей – А.К.) его раз и навсегда приструнят».⁷⁴

Сплошная цепь карательных кампаний, начавшихся в 1946 году, должна была внести смятение и раскол в среду творческой интеллигенции, заставить людей «перегрызться» друг с другом, запачкаться во взаимных доносовых и репрессивных акциях. В 1940-е и 1950-е годы это вполне удавалось. Врач В. Горелик вспоминает, что после собрания по поводу сообщения ТАСС о врачах – вредителях она хотела пойти успокоить медсестру, которую критиковали из-за ее фамилии: «Моей первой мыслью было: пойти в перевязочную, успокоить Эсфирь Абрамовну, но я почувствовала, как держит меня страх». Она пересилила свой страх, но медсестра прогнала ее со словами: «... Уйдите отсюда, у Вас дети, нам пришлют заговор!»⁷⁵ Таким образом, даже люди, не желавшие участвовать в кампаниях, все равно не могли от них уклониться. После 1945 года именно на интеллектуальную элиту был направлен удар. «Сделать рупором «партийной линии» не безвестного пролетария, а всемирно признанного академика или писателя – такая задача была, конечно, хоть и сложней, но куда заманчивей!»⁷⁶

Другим назначением новой антиеврейской политической кампании могло быть нагнетание ненависти к буржуазному западу. Существует предположение, что Сталин готовился к третьей мировой войне. Физик-атомщик Б. Иоффе полагал, что для этого необходимо было решить две

труднейшие задачи: военную – создать атомное оружие и политическую – поднять народ на войну. Решение последней задачи требовало разбудить ярость народа. Но не абстрактную ярость к кому-то за океаном, о ком обычный человек слышит только по радио. Необходимо, чтобы каждый человек видел предмет своей ненависти тут же, рядом с собой, знал, что он угрожает ему самому и его семье, а направляют этих врагов и руководят ими из-за океана. Этим новым врагом должны были стать евреи. Сталин и послушный ему аппарат партии и государства со второй половины 40-х годов намеренно разжигали антисемитизм: борьба с космополитизмом, аресты и расстрелы еврейских деятелей культуры, расстрел участников группы «врагителей» на ЗИСе и т. д. Б. Иоффе писал:

«Антисемитская кампания... не была просто еще одним эпизодом в сталинской политике репрессирования неугодных ему народов – она являлась средством к далеко идущей цели.... «Дело врачей» задумывалось с далеким прицелом: надо было показать, что и люди самой благородной профессии – врачи – у евреев являются убийцами. И это не сводилось к двум десяткам арестованных и посаженных в тюрьму видных врачей: по стране распространились слухи, что все врачи-евреи – враги народа и преступники... И эта ненависть потом распространялась уже не только на врачей... Легко предсказать резкую реакцию Америки, которая, конечно, встала бы на защиту евреев. Западная Европа Америку поддержала бы. И тогда, по замыслу Сталина, можно было бы переключить ярость народа с врага внутреннего на внешнего».⁷⁷

Теорию о третьей мировой войне также поддерживает специалист по истории США и международным отношениям А.А. Фурсенко. Он описывает военные приготовления, которые начались в конце 1940-х – начале 1950-х годов. Прежде всего, СССР энергично реализовывал ядерный проект, ускоренным темпом велись работы по ракетостроению. По велению Сталина была принята программа ускоренного строительства «летающих крепостей» – бомбардировщиков, способных нести атомные бомбы. Пред-

мо... принять в отношении т.т. Ной и Зудина решение о проведении неотложной хирургической операции с применением самых современных инструментов партийной дисциплины».

Секретарь партийного бюро университета В.В. Кузнецов поддержал мнение студента:

«Партийная организация и ректорат давно должны были поставить тт. Ной и Зудина на свое место, но, к сожалению, не сделали этого. Мне кажется, что тов. Трефилов дал правильную политическую оценку фактам, изложенным в статье и поведению тт. Зудина и Ноя».

В. Трефилов предложил исключить из партии т.т. Ной и Зудина за непартийное отношение к делу и неискренне поведение на партийном бюро, но по инициативе ректора оно было отклонено. В принятом постановлении указывалось, что статья поверхностная, но недостатки в работе т.т. Зудина и Ной критикует правильно. Сам же Ной непартийно относится к критическим замечаниям, оторвался от коллектива, не уделяет внимания воспитательной работе среди студентов. В решении бюро не было ни слова о семейно-приятельской группе, или организованной группе клеветников.³³⁶

Столь мягкое решение вполне понятно, так как Сталин умер, а врачи были реабилитированы. Однако И.С. Ной продолжал обличать своих коллег и руководство парторганизацией. В результате бюро внесло в повестку дня очередного майского партийного собрания обсуждение статьи «Халтурщики», хотя ни по уставу, ни по традиции не обязано было этого делать. Партийное собрание поправило бюро, т. Ной чуть не исключили из партии, но ограничились переводом в кандидаты. В.В. Пугачеву отказали в приеме в КПСС.³³⁷

Кагановический райком утвердил решение партийного собрания и продлил кандидатский стаж В.В. Пугачеву на год «в связи с серьезными недостатками в руководстве кафедрой и неправильным отношением к критике по работе».³³⁸ К И.С. Ною бюро отнеслось много мягче и отменило решение собрания: «За допущение элементов бахвальства, слабое восприятие критических замечаний тов. Ной Иосифа Соломоновича предупредить».³³⁹

В соответствии с советским политическим ритуалом критическая статья в прессе была необходимым основанием для служебного и партийного расследования и последующего наказания виновных. Тут как раз закончила работу комиссия. Справка практически полностью была посвящена Ной, Пугачеву и Зудину. Им припомнили борьбу за чистоту политической линии. В Справке приводятся мнения коллег и студентов: «Заведующие кафедрами (Ной, Пугачев) ... делают неверные обобщения, не соответствующие действительным фактам – приклеивают ярлыки «политически вредная лекция», «разглашение государственной тайны», «политическая ошибка» и т.д.... Критика т. Ноя... бывает очень своеобразной. Любую ошибку он готов оценить как серьезную политическую ошибку.... Ной видит ошибки у тех, кого он ненавидит.... Мы никогда... не слышали, чтобы Ной критиковал Пугачева и Зудина, а Пугачев и Зудин – Ноя и других».³³⁴ Комиссия заключила, что первой причиной недостатков в работе кафедры является «Неправильное использование и извращение критики группой работников, связанных приятельскими отношениями (Ной, Зудин, Пугачев)».³³⁵

В конце апреля партийное бюро университета приступило к обсуждению статьи «Халтурщики». Вновь было указано на методические недостатки лекций В.Ф. Зудина, но отмечали и положительные стороны. Все было мирно и рутинно, пока слово не предоставили выпускнику юридического факультета Владимиру Трефилову. Он произнес речь, которая в протокольной записи занимает более 6 машинописных страниц. Трефилов заявил:

«Я не могу отнести ни т. Зудина, ни т. Ноя к категории хороших людей.... Лекции т. Зудина страдают политической тупостью... Известно, что если работник перестает расти политически, то он теряет перспективу и превращается в делягу-крохобора. Тов. Зудин стоит уже на этом опасном пути.... Он явился слепым, но к несчастью для тов. Ноя, не тонким орудием в его руках.... [Ной] зазнался и возомнил, что он безгрешен как в научном отношении, так и в партийном отношении.... Я считаю, что на юридическом факультете образовалась злокачественная опухоль.... Необходи-

лажавшееся Генштабом число дивизий тяжелых бомбардировщиков (60) по настоянию Сталина было увеличено до 100. Тогда же в начале 1950-х годов было начато сооружение военных аэродромов на Севере и Дальнем Востоке, чтобы в случае войны нанести удар по Аляске и начать военные действия на американской территории. По данным В.П. Наумова, получившего доступ к материалам Министерства обороны, в начале 1950-х годов была начата массовая переброска военной техники и воинских частей на Крайний Север. Правда, эти данные приведены им без ссылки на конкретные документы.

Кроме того, в составе Совета министров создали соответствующее Бюро – по военно-промышленным и военным вопросам, которому подчинялась деятельность министерств авиапромышленности, вооружения, вооруженных сил и военно-морского флота. В том же 1951 г. из опалы вернулись прославленные военачальники Великой Отечественной войны – адмирал Н.Г. Кузнецов, вновь назначенный министром военно-морского флота, а также маршал Г.К. Жуков.

Таким образом, делает вывод А.А. Фурсенко, Сталин всерьез рассматривал возможность возникновения войны в ближайшем будущем. После того как в Советском Союзе была создана атомная бомба, Сталин считал, что в случае необходимости он сможет отдать приказ о применении атомного оружия. Это со всей определенностью вытекало из его интервью газете «Правда» 6 октября 1951 г., которое было инициировано самим Сталиным.⁷⁸

Логическим продолжением такой политики А.А. Фурсенко считает проведение акции, провоцирующей Запад на активные действия. Именно эту роль играла антиеврейская политическая кампания. Когда врачей обвинили во вредительстве и шпионаже в пользу Запада, президент США Эйзенхауэр сделал официальное заявление, решительно отрицая существование каких-либо связей американских служб с арестованными врачами. На Западе эти события вызвали резко отрицательную реакцию, массовые про-

тесты и демонстрации. Британское посольство в Москве отмечало, что «новое пугало – американский шпион и его меньшие братья-помощники евреи, англичане и др. заняли важное место в новой советской мифологии».⁷⁹

Нет однозначного ответа – для чего понадобилась Сталину антиеврейская кампания, она не была завершена, поэтому неизвестно как она выделась вождю в своей динамике. Во всяком случае, теория глобальной чистки кажется вполне правдоподобной в свете открывающихся фактов.

В статье «Разговор с антисемитом» Л. Гозман и А. Эткинд полагают, что сама по себе антиеврейская кампания не укладывается в рамки обычной тоталитарной политики. Выбор евреев в качестве нового врага свидетельствует об упадке сталинской тоталитарной системы. Тоталитаризм отличается от других форм власти как раз тем, что ни один член общества не должен чувствовать безопасности, стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Достигается это не объемом пролитой крови, а непредсказуемостью, алогичностью выбора жертв. Террор достигает своей цели, если любая попытка понять закономерность репрессий ведет к неудаче и единственной формой психологического приспособления к сюрреалистическому миру является доверие властям и нерассуждающая любовь к вождю. Более того, человек привыкает бояться и, следовательно, ненавидеть не столько людей далеких и не похожих на него, таких, как представители другого этноса, сколько самых близких – родственников, соседей по коммунальной квартире, сослуживцев: именно они, зная о нем все, могут разоблачить его перед лицом вождя. Вертикальная ориентация социальной жизни разрушает все горизонтальные структуры – как семью, так и национальные общности. Вера во всемогущество власти выбивает почву из-под всяких национальных предубеждений, по крайней мере, относящихся к согражданам. Именно поэтому враги не должны иметь очевидных отличий от тех, кто врагами в данный момент не является. Так что борьба с лицами определенной национальности не соответствует природе тоталитарного режима, поскольку никакая форма идентичности в таком обществе не приемлема.

Для тоталитарной власти исключительно важной была идея равенства всех граждан. По этой причине авторы считают антисемитскую кампа-

По заявлению В.А. Павловича в январе 1953 г. партийным бюро была создана комиссия для проверки работы юридического факультета. Она работала долго и обстоятельно. Справка «О состоянии учебно-воспитательной и научно-исследовательской работы на юридическом факультете Молотовского госуниверситета им. Горького» была готова только к 15 марта. А уже 12 февраля на очередном партийном собрании В.Ф. Зудин был выведен из состава университетского бюро, а В.П. Шахматов заявлял:

«На факультете имеется группа лиц, которые тормозят и мешают работе факультета. В эту группу входят т.т. Пугачев, Ной, Гуревич и Зудин. [Это] организованная группа клеветников.... С целью расправы над неродными им работниками организованно выступают с обвинениями в политических ошибках».³³¹

Аудитория поддержала антисемитские выступления, в наиболее ударных местах аплодировала. В результате в постановлении И.С. Пугачев, В.Ф. Зудин и И.С. Ной были названы «семейно-приятельской группой», деятельность которой нужно всесторонне проверить.

Масла в огонь подлил фельетон «Халтурщики», появившийся 24 февраля 1953 г. в газете «Молодая гвардия». В нем студент университета В. Богданов и специальный корреспондент И. Фукалова клеймили И.С. Ноя и «его приятеля» В.Ф. Зудина. Называли их «халтурщиками», «совершенно не похожими на советских научных работников», и обвиняли в том, что «благодаря их стараниям на факультете царит затхлая атмосфера группировок, отнюдь не способствующая развитию критики».³³² В том же номере был опубликован обзор печати «Настойчиво воспитывать политическую бдительность», в котором сообщалось, что «... в Одесском госуниверситете орудовала подлая группка еврейских буржуазных националистов-сионистов» и только *ротозейство* и *политическая близорукость* руководства и преподавателей виноваты в том, что такое было возможно.³³³ Такой материал должен был послужить сигналом к увольнению «неблагонадежных лиц» в местных вузах.

Напряженная обстановка сопутствовала всем политическим кампаниям. Подозрительность, страх, недоверие, пропаганда бдительности и борьбы с ротозейством мешали нормальному общению. Нельзя было чувствовать себя в безопасности даже рядом с близкими друзьями. Особенно тяжело в 1953 году пришлось евреям – врачам. В постоянном страхе перед арестом дома уничтожали запрещенные книги и любые компрометирующие материалы. Не хотелось идти на работу, слишком напряженная там атмосфера: коллеги смотрят с подозрением, начальство ловит на ошибках, больные не хотят идти на прием. И так до самого конца политической кампании.

Представляет интерес развитие дела врачей в научной среде. В уральских вузах работало не мало евреев. На 1 января 1953 года в Молотовском государственном стоматологическом институте работало 53 врача, из них 11 были евреями по национальности.³²⁹ В Молотовском государственном университете по состоянию на 1 октября 1952 года среди заведующих кафедрами было три еврея, из 54 старших преподавателей – 5 евреев. «Дело врачей» создало благоприятную обстановку для увольнения *лиц еврейской национальности*. В Молотовском государственном университете, например, уволили Л.Е. Кертмана, и только спустя пять месяцев это решение было отменено Министерством.³³⁰

В разгар «дела врачей» в Молотовском университете разворачивался свой собственный конфликт на юридическом факультете, в который были вовлечены партийная организация, кафедры общественных наук, преподаватели и студенты – выпускники юридического факультета.

И.С. Ной, заведовавший в те годы кафедрой советского уголовного права и процесса, и В.В. Пугачев, заведовавший кафедрой теории и истории государства и права, избрали для себя в университете позицию *неистовых ревнителей идеологической чистоты и страстных борцов против всех и всяческих уклонов от генеральной линии*, позволяли себе не соглашаться даже с мнением ректора. Поэтому их боялись и, когда в 1953 году началась антиеврейская по характеру политическая кампания, воспользовались поводом уничтожить их.

нию конца сороковых – начала пятидесятых годов принципиально иной, чем предыдущие сталинские кампании. Враг в этом случае был более конкретным, чем раньше: если вредителем, например, мог оказаться каждый, в том числе и тот, кто ничем не отличался от неврейдителя, то размытое и неясное вначале понятие «космополит» стало приобретать постепенно национальные еврейские черты. Отныне враги знали, что они враги, а все остальные могли чувствовать себя в безопасности. Для подавляющего большинства населения уровень страха при этом, безусловно, снижился, появлялся шанс на более спокойную и предсказуемую жизнь.⁸⁰

Однако это мнение может быть оспорено. Массовая кампания «дело врачей» очень быстро начала расширять рамки подозреваемых. Уже к концу февраля 1953 г. ни один начальник не мог чувствовать себя в полной безопасности. С самого начала кампании возникло такое понятие как «покровитель». В результате, начальник любой национальности, если он проявил «ротозейство» и «покровительствовал политически неблагонадежному лицу», заслуживал наказание. Кроме того, репрессии по национальному признаку широко практиковались в тридцатые годы. Обоснованием для них служила негласная установка о том, что лица, принадлежащие данным национальностям, будь они даже заслуженными революционерами, склонны к шпионской работе в пользу «своего» государства.⁸¹

Антиеврейская политическая кампания была тщательно подготовлена. Она началась с процесса против Еврейского антифашистского комитета, созданного в апреле 1942 года «в целях мобилизации еврейского населения за рубежом на борьбу против фашизма и пропаганды достижений СССР в зарубежной печати».⁸² Членов ЕАК обвинили в связи с еврейскими националистическими кругами США, националистической деятельности, желании создать Еврейскую республику в Крыму, в клевете на национальную политику СССР, в шпионской деятельности. Приговор был вынесен 12 июля 1952 г. В результате 13 человек приговорили к расстрелу, остальных – к разным срокам тюремного заключения.⁸³ Это был первый откровенно антиеврейский процесс.

Одновременно, в 1949 году, началась кампания против «безродных космополитов». Была проведена чистка еврейских кадров в науке, искусстве, на начальственных должностях. Средства массовой информации не оставляли у населения сомнений в том, против кого направлена борьба с космополитизмом. Недаром тогда сложилось присловие: «Чтоб не прослыть антисемитом, зови жида космополитом». В большинстве случаев чиновные борцы с космополитизмом преследовали прагматические, меркантильные цели, заключающиеся, как правило, в том, чтобы за счет изгнанных со службы евреев повысить свой социальный статус и улучшить материальное положение. Для других – это была возможность выплеснуть эмоции, проявить бытовой антисемитизм.

В период борьбы с космополитизмом в прессе была организована, уже упоминавшаяся, дискуссия о литературных псевдонимах между М. Бубенновым, М. Шолоховым и К. Симоновым. Началась она со статьи Михаила Бубеннова «Нужны ли сейчас литературные псевдонимы?» в «Комсомольской правде», где автор резко критикует практику принятия псевдонимов. Антисемитский подтекст здесь легко прослеживается. В то же время повсеместно начинается разоблачение евреев, скрывших свою национальность или русифицировавших свое имя. Для члена партии такое разоблачение чаще всего заканчивалось исключением из рядов КПСС. Все граждане должны были поменять паспорт и вернуть себе исконное имя.

Обычно оружием антисемитов были письма в высшие партийные и государственные инстанции, нередко анонимные, потому, что официально антисемитизм был вне закона. Типичным примером может служить послание, подписанное от имени «группы врачей поликлиник г. Москвы – участников на фронтах Великой Отечественной войны», направленное в июне 1952 года секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову, секретарю ЦК ВЛКСМ Михайлову, министрам здравоохранения СССР и РСФСР Смирнову и Ковригиной, а также ответственному секретарю газеты «Медицинский работник» Е. Васюковой:

Не только евреи и врачи стали мишенью политической кампании «дело врачей». Уже на первых организованных митингах и собраниях кампании общественность искала недостатки и политически неблагонадежных среди ближайшего окружения. Пропаганда всеобщей бдительности позволяла активизировать массы даже в самых отдаленных районах, и отовсюду в различные инстанции направлялись так называемые жалобы и предложения трудящихся. Это позволяло людям выплеснуть накопившееся недовольство. Пожаловаться на проблемы и несправедливость начальников.

Демократические способы борьбы за свои права невозможны в тоталитарном обществе. Нельзя подать в суд на грубость начальника или отменить несправедливое увольнение. Девушке восемнадцати лет из отдаленной татарской деревни остается только умереть на лесоповале, где пьют болотную воду, живут в холодных бараках, скудно кормят и невозможно купить теплую одежду, или написать жалобу на своих начальников³²⁶. Чего-то добиться, или попытаться добиться, можно только таким путем. Хотя, чаще всего, жалобы оборачивались против самих авторов. Во время политических кампаний вероятность добиться желаемого результата значительно возрастала. Начальники всех рангов оказывались в опасности.

Люди писали о том, что им ближе. О проблемах на своих предприятиях, о своих непосредственных начальниках. Не мало оставалось и бытовых жалоб. По справке Чермозского РК КПСС Молотовской области первые три места по содержанию всех заявлений, прошедших через райком в первой половине 1953 года, занимают жалобы на «пьянство, бытовое разложение и другие аморальные поступки», «бытовые условия рабочих» и «злоупотребление служебным положением».³²⁷

Однако во время политической кампании, в начале 1953 г., критика начальников начинала преобладать. Интересны данные, приведенные в одном из отчетов Кунгурского горкома партии за 11 апреля 1953 г.:

«Количество жалоб ... значительно увеличилось... За три месяца 1952 – 76 жалоб, за три месяца 1953 – 103. Изменился и характер жалоб.... Если раньше больше было по квартирным вопросам, то теперь больше сигнализируют о беспорядках на предприятиях и учреждениях».³²⁸

ственность и разложение трудовой дисциплины на шахте. Дело затянулось на несколько месяцев. В мае 1953 года исключение из партии заменили строгим выговором с занесением в учетную карточку. Без выговора было не обойтись: С.А. Хайнман имел с 1948 года собственную корову и принимал на работу спецпереселенцев.

Еще одно доказательство приказа об увольнении евреев можно найти в письме Мельника – Сербину, написанное в феврале 1953 г.: «В настоящее время принимаются меры к укреплению технического руководства трестом [Молотовсельмашстрой], а также замены ряда неподходящих работников (Сойфер, Перцович)».³²²

К работе евреев теперь проявляют особенно пристальное внимание. Каждая ошибка может привести к увольнению. Впрочем, серьезный повод требовался не всегда. Однако публично и документально признавать причину снятия с должности национальную принадлежность было запрещено.

Запрет не был снят даже после окончания «дела врачей». На заседании партийного бюро Свердловского государственного медицинского института 23 июня 1953 года слушали персональное дело члена КПСС С.П. Соломина. Ему отказали в утверждении отмены партийного взыскания по причине того, что он «в последнее время дал неправильное толкование факту освобождения его из Института (заявил, что он освобожден по национальному признаку как еврей)...»³²³

Увеличилось количество жалоб на врачей и медобслуживание. При этом чаще всего национальная принадлежность не играла сколько-нибудь значительной роли. Свердловская областная клиническая больница №1 в отчете выявила особенности 1953 года. Под номером один числится увеличение количества жалоб на врачей терапевтического отделения.³²⁴ Кроме того, многие люди предпочли вовсе не обращаться к врачам. В этом же отчете указано, что за 1952 год в больницу обращалось 82 206 человек, а в 1953 году – 66 407 человек.³²⁵

«Долг советского патриота-врача, коммуниста и беспартийного, диктует необходимость написать Вам и обратить Ваше внимание на то, что газета «Медицинский работник», замечает это ее редактор или нет, систематически предоставляет трибуну одним и тем же Буткевичам, Слуцким, Лилицким, Мальбергам, Розенфельдам, Глезерам, Копельсонам...

Не пора ли подбор и расстановку кадров в медицине поставить с головы на ноги. Тридцать два года – до 1949 года – Розенфельды и Буткевичи командовали в медицине, полностью оккупировав эту область науки, были кадры всех других национальностей, и о том числе русских... Эта истина общеизвестна. Общеизвестно то, что эти Розенфельды и Буткевичи в медицине совершали злодеяния и неисчислимы бедствия принесли нашему народу. Они убили Горького и его сына, убили Куйбышева, Щербакова и Жданова».⁸⁴

После этого письма в редакции газеты «Медицинский работник» были уволены несколько журналистов с еврейскими фамилиями.

Нагнетание обстановки вокруг медицинских работников, и особенно врачебной элиты, обслуживавшей правительство, усиливалось с каждым месяцем. Карательные органы готовились к арестам. С.Э. Шноль, биохимик, работавший в начале 50-х годов XX века на кафедре медицинской радиологии в Центральном институте усовершенствования врачей, вспоминал: «...летом 1952 года... странные люди стали появляться в нашем корпусе. Они показывали вахтеру какие-то пропуска и без особых занятий часами слонялись по коридорам. Я не знал, что это сыщики, начавшие «собирать материал» для будущего «дела врачей»... Как потом оказалось, их задачи были очень несложны. Они имели фотографии будущих жертв и отмечали в своих блокнотах – где, когда, куда пошел «опекаемый». С кем говорил. Отмечали по часам время входа или выхода из данного кабинета данного человека. Зато потом, на следствии, обвиняемому говорили: «Нам все известно! Такого-то числа в 15 часов 35 минут вы вошли в кабинет такого-то и там договорились (тут следователь мог придумать что угодно – не надо было магнитофонов) о заговоре... А в 16 часов 40 минут...»⁸⁵ По-

сле этого, в конце 1952 года, начались аресты и подготовка врачей к процессу.

Были арестованы профессора А.А. Бусалов, П.И. Егоров, В.Х. Василенко, В.Н. Виноградов, Я.Г. Этингер, М.С. Вовси, М.Б. Коган, А.И. Фельдман, А.М. Гринштейн, доктора Г.И. Майорова, А.Н. Федорова и другие, их обвинили в намеренно неправильном лечении Щербакова и Жданова. Арестованные долго не хотели «признавать» свою вину, несмотря на изматывающие допросы и угрозы следователей. Сталин был в бешенстве. 18 октября 1952 г. он разрешил руководству МГБ применить к врачам методы физического воздействия.

Следователи старательно сочиняли дело. Чего стоили сфабрикованные материалы, вспоминал помощник начальника следственной части МГБ Н.Н. Месяцев:

«Когда я начал читать (материалы следствия по «делу врачей» – А.К.), у меня волосы встали дыбом. Следователь брал историю болезни – например, того же председателя комиссии партийного контроля Андреева – и внимательно читал. Но какой из следователя специалист в области уха, горла, носа? Результат понятен. Андрееву, у которого сильно болело ухо, давали небольшую дозу опиума, чтобы смягчить боль. Так следователь приписал лечащему врачу, что тот приучал члена политбюро к опиуму и доводил до сумасшествия. Было ясно, что это липа».⁸⁶

Несмотря на старания следователей, дело продвигалось очень медленно. Подследственные отрицали данные под пытками показания и были явно не готовы к публичному процессу. Сталин, однако, решил начать массовую политическую кампанию.

9 января 1953 г. состоялось заседание Бюро Президиума ЦК КПСС, на котором обсуждался проект адресованного народу сообщения ТАСС об аресте группы «врачей-вредителей». Помимо членов Бюро Л.П. Берии, Н.А. Булганина, К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича, Г.М. Маленкова, М.Г. Первухина, М.З. Сабурова и Н.С. Хрущева на этом заседании присутствовали секретари ЦК А.Б. Аристов, Л.И. Брежнев, Н.Г. Игнатов, Н.А. Михайлов, Н.М. Пегов, П.К. Пономаренко, М.А. Суслов, председа-

ходить по оживленным улицам, в очередях и в магазинах их «готовы избить и говорят такое, что и стоять невозможно».³¹⁹ Были упомянуты даже факты физического оскорбления евреев, однако, уже в черновике эта фраза старательно заштрихована.

Свердловские власти делают вывод о необходимости «усилить работу по разъяснению национальной политики Советского государства среди всех слоев населения», но в то же время «ужесточить контроль за работой лиц еврейской национальности, занимающих ответственные посты».³²⁰ В этом резюме прослеживаются все особенности решения еврейского вопроса на периферии Советского Союза. Центральные власти только намекали, никто не говорил вслух, что евреев надо уволить и депортировать. Местным партийным инстанциям необходимо было, не называя прямо евреев врагами, тем не менее, начать антиеврейскую кампанию.

Евреев-начальников продолжали смещать с занимаемых должностей. Казус Хайнмана достаточно выразительно рисует новую ситуацию. В этом деле даже имеется косвенное свидетельство о том, что существовал приказ об увольнении евреев. Начальник Углеуральской шахты №4 С.А. Хайнман был снят с должности и исключен из КПСС в январе 1953 года. Секретарь Углеуральского горкома М.Ф. Губанов через своего друга, главного врача больницы при шахте №2, передал Хайнману, что его увольнение связано с «установкой Молотовского обкома под любым предлогом снять с руководящей работы всех евреев, т.к. партия питает политическое недоверие к еврейскому народу, мол, они все шпионы, а 1953 год... будет годом изгнания всех евреев с руководящей работы.... такой поворот сейчас в национальной политике». Он посоветовал не беспокоиться, Хайнман «не останется безработным, какой-нибудь Ванька будет начальником, а он главным инженером».³²¹ Жена Хайнмана написала об этом письмо прокурору Молотовской области. Началось расследование. Губанову пришлось писать объяснительную, где он опроверг показания жены Хайнмана и сообщил, что С.А. Хайнмана исключили из партии *за зажим критики, семей-*

среди евреев развиты очень сильно... и эти корыстные чувства буржуазного национализма у них впитались в кровь, они наиболее склонны, поэтому, на измену и предательство и к ним надо особо подходить и проверять их на деле, а не верить на словах».³¹³

Здесь вербализованы все основные черты мифологического еврея, чужого, к которому следует относиться с подозрением.

Другие выступающие откровенно требовали, «чтобы органы безопасности занялись деятельностью еврейских общин», «поменьше евреям давать руководящей работы, а дать им в руки лопаты»³¹⁴ и «селить евреев в одно место, вроде Биробиджана».³¹⁵

Аналогичные народные настроения проявились во время выборов в местные Советы. На бюллетенях можно встретить такие надписи: «... Я голосую за партию, за Сталина. Прошу Вас разобраться с еврейским засильем на машзаводе».³¹⁶

Разговорами дело не ограничилось. В больницах и поликлиниках больные требуют приема только у русских врачей. Так уже в первые дни кампании, в железнодорожной поликлинике станции Пермь II один из рабочих отказался пойти на прием к врачу-еврею, о чем было немедленно сообщено в ЦК.³¹⁷

Распространяются слухи, что евреи-врачи ошибочно ставят диагнозы, неправильно лечат, евреи-фармацевты неправильно изготавливают лекарства. В результате, для «лиц еврейской национальности» складывается невыносимая обстановка. Неудивительно, что «в настроении еврейского населения продолжает наблюдаться повышенная нервозность и почти общая подавленность. Евреи в общении с русскими неактивны, стараются уклониться от разговоров по существу событий. В общих беседах на предприятиях, в учреждениях и организациях участия не принимают».³¹⁸

Следует отметить, что секретарь Свердловского обкома более откровенен в своей докладной в ЦК КПСС, чем молотовские партийные функционеры. Он рассказывал и о проблемах самих евреев. В Свердловской Информации сообщается, что евреи боятся самосуда, поэтому опасаются

ть Комитета партийного контроля при ЦК КПСС М.Ф. Шкирятов, Д.Т. Шепилов, ставший к тому времени главным редактором «Правды», а также заместители министра госбезопасности С.И. Огольцов и С.А. Гоглидзе. Среди приглашенных не было министра госбезопасности Игнатъева, которым Сталин был недоволен и которого неоднократно распекал до этого в связи с «провалами» в «деле врачей».⁸⁷

Примечательно, что сам Сталин неожиданно уклонился от участия в этом заседании, хотя ранее, собрав в Кремле своих соратников, зачитал им письма Тимашук, которое она отправила в Кремль в 1948 году. Г. Костырченко предполагает, что он хотел не только избежать какой-либо ответственности за инспирирование «дела врачей», но и в случае необходимости переложить ее на участников заседания.

13 января 1953 года в «Правде» было опубликовано сообщение ТАСС об аресте группы врачей. Одновременно в «Правде» и «Известиях» напечатаны передовые статьи с комментариями. 15 января аналогичная публикация вышла в «Комсомольской правде». Статьи центральных печатных органов были продублированы по всей стране.

В «Правде» готовились опубликовать инспирированное Кремлем открытое письмо Сталину. Известные евреи – интеллигенты должны были поддержать действия властей и публично одобрить арест кремлевских врачей. Был начат сбор подписей. Этим занимался историк И.И. Минц, лично знакомый со Сталиным, философ М.Б. Митин и Я.С. Хавинсон, во время войны генеральный директор ТАСС, а затем обозреватель газеты «Правда».⁸⁸

По рассказам Минца, ему приходилось поочередно с Хавинсоном и еще одним неназванным сотрудником просиживать долгие часы в редакции «Правды» в ожидании, когда подвезут очередного подписанта. Несколько человек отказались подписать письмо: генерал армии Яков Крейзер, певец Марк Рейзен, историк А.С. Ерусалимский, писатели Илья Эренбург и Вениамин Каверин.⁸⁹

Эренбурга ездили уговаривать домой. Он сказал, что сам напишет Сталину. Ознакомившись с текстом письма, уже набранного для опубли-

кования в «Правде», он сделал ряд замечаний общего характера, а также предложил внести конкретную правку.

На левой стороне газетного оттиска значилось: «И. Эренбург: 1. На поправках не настаиваю, но отдельные фразы нынешнего текста могут принести вред; 2. Выражение «некоторая часть» может толковаться так, что евреев-националистов очень много, выражение «среди некоторых элементов» лучше; 3. «Хотят превратить евреев» – могут подумать, что всех евреев, в том числе авторов настоящего письма; 4. Не нужно употреблять выражение «еврейский народ», это как раз будет усиливать тенденцию к обособлению, усиливать еврейский национализм, а наша главная задача ассимиляция евреев». На правом поле газетного текста Эренбург вписал конкретные поправки: вместо «еврейского народа» писать «советских евреев» или «еврейских тружеников».

В своем письме к Сталину Эренбург делился опасениями, что действия в отношении евреев могут привести к политическим и международным осложнениям, нежелательным образом отразятся на положении СССР во всем мире и нанесут удар по международному коммунистическому движению. Учитывая эти обстоятельства, он просил Сталина ответить, считает ли он нужным, чтобы Эренбург подписывал письмо.⁹⁰ Ответа он не получил, но и письмо так и не было опубликовано.

В центральной прессе была развернута энергичная пропагандистская кампания, нацеленная на обработку общественного мнения. 18 января 1953 г. вышла очередная передовица «Правды» под названием «Покончить с ротозейством в наших рядах!» Она призвала советских людей не расслабляться, бороться с «самоуспокоенностью» и «беспечностью», напомнила о враждебном капиталистическом окружении, которое «пытается использовать благодущие и ротозейство наших людей». Затем в статье объяснялось, где следует искать врага и как его распознать. Прочитавшему статью становится понятно, что, если кто-то из работающих рядом людей не заслуживает политического доверия, обманывает партию, то за ним на-

Однако медики не слишком увлекались самокритикой и, конечно, не стремились получить наказание. Поэтому, чаще всего, ограничивались общепринятыми штампами. Врач Кунгурской городской больницы говорила: «Трудно поверить, что могут быть на свете такие выродки ... Необходимо по заслугам наказать... шпионов, а, с другой стороны, нужно повысить требовательность к себе, критически оценивать работу друг друга, более внимательно относиться к больным».³¹¹

Большинство арестованных по «делу врачей» имели еврейские фамилии и были «завербованы еврейской буржуазно-националистической организацией “Джойнт”». В результате подозрения по поводу местных евреев – это еще одна тема для обсуждения на митингах и собраниях.

Следует отметить, что антиеврейская направленности кампании местным властям не была актуализирована. Четких инструкций, по-видимому, не было получено. По этой причине областные и районные парторганизации старались смягчить в отчетах в ЦК КПСС национальную окраску кампании. В черновике «Информации в ЦК КПСС о высказываниях трудящихся Молотовской области» от 14.01.1953 г. фраза «принимаются меры к разъяснению рабочим, что поведение отдельных представителей наций не означает, что в этом повинна вся нация» была вычеркнута. Да и высказывание работницы шлюза КамГЭСстроя: «Зачем только евреев держат в Советском Союзе, они еще во время войны зарекомендовали себя плохо»,³¹² – показалась излишне вызывающей и также не попала в чистовик. Местные власти предпочитали не спешить, чтобы не допустить роковой ошибки.

Однако антиеврейских высказываний на митингах, по-видимому, было слишком много, о них нельзя было умолчать. Практически в каждом отчете обкома они присутствуют. Некоторые выступающие пытались завуалировать свой антисемитизм:

«Я не питаю никакой вражды к еврейской нации. Много среди них хороших и честных работников. Но национальные, корыстные чувства

жения. «... Мы никогда не отдадим никому своих завоеваний. И впредь мы должны удвоить, утроить свою бдительность, не забывая о капиталистическом окружении»,³⁰³ – заявлял на беседе агитаторов машинист паровоза в железнодорожном цехе Лысьвенского металлургического завода.

Разговор об усилении бдительности на собственном предприятии и жалобы на нерадивых специалистов – следующая тема для обсуждения на любом митинге. Обычно говорили о наболевшем. Рабочие Чусовского металлургического завода, например, обсуждали проблему плохой борьбы с хулиганством, «расценивая деятельность хулиганов, как проявление вражеской деятельности».³⁰⁴ Но в первую очередь вспоминали о недостатках в области медицинского обслуживания. Большинство проблем, по-видимому, действительно имели место: «Очень много случаев желудочно-кишечных заболеваний... В больнице №1 восемь детей при переливании крови были заражены малярией...»,³⁰⁵ факты грубости медработников и халатного отношения к больным. Так было всегда, однако, в 1953 году на собраниях по поводу ареста кремлевских врачей многие поддержали призыв бригадира одного из цехов молотовского завода им. Сталина: «... врагов надо уничтожить, а медиков надо встряхнуть».³⁰⁶ Высказывали предположения типа: «Необходимо разобраться с ростом заболеваний раком, дизентерией в гор. Молотове, – нет ли связи этой шайки бандитов с нашим городом...»³⁰⁷ Таким образом, врачей-вредителей начали искать на местах.

Медицинские работники выступали в аналогичном ключе. В подобной ситуации от них ждали самобичевания. Сестра-хозяйка родильного отделения говорила о недостатке белья, полотенец, родовых чулок, о том, что в больнице холодно, больные жалуются на плохое питание.³⁰⁸ Молодой врач их железнодорожной поликлиники Пермской железной дороги сообщал на собрании, что «необходимо резко улучшить подбор руководящих кадров в медицинских учреждениях. У нас нередко ответственные посты доверяют людям, не внушающим политического доверия».³⁰⁹ Доцент стоматологического института сожалел о недостаточной воспитательной работе со студентами.³¹⁰

до внимательно приглядывать, а лучше сразу уволить. Совершенно недопустима «болтливость, беспечность, небрежность в хранении секретных документов, отсутствие политической зоркости в вопросах идеологии, при подборе кадров, терпимость к фактам морального разложения», потому что это может использовать враг. Чтоб разоблачить врага и не допускать благодушия и беспечности, необходимо повсеместно развивать критику и самокритику, а главное, реагировать на нее.

Затем статьи о бдительности многократно публиковались в различных печатных изданиях. Все они в разной форме повторяли одни и те же клеши, столь похожие на штампы 1937 года.

Очередная годовщина смерти В.И. Ленина также послужила поводом напомнить гражданам о «беспощадных врагах – капиталистах» и «мерзких врачах-отравителях». Выступая 21 января 1953 г. на традиционном заседании, посвященном этому событию, глава Отдела пропаганды и агитации Н.А. Михайлов процитировал наверняка принадлежавшие Сталину слова из правдинской передовицы:

«...Но у нас еще сохранились пережитки буржуазной идеологии, пережитки частнособственнической психологии и морали – **живые люди** (выделено Михайловым – А.К.), скрытые враги нашего народа. Эти скрытые враги, поддерживаемые империалистическим миром, вредили и будут вредить нам и впредь. Именно об этом убедительно говорит дело врачей-вредителей – подлых шпионов и убийц, спрятавшихся под маской врачей, продавшихся рабовладельцам-людоедам из США и Англии».⁹¹

Еще одним важным элементом кампании было создание мифа о Лидии Тимашук. Именно ее письма послужили официальной причиной возбуждения «дела врачей». В течение нескольких дней имя скромного врача кремлевской больницы стало известно всей стране. Это произошло после того, как 20 января 1953 г. она была вызвана в Кремль и Маленков лично сообщил ей, что Сталин вынес ей благодарность за проявленное ею в 1948 году «большое мужество», когда, «вступив в противоборство с видными

профессорами, лечившими А.А. Жданова... отстаивала свое врачебное мнение в отношении больного».⁹²

На следующий день в газетах был помещен указ Президиума Верховного Совета СССР, гласивший: «За помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врачей-убийц, наградить врача Тимашук Лидию Федосеевну орденом Ленина».⁹³

Выполняя социальный заказ, печать и радио создавали в общественном сознании образ национальной героини, разрушившей козни темных сил и тем самым спасшей страну и ее руководителей от нависшей над ними смертельной опасности. Журналистка О.И. Четчикина, опубликовавшая 20 февраля 1953 г. в «Правде» статью «Почта Лидии Тимашук», в которой прославление «скромной труженицы» достигло своего апогея:

«Еще совсем недавно мы не знали этой женщины... теперь имя врача Лидии Федосеевны Тимашук стало символом советского патриотизма, высокой бдительности, непримиримой, мужественной борьбы с врагами нашей Родины. Она помогла сорвать маску с американских наймитов, извергов, использовавших белый халат врача для умерщвления советских людей. Весть о награждении Л.Ф. Тимашук высшей наградой – орденом Ленина – за помощь в разоблачении трижды проклятых врачей-убийц облетела всю нашу страну. Лидия Федосеевна стала близким и дорогим человеком для миллионов советских людей».⁹⁴

В статье использованы материалы наиболее ярких писем в редакцию «Правды». Люди называли в них Л. Тимашук «дочкой нашей Родины». Весьма примечательны строчки из письма жителей Красногвардейска Л. Филенко и Ф. Архипова: «Все – стар и млад, если бы было возможно иметь ваш портрет, поставили бы его на самое дорогое место в рамке, в семейном альбоме».⁹⁵

Власти не оставляли сомнения в том, кого следует считать врагом. В начале февраля с Израилем были разорваны дипломатические отношения. Предлогом послужил взрыв бомбы на территории миссии СССР

мушением клеймит преступную банду убийц и их иностранных хозяев».²⁹⁵ Призыв к бдительности и борьбе с ротозейством, напоминание о злом буржуазном окружении, готовом завербовать каждого политически неблагонадежного, все это заставляло искать врагов вокруг себя. Мастер Ново-Тагильского металлургического завода Свердловской области заявил на митинге: «Разоблаченная шайка шпионов врачей имеет свои шупальца и на периферии. Предлагаю проверить работу не только Министерства здравоохранения, но и других Министерств, а особенно нашего завода».²⁹⁶ В результате, сами трудящиеся предлагают перенести «дело врачей» на местную почву, да еще и расширить круг подозреваемых.

Темы для бесед, посвященных сообщению ТАСС о профессорах-убийцах, также предопределены передовой статьей. Во-первых, говорили о преступлении кремлевских врачей и требовали для них жесточайшего приговора. Каждый придумывал наказание в соответствии со своей фантазией. «Предать смерти этих скверных и подлых убийц»²⁹⁷ – это одно из самых умеренных предложений. Были и другие: «Требуем высшей меры наказания – смертной казни через повешение»²⁹⁸, «их нужно умертвить ими же придуманными средствами, т.е. путем губительного лечения, да так, чтоб они мучились как можно дольше»²⁹⁹, «необходимо уничтожить как бешеных собак»³⁰⁰. Некоторые утверждали, что согласились бы уничтожить врагов собственными руками: «Мне всего 19 лет, но так велико мое возмущение, что если б мне поручили убить этих зверей в человеческом платье, то я могла бы это сделать, и у меня не дрогнул бы ни один мускул».³⁰¹

Такая жестокость масс свойственна тоталитарным режимам. Ханна Арендт отмечала: «В привлекательности зла для толпы нет ничего нового.... Злодеяние... обладает болезненной притягательностью,... а большевистские заверения, ... что они не признают обычных моральных норм, стали главной осью коммунистической пропаганды».³⁰²

Еще одной темой, продиктованной передовой статьей «Правды», было выражение негодования по поводу происков капиталистического окру-

ных связей не существует, заключается в том, что люди безоговорочно верят средствам массовой информации. «А почему, собственно, я должен был верить Вам, а не газете «Правда»?»²⁹³ – вспоминает сельский врач Вера Горелик отповедь одного из пациентов, который отказался вести больного сына к ней на прием в начале 1953 года.

Для успеха кампании, в первую очередь, важна организация властями необходимой последовательности действий. Вслед за выходом передовой статьи в центральных газетах на местах были организованы митинги, собрания, совместные читки передовицы и сообщения ТАСС о врачах-убийцах. В результате все граждане не только имели информацию о новых врагах, но и совместно осудили шпионов-врачей и в дальнейшем должны были проявлять бдительность. Не составляли исключение даже удаленные сельские районы. Гайнский райком, например, принял на бюро от 19 января такое постановление:

«а) Необходимо партийным организациям с получением газет провести во всех коллективах рабочих, служащих и колхозников митинги, собрания, где заклеить с позором презренных шпионов, убийц и призвать советских людей к повышению революционной бдительности во всех звеньях нашей работы; б) Необходимо провести партийные и комсомольские собрания, на которых обсудить передовую статью газеты «Правда» и призвать... к повышению революционной бдительности, памятуя о том, что в районе проживает немало носителей буржуазной идеологии и морали...»²⁹⁴

Таким образом, парторганизация требовала организовать участие в кампании жителей отдаленных местностей, до которых газеты доходили с опозданием почти на месяц, а, возможно, до сего момента и вовсе не доходили.

Как полагается вести себя во время кампании, советские люди хорошо понимали. Достаточно было послушать сообщения по радио и прочитать газеты. До статьи в «Правде» никто и не подозревал о врачах-отравителях, а в ней уже сообщают, что «советский народ с гневом и воз-

в Тель-Авиве 9 февраля 1953 г. Пострадали некоторые дипломаты и члены их семей. Официальные извинения были отвергнуты. Случившееся пресса связала с тем, что «органы государственной безопасности СССР и ряда стран народной демократии обрубили кровавые шупальца международной еврейской буржуазно-националистической организации «Джойнт», созданной американской разведкой для ведения шпионско-диверсионной террористической деятельности против миролюбивых государств».⁹⁶

В конце февраля серия статей в разных газетах «открыла истинное лицо еврейской буржуазно – националистической организации «Джойнт», филиала американской разведки». В. Надеждин разъяснил, что «сионисты – злейшие враги трудящихся, враги мира, демократии и социализма».⁹⁷

Сразу после сообщения ТАСС в средствах массовой информации врачи-евреи, да и просто «лица еврейской национальности» по всей стране оказались в положении отверженных.

Высказывались самые мрачные предположения. Известный в те годы театральный администратор И.В. Нежный, например, оценивал все эти тревожные события так: «...Этим воспользуются погромщики, стоящие у тех или иных рулей, и поведут корабль к гибели... Им важно утопить евреев, и они это сделают... Вот скоро в Румынии готовится тоже антиеврейский процесс! Там дело будет такое же, как в Чехословакии. Там Анна Паукер оказалась сионисткой – переправляла румынских евреев в Израиль... Процесс в Румынии, а прокурор здесь. Все отсюда. Потом будет в Болгарии, потом в Албании, потом всех жидов соберут в одну кучу и к чертям в Сибирь...».⁹⁸

Ф. Раневская вспоминала слухи и разговоры тех времен: «Говорили где-то в Сибири, среди болот уже строили для евреев бараки без света и воды – настоящие концлагеря.... Все перешептывались: Заметили? По радио перестали звучать еврейские фамилии! Ну, Левитана тогда трогать еще не решались, а Владимиру Герцику предложили стать Владимиром Сердечным.... Кто-то предлагал заняться массовыми переводами: Гольд-

берг превратится в Златогорову, Фельдман – в Полевую, Зискинда – в Сладкова...».⁹⁹

Яков Этингер, арестованный в начале 50-х гг. по «делу врачей», в 1970 году разговаривал с бывшим членом политбюро и главой Советского правительства Николаем Булганиным. И тот рассказал ему, что процесс по «делу врачей» намечался на середину марта 1953 года, и должен был завершиться вынесением смертных приговоров. Профессоров предполагалось публично повесить на центральных площадях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Свердловске, других крупнейших городах. Причем составлена была своего рода «разрядка», где было заранее расписано, в каком конкретно городе будет казнен тот или иной профессор. Потом предполагалось произвести массовую депортацию евреев в Сибирь и на Дальний Восток, были подготовлены соответствующие документы. Министр обороны получил указание от Сталина подогнать к Москве и другим крупнейшим центрам страны несколько сотен военных железнодорожных составов для организации высылки евреев. При этом, по его словам, планировалось организовать крушения железнодорожных составов, «... стихийные» нападения на поезда с евреями, с тем чтобы расправиться с ними в пути».¹⁰⁰

Документально подобные планы нигде не зафиксированы. Не удалось обнаружить в архивах никаких приказов, свидетельствующих, что Сталин собирался депортировать евреев. Однако, как вспоминал М.С. Кимерлинг, живший в городе Артемовск Донецкой области, к нему домой в начале 1953 г. приходил участковый и переписывал всех членов семьи. Через несколько лет в личной беседе он признался, что у него был приказ начальства составить список всех евреев, проживавших на его участке.¹⁰¹ Можно предположить, что данный факт свидетельствует о готовящейся депортации или, по крайней мере, о выделении евреев из общей массы советских граждан.

Во всяком случае, увольнение евреев с руководящих постов и из карательных органов имело место. Ж. Медведев в статье «Секретный на-

2.4. ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ «ДЕЛО ВРАЧЕЙ» НА ПРОВИНЦИАЛЬНУЮ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Каждая сталинская политическая кампания должна была мобилизовать население всей страны на борьбу с новым врагом. В 1953 году врагами были названы медики-убийцы, якобы работающие на американскую разведку через международную еврейскую буржуазно-националистическую организацию.

«Врачи-убийцы» обладали всеми признаками мифического чудовища: «банда человекообразных зверей... прикрывались высоким и благородным званием врача, ... имели злодейские планы... и добивались чудовищной цели».²⁹¹ Кроме того, врачи, хотя и жили среди «нас», но *являлись носителями чуждой буржуазной идеологии* и шпионами иностранных разведок. Кампания призвала людей быть бдительными, то есть разоблачать «чужих», которые по-прежнему обитают среди «своих». Показательны в этом смысле слова школьной учительницы тов. Абрамовой на митинге рабочих и служащих Пятигорского ЛПХ Молотовской области по поводу сообщения ТАСС, которые газета «Коллективист» сочла *лучшим выражением мыслей собравшихся*: ««Рожденный ползать – летать не может» – такими словами А.М. Горького можно сказать о подлых наймигах англо-американской разведки. Этим гадинам из лагеря «ползающих» дает пищу ротозейство».²⁹²

Помимо мифа о «чужом», в «деле врачей» власти опирались на миф о еврее, который имеет в советском государстве глубокие корни. Множество людей были готовы видеть в еврее врага, другим он казался, по крайней мере, подозрительным. Таким образом, политическая кампания «дело врачей», выбрав в качестве врага врача – еврея легко нашла поддержку в массах.

Однако не только правильно выбранный объект ненависти позволяет кампании найти широкий отклик. Особенность тоталитарного режима, когда власти контролируют все сферы деятельности человека, а горизонталь-

Некоторые районные газеты впервые за всю кампанию опубликовали хвалебный материал о местных медработниках. В осинской газете «Красное Приуралье» 12 апреля появился обзор писем под общим заголовком «Благодарим за заботу о здоровье трудящихся», в котором представлена выборка положительных отзывов о врачах и медперсонале. И хотя «приток благодарностей работникам здравоохранения, воспитанным партией в духе беззаветного служения своей матери-Родине»²⁹⁰ объясняется *безмерной заботой партии и правительства о благе народа*, данная публикация имеет большое значение.

Таким образом, на Урале «дело врачей» имело вполне традиционное для политической кампании начало. Передовица «Правды» была перепечатана местными газетами, невнятные и от того еще более зловещие намеки печати на еще не раскрытые преступления погружали общество в атмосферу большого террора. Однако дальнейшее развитие пропагандистской кампании в прессе не поддерживалось четкими инструкциями властей.

Основные темы кампании, медицинская и антиеврейская, разворачивались в местных уральских газетах не регулярно. Областная печать была более активна, но и в ней характер кампании читателям не просто было выявить.

В прессе публиковались статьи о критике и самокритике, о бдительности и борьбе за чистоту кадров, но был упущен националистический оттенок кампании. «Дело врачей» послужило сигналом для критики начальства вообще.

Заметны различия в активности печатных органов и интенсивности проведения кампании в них. Кампания в прессе носила спонтанный характер, на усмотрение редакторов был оставлен подбор материалов. Городская пресса, включая и многотиражные газеты, была значительно активнее районной.

«следник Сталина» приводит совершенно секретный приказ СС №17, разосланный 22 февраля 1953 года по всем областным управлениям МГБ. Этот приказ предписывал уволить немедленно из МГБ всех сотрудников еврейской национальности вне зависимости от их чина, возраста и заслуг. Уже 23 февраля приказ был исполнен под предлогом «сокращения штатов».¹⁰²

Многие советские люди, привыкшие безоговорочно верить средствам массовой информации, сочли всех евреев – медиков потенциальными отравителями. Областной детский врач Вера Горелик вспоминает первую четверть 1953 года как кошмарный сон. После сообщения по радио об аресте кремлевских врачей к ней на прием никто не пришел, хотя обычно были очереди. Во время обычного обхода молодые матери «устроили настоящий «бунт» – не давали делать детям уколы, выбрасывали порошки, три бабушки пришли и забрали дочерей с больными внуками, отказывались от кислорода...», постоянно спрашивали: «Вера Яковлевна, вы то лекарство выписали? Вы не ошиблись? Отравления не будет?»¹⁰³ Некоторые при встрече переходили на другую сторону улицы. Слова поддержки решались произносить только шепотом.

Даже образованные люди поддались всеобщей истерии. П.Н. Мошнцева работала в 1953 году врачом советского посольства в Париже. В начале года без какой-либо видимой причины ее продержали под домашним арестом около недели. Позже, во время одного из приемов, тяжелая вешалка ударила по голове чью-то секретаршу. Пригласили врача, но девушка не подпустила ее к себе со словами: «Я не позволю этому человеку прикасаться ко мне! Она – из тех самых кремлевских врачей. Просто ей удалось сбежать из Москвы...» Потом гриппом заболел А.А. Громыко, но и он не позволил доктору поставить себе укол, резко отстранился и сказал: «Вашего лекарства я принимать не буду!»¹⁰⁴

Опаснее всего для врача в это время было допустить ошибку в лечении. Хирург-уролог М. Гойхберг вспоминал, что в начале 1953 г. он оперировал одного пожилого человека, которому перелили по ошибке не ту

группу крови. Вины хирурга в этом не было, однако он хорошо понимал: «Поди докажи... сейчас и невинные виноваты». Больного чудом удалось спасти. М. Гойхберг пишет: «Конечно, если бы старик погиб, и мне не спастись бы! Шевченко (главный врач больницы – А.К.) и его клеветы не преминули бы воспользоваться ситуацией».¹⁰⁵

Однако, чаще всего, чтобы наказать врача-еврея было достаточно вспомнить его старые ошибки или просчеты его подчиненных. «Служебное несоответствие» было вполне весомой причиной для увольнения или понижения в должности. Иногда причина была и вовсе не нужна. Того же М. Гойхберга послали работать в деревню, хотя обычно туда направляли молодых, только что окончивших институт. Он попытался узнать причину. Полученный ответ он вполне обоснованно счел странным: «Вы достаточно поработали в Киеве, освободите место другому».¹⁰⁶

Столь же нелепой была причина отклонения ВАКом диссертации ассистента кафедры уха, горла и носа Свердловского государственного медицинского института Р.Б. Пинуса на тему: «Кисты гайморовой пазухи». В заключении было сказано: «При социализме рака нет».¹⁰⁷

После смерти И.В. Сталина «дело врачей» начало затухать. В. Горелик писала: «В Москве врачи еще сидели, но стало как-то тише.... Игра в «убийц в белых халатах» уже не занимала».¹⁰⁸ Через месяц «дело врачей» было прекращено. В нарушение традиций власти признали свою ошибку публично. 4 апреля в «Правде» появилось «Сообщение Министерства внутренних дел СССР», информировавшее, что врачи выпущены на свободу, поскольку были арестованы «неправильно, без каких-либо законных оснований».¹⁰⁹ Особо подчеркивалось, что «лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности».¹¹⁰ Публичное обвинение одного из государственных органов – Министерства государственной безопасности вызвало недовольство в высших партийных инстанциях. На пленуме ЦК это было поставлено Берии в вину. Секретарь ЦК Н.Н. Шаталин с возмущением говорил:

казанными» собственного корреспондента коми-пермяцкой газеты «По Ленинскому пути» И. Власова или «Порочная практика работы с кадрами» В. Александрова из газеты «Гремячинский рабочий».

Следует отметить, что во время политической кампании 1953 года магической силе печатного слова уже не придавали прежнего значения. За политические опечатки по-прежнему наказывали, но уже не так строго, во всяком случае, обходились без арестов. В газете «За коммунизм» Юсьвенского района Коми-Пермяцкого округа 12 февраля в разгар кампании «дело врачей» была допущена «грубейшая политическая ошибка». В статье «Против благодушия и беспечности» в последнем *призывном абзаце*, где говорилось: «Будем бдительны! Как бы не изворачивался враг, как бы не изощрялся он в своих попытках продлить свое презренное бытие, – победа остается за нами, ибо дело наше правое», вместо слова «за нами», набрано «за ними», а редактор опечатки не заметил.

Бюро Юсьвенского РК 14 февраля вынесло постановление: «За допущение политической ошибки... редактору райгазеты... тов. В.М. Баяндину объявить строгий выговор, заместителю уполномоченного райлита тов. Пеньковой поставить на вид... Предложить зав. типографией освободить от работы наборщицу Сторожеву за недобросовестное отношение к делу».²⁸⁷

В первой четверти 1953 года по районам Молотовской области подобное решения было принято также Григорьевским райкомом за слово «советское сравительство»²⁸⁸, а Бардымский и Суксунский РК ограничились выговором, первый за такие значительные политические ошибки в газете как «Сабочий класс» вместо «рабочий класс», «Отрывается Волго-Донский судоходный канал» вместо «открывается» и «Вервовный Совет» вместо «Верховный Совет».²⁸⁹

В марте Сталин умер, а 4 апреля в «Правде» появилось сообщение об освобождении врачей за недоказанностью их преступления. Большинство уральских газет перепечатали его, но явного резонанса оно не вызвало, ошибки еще нельзя было выставлять напоказ. Можно, однако, обнаружить скрытую реакцию некоторых печатных органов на это событие.

ство и грубое отношение к больным фельдшера Хохряковой в разделе «По следам неопубликованных писем» от 27.02.; письмо о непригодной для нормального лечения детской больнице в номере от 4.03. Таким образом, о медиках газета начала писать только в середине февраля, а евреев среди критикуемых врачей нет.

Осуществление связи медицинской и антиеврейской тематики оставлено на усмотрение редакции. Материалы отбираются таким образом, чтобы среди множества русских фамилий встречалось несколько нерусских. В газете Боровского горкома Молотовской области «Путь к коммунизму» в редакционной статье «Улучшить работу медицинских учреждений города» от 30 января 1953 года сообщалось о недостатках во многих медучреждениях города и упоминались две фамилии – врача амбулатории Камводздравотдела Немшаевой и зубного врача городской поликлиники Люфт.²⁸⁴ Газета «Чусовской рабочий» от 13.02. в публикации Н. Михайлова «Когда принижена требовательность» приводит три фамилии медиков, работающих неудовлетворительно, среди них одна еврейская.²⁸⁵ Аналогичным образом отбирала письма для обзора редакция газеты «Шахтер» Коспашского ГК КПСС.²⁸⁶ Таким образом, редакторы, не имея четких инструкций, ведут себя осторожно и не акцентируют внимание читателей на местных врачах-евреях, в то же время, не дают забыть о них.

Таким образом, гранки газеты несли в себе код власти, который должен был отпечататься в сознании читателя, поэтому все статьи и заметки были написаны простым, доступным и понятным для читателей языком, обладали значительной эмоциональной насыщенностью, использовали яркие, образные эпитеты. «Человекообразными зверями, продавшими душу и тело иностранным разведкам» называют арестованных профессор-врачей в статье «Применить самую высшую меру наказания» от 25.01.1953. о митингах в Гайнском леспромхозе и стройуправлении.

Эмоциональным и нравственным зарядом обладает и само название публикаций, как, например, «Рьяные зажимщики критики остаются безна-

«Как выяснилось, их (врачей – А.К.) арестовали неправильно. Совершенно ясно, что их надо освободить, реабилитировать и пусть себе работают. Нет, этот вероломный авантюрист добился опубликования специального коммюнике Министерства внутренних дел, этот вопрос на все лады склонялся в нашей печати и так далее.... Ошибка исправлялась методами, принесшими немалый вред интересам нашего государства. Отклики за границей тоже были не в нашу пользу...»¹¹¹

Однако сообщение о реабилитации профессоров – врачей 4 апреля и разъясняющая его передовая «Правды» «Советская социалистическая законность неприкосновенна» от 6 апреля сняли напряженность и страх в советском обществе. Привыкшие полностью доверять газетам, люди отреагировали мгновенно. Доктор Горелик вспоминает, что уже утром 4 апреля «стали раздаваться телефонные звонки с поздравлениями и заверениями в неизменном доверии».¹¹²

Постепенно кампания сходила на нет по всей стране. Больные опять стали ходить на прием к врачам-евреям. Большинство исключенных из партии и снятых с должностей были восстановлены, как исправившие допущенные ошибки.

Сегодня трудно сказать, что собирался предпринять Сталин, остались только устные свидетельства его кровавых планов, однако, в архивах не удалось обнаружить письменных документов, подтверждающих версию расстрелов и депортации евреев.

По имеющимся данным можно сделать вывод, что не только евреи стали жертвой кампании. За «покровительство политически неблагонадежным» мог быть наказан любой человек. Создание мифа о подвиге Лидии Тимашук и призыв к бдительности пробуждали активность масс, повсеместно разворачивалась доносительская кампания.

ГЛАВА 2 РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ «ДЕЛО ВРАЧЕЙ» НА УРАЛЕ

2.1. НАЦИОНАЛЬНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА УРАЛЕ В НАЧАЛЕ 50-Х ГОДОВ

В 1953 году наиболее крупные области Уральского региона – Свердловская и Молотовская – имели совокупную территорию около 355 тысяч квадратных километров. Перепись 1959 года установила, что в них проживало свыше 7 млн. человек.¹¹³ Еврейское меньшинство в Свердловской области составляло 26 016 человек, а в Молотовской – 9 599 человек,¹¹⁴ то есть около 0,6% и 0,3% соответственно.

Свердловская и Молотовская области имели индустриальную направленность. Только в Молотовской области в середине десятилетия на учете состояло 832 действующих заводов и фабрик.¹¹⁵ Среди них были реконструированные дореволюционные предприятия, новостройки сталинских пятилеток и эвакуированные оборонные заводы.

Многие предприятия работали в состоянии постоянной аварийной или предаварийной ситуации. В официальном акте, характеризующем состояние дел на одном из химических предприятий Молотовской области, говорилось:

«В настоящее время подобное оборудование в массовом количестве на предприятиях страны не производится.... Однако сказать, что оборудование эксплуатируется на износ в полной мере нельзя, так как завод имеет в своем составе крупный ремонтно-механический цех».¹¹⁶

Часто планы выполнялись менее чем на 50 %, даже самая значимая государственная директива – «сталинское задание», не исполнялась вовремя: «В Березниках еще не было случая, чтобы приказы за подписью товарища Сталина исполнялись в срок»,¹¹⁷ – писал корреспондент газеты «Звезда» секретарю Молотовского обкома о *долгострое* магниевого завода. Не удивительно в такой ситуации, что множество жалоб на *слабое техническое руководство* хозяйственными предприятиями могло послужить причиной наказания руководящих работников.

них опубликовала письма с благодарностью врачам. Аналогичную картину можно наблюдать в Свердловской области. Орган парткома, завкома и дирекции Нижнетагильского завода № 63 «Рабочий» уже 15 января поместил среди писем в редакцию благодарность работников пожарной и сторожевой охраны врачу Т.А. Федоровой. В заключение они пишут: «Как хорошо и радостно, что мы живем в Советской стране, где забота о простом труженике стоит на первом плане.... От всей души благодарим Коммунистическую партию... за неустанную заботу».²⁸²

В Молотовской области из 57-ти городских, районных и многотиражных газет 17 поместили в первом квартале 1953 г. статью под названием «Улучшить медицинское обслуживание населения». В различных изданиях название имело незначительные вариации: «Повысить культуру и качество медицинского обслуживания населения» или «Лучше обслуживать людей на дому».

Наиболее активными были редакции городских газет, однако, и здесь включение в кампанию произошло с некоторой задержкой. В Молотовской области самый ранний материал критического характера о медиках опубликован в «Соликамском рабочем» 21 января 1953 года. Это было письмо К. Николаева под названием «За грубые нарушения – к ответу», в котором автор писал о злоупотреблениях служебным положением главного врача Соликамской горбольницы Скробко и его бухгалтера Мальгина, и призвал «спросить с них по-настоящему... за их противозаконные действия, за бесхозяйственность, за нечестность перед государством, за обогащение за счет государства».²⁸³

Энергично тему медобслуживания рассматривала «Краснокамская звезда», за февраль – начало марта она посвятила медикам 4 публикации: в разделе «Здравоохранение» в рубрике «Растет и благоустраивается город Краснокамск, повышается благосостояние и культура трудящихся» от 13.02. сообщается о несоответствии условий работы городской поликлиники возросшим требованиям; в обзоре писем трудящихся «О черствых и бездушных людях» от 25.02. приводится 9 фамилий медработников в связи с *негуманным отношением к больным*; о снятии с работы за пьян-

«Осудить неправильное, формально-бюрократическое отношение бюро Кагановичского РК... и лично первого секретаря райкома тов. Пьянкова к критическим замечаниям и предложениям коммунистов. Обязать... решительно устранить... недостатки,... принимать действенные меры по сигналам печати».²⁷⁷

Возросшая во время кампании строгость редакций по отношению к реагированию организаций на сигналы печати вызвала вполне резонное требование не публиковать непроверенных фактов. Орган Еловского РК КПСС Молотовской области «Колхозный труд» 26 февраля 1953 г. опубликовал обзор печати под заголовком «Поступающие письма в редколлегию нужно проверять», в котором подчеркивалось, что неподтвержденную информацию лучше совсем не печатать.²⁷⁸

Не осталась без внимания районной печати и стенная газета. «Березниковский рабочий» сформулировал ее задачу следующим образом: «Смело развивать критику в своих материалах, показывать пример непримиримого отношения к фактам мешающим коллективу».²⁷⁹ А до тех пор, пока эта задача не решена, местная пресса критиковала недостатки стеноидной печати:

«Анализ стеноидных газет... показывает, что многие еще не стали боевыми органами, смело и строго критикующими ошибки и недостатки, ... содержание некоторых... не отражает кипучей жизни цеховых коллективов, ... крупнейшим недостатком редколлегий... является то, что они не борются за действенность своих выступлений, не требуют реагировать на критические выступления».²⁸⁰

Иначе решался вопрос в Сивинском районе Молотовской области. Здесь с 15 января по 1 марта был объявлен конкурс на лучшую стеногазету. По результатам обещали выдать премии. Среди главных условий выделяли следующие: «Как коллективный организатор, должна... развивать критику и самокритику снизу, бороться за действенность критических материалов, ... своевременность выпуска».²⁸¹

Своейственной «делу врачей» медицинская тематика была освоена не всеми районными газетами. В Молотовской области, например, в начале 1953 года она присутствовала только в 53% местных газет, причем 1/3 из

Тяжелыми были условия труда на уральских предприятиях. Для обеспечения выполнения планов директора заводов использовали Указ от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», приписывающий на неопределенный срок работников к фабрикам.¹¹⁸ В адаптированном виде осуществлялась старая идея трудовых армий. Ремесленные училища проводили мобилизацию подростков, наскоро их обучали и отправляли по предприятиям. Люди, самовольно оставившие производство, официально именовались *дезертирами*, подлежащими уголовной ответственности. Районные суды в промышленных городах и поселках по указу от 26 июня привлекали к уголовной ответственности, примерно по 200 человек в год.¹¹⁹

Беглецов с предприятий было так много, что милиция не успевала их отлавливать. В 1952 г. тресту «Кизелшахтстрой» было по путевкам передано 599 молодых рабочих, а самовольно ушло 413 человек.¹²⁰

Положение рабочих еще ухудшалось, когда руководство предприятий нарушало Указ, увеличивая рабочий день по своему усмотрению. В письме на имя Г.М. Маленкова конструктор ОКБ-19 Министерства авиационной промышленности Я.И. Черных сообщал о 16 – 17 часовой продолжительности рабочего дня ведущих специалистов:

«...Что недопустимо для профессии конструктора, а также приносит вред делу в части качества работы и создает благоприятные условия для развития профессиональной травмы, как-то: заболевания печени, головные боли и другие заболевания, природа которых, очевидно, происходит от переутомления».¹²¹

Патриархальные отношения на производстве между администрацией и рабочими также служили причиной для жалоб. Хозяйственные руководители при случае использовали своих подчиненных на домашних работах. Так начальник шахты им. Сталина постоянно «...заставлял рабочих коммунального отдела шахты работать на его личном хозяйстве». Они косили се-

но, сажали, окучивали и копали картофель, делали другие работы по хозяйству. Начальник шахты в течение трех лет «...использовал кучера в виде своеобразного батрака...». Тот «... следил за чистотой во дворе и конюшне (подметал, вычищал навоз, носил и стлал свежую подстилку), в зимнее время очищал двор от снега, колосил и пилил дрова, весной пахал огород и участок в поле, сажал картофель летом окучивал... Жена (начальника шахты А.К.) посылала в выходной день продавать на базаре сало ... по 30 рублей за килограмм, зимой – картофель... по 10 рублей за ведро». Цитированная *Справка по проверке фактов*, подготовленная для бюро обкома, заканчивается следующим выводом: «Содержание своего хозяйства (начальник шахты им. Сталина – А.К.) полностью перевел на счет государства».¹²²

Отношения между начальником и подчиненным определялись увеличением социальной дистанции. Существовала громадная дифференциация в заработной плате. Месячный оклад секретаря Березниковского горкома составлял в 1953 году 2800 рублей, тогда как бухгалтер в том же горкоме получал 500 рублей, а уборщица 260 рублей.¹²³ Фиксированные оклады руководителей дополнялись большими премиями в десятки тысяч рублей. При таких доходах становились доступными мясные и рыбные деликатесы, продающиеся в центральных гастрономах Свердловска и Молотова.

В потреблении семей рабочих преобладали хлеб, крупы, бобовые и макаронные изделия, картофель. Частые перебои происходили именно в продаже этих продуктов. В «Информации Молотовского обкома от 3.04.1953 о проведении массово-политической работы... в связи с новым понижением государственных розничных цен» сообщается, например, что «в Ордынском районе имели место перебои в торговле хлебом. В городе Губахе, Кизеле, Углеуральске нет овощей, картофеля, хотя спрос на них очень большой».¹²⁴

Рассматривая таблицу расходов рабочей семьи, рассчитанную ЦСУ СССР, можно сделать вывод, что затраты на питание в начале 50-х гг. составляют 2/5 всего бюджета, а это соответствует стандартам потребления низкооплачиваемых слоев населения.

ний, а письма в редакцию не напрасны, существовала рубрика «По следам наших выступлений». В начале 1953 г. организации реагировали быстро, особенно на характерные для кампании темы. Статья А. Дымова «Не вынось сор из избы» о *зажиме критики* в артели «Красный Урал» Усольского района Молотовской области, *покровительстве зажимщикам* в газете «Ворошиловец» и в райкоме КПСС была опубликована в «Звезде» 28 января, 7 февраля результат проверки фактов, изложенных в данной корреспонденции, рассмотрели на заседании бюро Усольского РК КПСС. Главные действующие лица из райкома и газеты получили выговор, а директор артели строгий выговор. Рубрика «По следам наших выступлений» в газете «Звезда» напечатала об этом 25 февраля.

Срок появления отзыва на выступление даже в областной печати растягивался до двух месяцев, а в некоторых районных газетах эта рубрика вовсе отсутствовала.

Однако даже если публикация соответствовала характеру кампании, а редакция боролась за действенность критики, наказание провинившемуся руководителю в 1953 г. назначалось, чаще всего, незначительное. «Сталинский ударник» поместил 8 февраля заметку о заместителе директора Очерского машиностроительного комбината М. Лейбовиче. Неизвестный автор обвинил его в незнании нужд завода и кабинетном способе руководства, а затем категорически потребовал разобраться в сложившейся ситуации. М. Лейбович был в Очере фигурой значительной, в качестве доверенного лица кандидата активно участвовал в подготовке к выборам в местные Советы.²⁷⁵ Газета требовала отчета и «тов. Лейбовичу было строго указано», как сообщалось в рубрике «По следам наших выступлений» 19 марта.²⁷⁶

В начале 1953 года по районам и организациям прошло много собраний, посвященных реагированию руководителей на сигналы печати. В частности, 18 февраля бюро Молотовского ГК КПСС рассматривало вопрос «О статье в газете «Звезда» – «Формальное отношение к сигналам коммунистов» и приняло постановление:

Уральские газеты не выделяли медиков или евреев, неблагонадежные люди могли находиться где угодно среди руководящих работников, поэтому еще одна тема, которую разрабатывала местная пресса во время «дела врачей», касалась кадрового вопроса. Материалы о кадрах близки по содержанию материалам о бдительности. В Молотовской области цикл статей на эту тему был открыт передовицей газеты «Звезда» – «Работу с кадрами – в центр внимания», в которой сформулирована главная задача *в деле подбора кадров*:

«Всемерное улучшение качественного состава работников, укрепление партийных, государственных и хозяйственных организаций людьми, преданными интересам партии и государства, хорошо знающими дело и способными двигать его вперед... Следует повысить бдительность, не допускать проникновения на руководящую работу людей, недостаточно проверенных в политическом отношении и не заслуживающих доверия».²⁷⁴

В данном случае газета была рупором пленума обкома, который состоялся 10–11 февраля. Согласно установкам, данным партией, в прессе должна была начаться кампания по разоблачению руководителей, позволивших развиться *семейственности, подхалимажу и покровительству политически неблагонадежным лицам*.

Статьи о кадрах публиковались повсеместно под похожими заголовками: «Порочная практика работы с кадрами» в «Гремячинском рабочем», «Улучшить работу с кадрами» в «Уральском шахтере», «Серьезные недостатки в подборе кадров» в «Сталинской путевке» или «Строго соблюдать ленинско-сталинские принципы подбора кадров» в Свердловской газете «Уральский рабочий». О партийных кадрах материал под названием «Блестит чистоту партийных рядов».

Партийные и государственные инстанции должны были как-то реагировать на любую публикацию в газете. Даже неопубликованную корреспонденцию передавали для разбирательства и требовали отчета. Чтобы показать, что газета действительно борется за действенность своих выступле-

Таблица 2.1.1.

Структура денежных расходов семей рабочих, в % к итогу¹²⁵

Денежные расходы	1952г.
Всего	100
Питание	38,6
Покупка тканей, одежды, обуви, белья	18,6
Налоги	8,0
Алкоголь	4,7
Мебель	2,3
Культтовары	1,6
Отдых, лечение	2,6
Театры, кино	1,4
Жилье	2,4
Прочие расходы (транспорт, взносы)	15,4

При этом, если сопоставить потребление основных продуктов питания с физиологическими нормами, то картина будет еще более неутешительной.

Таблица 2.1.2.

Сравнение физиологических норм с фактическим потреблением продуктов питания семей рабочих в пересчете на душу населения в год, в кг.¹²⁶

Продукты питания	Физиологические нормы	Фактическое потребление	Соотношение фактического потребления и физиологических норм, в %.
Хлеб	133	126	0,95
Картофель	115	117	1,02
Овощи и бахчевые	146	52	0,36
Мясо и мясопродукты	91	51	56,04
Рыба и рыбопродукты	16	14	87,5
Молоко	183	86	46,99
Масло	7,3	5,9	80,8

Многие промышленные рабочие недоедали и потому очень болезненно реагировали на недостаток в начальственных семьях. Тем более, для начальства многие дефицитные продукты, например, мука и крупы доставлялись по домам, оставались в магазинах, либо распределялись по спискам в столовых. Бывший завмаг продснаба одного из березниковских за-

водов писал в жалобе на своего начальника Бокмана «о грубом извращении Открытой Советской Торговли»:

«...Бокман приказывает мне, ... подавая список на 10 человек развезти муку 85% по квартирам по 30 кг... Режут свиноматку, ... Бокман дает приказание эту свинью везти не в магазин, а в засолочный пункт, ... он говорит, в магазине все увидят, а мы же должны продавать по списку и не рабочим». ¹²⁷

Экономические различия касались не только личных доходов. Руководители предприятий пользовались казенным транспортом: джипами, легковым автомобилем, автобусом, в некоторых случаях даже катером. Они располагали просторными квартирами, отремонтированными и благоустроенными за счет предприятий. Журналист М. Данилкин, в 1949 г. объявивший войну местной элите в гор. Березники, с возмущением писал в фельетоне об одном из крупных хозяйственников:

«Сведущие люди говорят, что на ремонт и оборудование квартиры (начальника ОРСа Березниковского азотно-тукового завода Дугадко – А.К.) истрчено около 40 (сорока!) тысяч рублей. Нам достоверно известны только частности этого дела. Государственных средств потрачено без малого десять тысяч. В ванной комнате установлена не просто колонка, а колонка из нержавеющей стали. Знай наших!» ¹²⁸

Рабочие жили в иных условиях. Между ростом городского населения в регионе и жилищным строительством существовало огромное несоответствие. Массовое перемещение населения на Урал было как добровольным, так и принудительным, да еще война привела эвакуированных вместе с заводами рабочих. Население Уральского региона росло опережающими темпами по сравнению с другими регионами страны. За 1939 – 1959 гг. население СССР увеличилось на 9,5%, РСФСР – на 8,4%, а Уральского региона – на 37,5%. ¹²⁹

Жилищное строительство не поспевало за ростом населения, рабочие жили в бараках. Порой, в качестве жилой площади приспособляли подвалы, ваннные комнаты, производственные помещения, ветхие каркасно-засыпные бараки, построенные в 1932 – 1935 гг. В Молотовской области

окружкома и Кудымкарского ГК «По ленинскому пути» 28 февраля опубликовали письмо жителя Белоевского района В. Голева «Чуткий медработник», в котором автор хвалит фельдшера В.П. Казаринову за *хорошую, самоотверженную работу*. ²⁷¹

С тем, чтобы стимулировать население на дополнительную активность в газетах появляются публикации о политической бдительности, основанные на местном материале. В 1953 году статьи, в которых слова «бдительность» и «ротозейство» вынесены в заголовок, имели место в 47% молотовских газет.

Для пропаганды бдительности использовался любой повод. Газета «Колхозный клич» Пермско-Сергинского РК КПСС опубликовала 19 февраля передовую статью под названием «Выше бдительность!» В основе ее находился, произошедший за три дня до этого, случай трагической гибели на боевом посту начальника районного отдела МГБ Я.А. Усанова. Первые абзацы были заимствованы из публикаций центральных изданий о врагах-вредителях и капиталистическом окружении, а затем следовал такой текст:

«Об этом с новой силой говорит нам гибель от преступной руки классового врага начальника райотдела МГБ Я.А. Усанова.... Есть еще во-круг нас мерзавцы из недобитых остатков враждебных элементов.... Из этого тяжелого урока должны сделать суровые выводы... все трудящиеся нашего района». ²⁷²

Дети тоже должны участвовать в кампании, поэтому в Молотовской областной молодежной газете 12 февраля появилась передовая статья «Юнкор». Две трети ее занимает перечисление случаев, когда письма молодежи в редакцию принесли пользу государству. Заканчивается она традиционным напоминанием о капиталистическом окружении и призывом: «Наш юный корреспондент, ... мало видеть недостатки, с ними нужно вести непримиримую борьбу. Будь же страстным борцом со всевозможным злом. Беспощадно разоблачай фальшивых людей, ротозеев и болтунов – злейших врагов нашего государства. Смелее критикуй все отсталое, что тянет нас назад... Ждем твоих писем!» ²⁷³

Брайнере и начальнике технического отдела Кособокове,²⁶⁷ 28 февраля статья о литературном критике по фамилии Хазанович, который «заявил, что рецензия пишется в первую очередь для писателя, а не для читателя», а это, по мнению редакции, «непонимание задач литературной критики».²⁶⁸

Молотовская областная газета «Звезда» более активна. За период кампании в ней публикации о евреях имели место около 10-ти раз. Причем их число увеличивалось с середины февраля до середины марта. Лица с нерусскими фамилиями, возможно, не всегда евреи, в прессе показаны как политически неблагонадежные, морально неустойчивые и склонные к нарушению советской законности. В разделе «Партийная жизнь» опубликовано письмо коммуниста З. Кулягина «В партии не может быть двух дисциплин», в котором автор заявляет, что «все или почти все нарушения трудовой дисциплины (на шахте «Рудничная» А.К.) связаны с непартийным поведением начальника шахты... Лавниковского.... (Он) живет и действует, как его «левая нога захочет».... Пьяницы и дезорганизаторы производства идут к нему, как к своему покровителю и защитнику».²⁶⁹ В статье корреспондента «Звезды» С. Завьялова «Больше принципиальности в работе» о руководящих работниках Соликамского бумкомбината среди «сомнительных людей» большинство имеют нерусские фамилии.²⁷⁰

Областные молодежные газеты Свердловска и Молотова практически не публиковали статей, в которых звучали еврейские фамилии. В «Молодой гвардии», например, таких материалов во время кампании «дело врачей» было всего два.

Большое значение во время политической кампании имела рубрика «Письма в редакцию». Здесь газета должна была продемонстрировать активность масс. Конечно, отбор писем производился в соответствии с характером политической кампании. Судя по содержанию данной рубрики в свердловских и молотовских газетах, «дело врачей» не было четко спланировано. Не все редакции понимают, что нужно печатать. Некоторые, например, считали нужным похвалить врачей. В органе Коми-Пермяцкого

на Краснокамской бумажной фабрике «Гознак» подобное жилье составляло 45% всего фонда.¹³⁰

«Справка о бытовом устройстве и культурном обслуживании рабочих завода им. Молотова», подготовленная летом 1953 г., нашла их «... в неудовлетворительном состоянии».

Средняя плотность жилого фонда по заводу составляла 4,3 кв. м. на человека, причем «... по барачному фонду приходится 3,2 кв. м. на человека, а в отдельных общежитиях ... до 2 – 2,5 кв. м. и даже меньше». Около четверти всего жилого фонда были «... бараки каркасно-засыпного типа, половина которых построена в 1930 – 1932 гг.». В них проживало около 4000 рабочих. Составители справки – партийные функционеры – находят условия проживания в этих бараках *невыносимыми*:

«Крыши протекают, стены осели и промерзают, в комнатах зимой холодно и сыро. ... нет никаких удобств».

Более тысячи рабочих проживало в общежитиях, в комнатах по 20 – 25 человек. В общих помещениях «... среди одиночек проживают 6 женщин с мужьями».

В справке секретарю Александровского горкома, в которой сообщаются результаты проверки причин «систематического дезертирства» рабочих леспромхозов Соликамского района, весьма красочно описаны условия жизни в ЛПХ:

«Рабочие, особенно кадровые, размещены от 4 до 5 семей в одной комнате, которые не оштукатурены, со сквозными щелями, светящими наружу, в общежитиях уборка не производится, царит полнейшее антисанитарное состояние, постельная принадлежность не стирается и не меняется по месяцу и более. Выплата зарплаты иногда затягивается от 2 до 2,5 месяцев».¹³¹

Неблагополучная ситуация заставляла рабочих «дезертировать» и писать жалобы в вышестоящие инстанции. Весьма показательным ка-

жется письмо молодой девушки, мобилизованной на работу в обычный Кочевский леспромхоз:

«Место работы болотистое... Много заболеваемости, медпункта нет, ... в больном состоянии мастер посылает на работу... Холодный дом, ... не имеется колодцы и родники (сохранен стиль документа – А.К.), воды пьем из болотины, а вода нехорошая имеет желтый вид... Нет ничего кушать все девчата плачут...» Невыносимые условия жизни довели ее до того, что она спрашивала: «Неужели имеется в Советском Союзе такой закон, чтобы люди направить в леса тайги и гибнут там?»¹³²

Сомнения в государственной справедливости нередко можно было наблюдать в послевоенные годы. В Пермском архиве новейшей истории сохранился любопытный документ: «Докладная записка» начальника горотдела МГБ на имя секретаря Березниковского горкома от 5 февраля 1947 г., помеченная грифом «Совершенно секретно». В ней майор Беланов информирует партийное руководство города о настроениях населения в период избирательной кампании в Верховный Совет РСФСР. Сообщив, что большинство трудящихся активно одобряют и поддерживают это мероприятие, офицер ГБ перешел к освещению *неправильных мнений* меньшинства, подслушанных его агентами:

«Бывший кулак «Д» среди рабочих говорил: «... До того доголосовали, что кушать нечего. Раньше не голосовали, а всего было довольно. Если будут все время колхозы, то ничего не будет. Когда дадут свободно жить людям, тогда все будет, а если дальше это будет продолжаться, то совсем с голоду сдохнем. Провались эта вся жизнь». Слесарь Мендерский во всеуслышание заявил: «А кто же будет голосовать за Белый дом? Конечно, мы!» «... Смешно, будем голосовать, а кандидат по избирательному округу один. На самом деле было бы их 4 – 5, другое бы дело. Вообще все это чепуха!»¹³³

Считать такие настроения преобладающими и постоянными было бы неверно. Слова критики в адрес режима, чаще всего, провоцировались ситуацией. Ощущение своего бесправия, незащитности перед лицом всяческого начальства, глухое недовольство своим положением – все это созда-

критики рассказывали статьи П. Львова «О Сушкове и других» от 6.02.1953 и Л. Кукушкина «Неправильный стиль руководства т. Терехина» от 25.03.1953, фельетон И. Чегусова, И. Бобырова «В вотчине Лыхина» от 7.02.1953. Несколько публикаций сообщают о недостатках медобслуживания, строительства медучреждений и обучения в медучилищах. Трудно сказать, почему данная газета была столь активна. Возможно, играет роль личностный фактор редакторского состава.

Следует отметить, что антиеврейский смысл кампании в районной печати был размыт. Русские фамилии явно преобладали. Наличие на страницах газеты примеров, негативно характеризующих евреев, в большей степени свойственно городской и многотиражной прессе Урала. Только в 14 из 57 печатных изданий Молотовской области о евреях была опубликована хотя бы одна статья, 9 из них принадлежат горкомам и заводоуправлениям. Следовательно, из 39 районных газет всего 5 в некоторой степени поддерживали антиеврейский характер политической кампании 1953 года. Однако остается неизвестным, насколько велика в этой ситуации вероятность случайного совпадения.

Единственная газета, которая бесспорно сознательно публиковала критические материалы о евреях, это орган Кизеловского горкома КПСС «Уральская кочегарка». В статьях о беспечности, благодушии и неправильном подборе кадров приводятся, чаще всего, нерусские фамилии. Конечно, этноним «евреи» не произносился, но с конца января до середины марта 1953 года было названо около 16-ти имен неблагонадежных евреев.

В Свердловской областной газете «Уральский рабочий» за первые три месяца 1953 года можно выделить всего три статьи о евреях-начальниках. После фельетона о враче Д.В. Изох от 29.01. местные материалы с нерусскими фамилиями появились через 20 дней: 17 февраля письмо со Свердловского подшипникового завода о *зажимщиках критики* Рождественском и Гренадере и *пройдохах, присвоивших рационализаторское предложение*, технологе Бланкмане, начальнике абразивного отдела

Таблица 2.3.1.

**Участие местной Молотовской прессы
в политической кампании 1953 г.**

	Количество районных изданий	Количество городских изданий	Количество многотиражных изданий	Итого в % к общему числу газет
1. Перепечатали вовремя с добавлением местного материала	8	12	2	39
2. Перепечатали вовремя, ничего не добавили	10	3	1	24
3. Перепечатали с опозданием и с изъятиями	20	-	1	37

Данная таблица позволяет сделать вывод, что кампания носила спонтанный характер и не имела четкого управления. Заметны различия в активности печатных органов и интенсивности проведения кампании в них. Если говорить в целом, то городская пресса, включая и многотиражные газеты, была значительно активнее районной. Учитывая, что областные газеты полностью относились к первой группе, можно говорить о тенденции ослабления активности кампании в зависимости от удаленности района.

В массиве наиболее активных в 1953 г. городских газет можно выделить орган Березниковского ГК КПСС «Березниковский рабочий». Он следовал тематике кампании, перепечатывал директивные статьи из центральной и областной прессы. Статья «Ловкая Матвиенко и добродушные ротозеи» Т. Вахрина о бухгалтере швейной фабрики №2 и ее покровителе заместителе председателя горисполкома Лидермане была опубликована 28 января. Целый газетный разворот 27 января посвящен рубрике «От выборов до выборов», где представлен большой раздел с критикой здравоохранения. В «Письмах в редакцию» 31 января напечатано письмо А. Викторова «Нарушители трудовой дисциплины», в котором авторы сообщают о *недостойном поведении* газосварщиков Уралэнергомонтажа Шульца и Цертика, которые «свои личные интересы ставят превыше всего»²⁶⁶. О зажимщиках

вало социальную атмосферу безысходности, особенно невыносимую на фоне патетической пропаганды успехов. Отсюда и невыполнение планов, и массовый характер прогулов. На предприятиях угольной промышленности, например, только за один квартал 1953 г. «...невыход на работу составил 26% от общего количества рабочих».¹³⁴

Трудности в решении кадрового вопроса поставили руководителей предприятий в уязвимое положение. С началом перехода к научно-индустриальной ступени модернизации строение общественного труда, при котором немногочисленное ядро высококвалифицированных рабочих сочеталось с преобладанием малообразованных, низкоквалифицированных, доиндустриальных работников, становилось все менее пригодным для поддержания хозяйственной жизни.

Между тем проблема образовательного уровня населения стояла крайне остро. По переписи 1959 г. в Уральском регионе на тысячу человек занятого населения высшее и среднее образование имели 106 человек, общее среднее – 54 человека, неполное среднее – 266, начальное – 282, а 291 человек не имел даже начального образования.¹³⁵ Образовательный уровень населения региона был несколько ниже общероссийских показателей (соответственно 117, 60, 263, 353 и 207 человека).

Главной сложностью кадровой политики, таким образом, был дефицит квалифицированных работников. После войны эвакуированные из западных областей Союза инженеры и рабочие получили возможность вернуться домой. Молодых специалистов, окончивших вузы в Свердловске, распределяли по всей стране. В этой ситуации директора заводов оказывались перед дилеммой, кого взять на *ответственную* работу – человека без образования или «политически неблагонадежное лицо» с высокой квалификацией. Директор Березниковского азотно-тукового завода А.Т. Семченко в ответ на обвинение *в политической близорукости* (принял на должность главного архитектора инженера с судимостью по 58 статье)

не без раздражения объяснял, что он это делал, делает и будет делать впредь, поскольку других работников в его распоряжении нет:

«Должен информировать, что положение с кадрами на заводе остается по-прежнему тяжелым, так как значительная часть ИТР, рабочих и служащих не может быть допущена к секретной переписке».¹³⁶

Чиновники МГБ отправили инженера в ссылку, однако, на его место А.Т. Семченко назначил другого репрессированного. Аналогичных работников можно обнаружить почти на всех предприятиях. Директор Верещагинской трикотажной фабрики Петренко, выслушав обвинение в неправильном подборе кадров, оправдывался: «Дело в том, что в вопросе подбора кадров ни главное управление, ни Министерство легкой промышленности... помощи не оказывают.... Я обращался и в райком партии, где мне обещали, но пока не помогли.... В настоящее время у нас работает один инженер, и тот судим по 58 статье».¹³⁷

Надо сказать, что отраслевые министерства на такую практику смотрели сквозь пальцы. Их кадровые службы при необходимости поступали также, назначая на руководящие должности, вплоть до заместителя главного инженера треста, людей, отбывших «...срок по 58 статье, по 10 – 12 лет за контрреволюцию и вредительство». Начальник треста, напуганный такими назначениями, публично сетовал, что «наш главк, министерство смотрели на эти стройки как на ссыльный пункт».¹³⁸

Такая практика была весьма распространенной. На Урале находилось много лагерей, также он служил местом ссылки. К началу 50-х гг. в системе ГУЛАГа МВД было 103 официальных объединения республиканского и областного значения. В Молотовской области их было четыре: Молотовское ОИТК УНКВД, Кизеллаг, Усоллаг, Ныроблаг.¹³⁹ В Свердловской области была еще более густая сеть лагерей, она включала в себя 14 управлений: Баженовлаг, Базстрой, Березовлаг, Бобровлаг, Богослолаг, Востураллаг, Ивдельлаг, Красногорлаг, Севураллаг, Нижнетагиллаг, Лобвинлаг,

мянуть только три районных печатных органа. Гайнская газета «Коллективист» даже сделала это дважды: 25 и 29 января. Информации о митингах были краткими и имели аналогичное содержание и лексику: «Гневом и ненавистью к подлым убийцам были наполнены слова выступающих...»²⁶⁴ Подобные сообщения должны были служить примером, но данная инициатива не являлась повсеместной.

Реакция медиков на *разоблачение врачей-вредителей* была предметом публикации лишь в одной газете Молотовской области. Орган Александровского ГК КПСС «Боевой путь» 18 января на первой странице поместил заметку «Медицинские работники клеймят позором шпионов и убийц», в которой врачи городской больницы обещают, что «повысят требования к себе, усилят бдительность, пересмотрят всю работу в целях ее улучшения», будут «смелее внедрять новые методы лечения, критичней относиться к работникам аптеки, не останавливаться на достигнутом», заведующая родильным отделением дает слово «еще лучше оберегать материнство и младенчество».²⁶⁵

Отдельные районные и многотиражные газеты не включались в кампанию. Например, многотиражная газета молотовского завода ми. Орджоникидзе «Ударник» поместила сообщение ТАСС об аресте группы врачей и о их реабилитации. Между сообщениями были выпущены 13 номеров, каждый по 4 страницы, со статьями о проблемах и успехах завода и о подготовке выборов в местные Советы. Тема критики, кадров, бдительности, медработников и евреев полностью отсутствовала. Аналогичная картина была в Оханской газете «Колхозник», хотя здесь все-таки было две перепечатки о бдительности и публикация о сионизме. Орган Карагайского райкома партии «Под знаменем Сталина» сообщил об аресте врачей и о награждении Тимашук орденом Ленина, но больше не опубликовал ни одной директивной статьи, даже об окончании «дела врачей».

Нами был проведен анализ 57-ти местных печатных изданий Молотовской области. В качестве основания для классификации использовались своевременность появления статьи в местной прессе и наличие собственной инициативы издателей. В результате удалось выделить три группы газет:

1. Директивные статьи перепечатали вовремя с добавлением местного материала.
2. Директивные статьи перепечатали вовремя, но ничего не добавили от себя.
3. Директивные статьи перепечатали с опозданием и с изъятиями.

чередовались с директивными статьями из центральной печати на ту же тему. Таким образом, многократное повторение одной идеи критики снабжалось яркими местными примерами.

Структура печатных изданий была строго унифицирована. Как отмечал Е. Добренко, в газетах реализуются функции «репрессивного контроля с тотальной «просматриваемостью» и «простреливаемостью» пространства, которое специально клишируется таким образом, чтобы скрыть внешнюю машинерию власти – вплоть до указания репертуара рубрик, количества телеграмм и строк петиции, отводящихся под информацию».²⁶²

В каждой газете на первой странице была передовая статья размером примерно 50–60 строк. Она должна была поддерживать и направлять общественное мнение в духе кампании. Районная газета строилась на местных материалах. Копировались только самые значительные передовые статьи центральной прессы. Важным во время кампании было вовремя перепечатать передовицу, а потом использовать собственные факты, соответствующие характеру кампании. Поскольку он был не до конца ясен, во всяком случае, указаний от парторганизаций не поступило, подбор материала оставался на усмотрение редактора, поэтому разница между районами весьма значительна.

«Шахтер», Орган Коспашского ГК КПСС, 29 января опубликовал статью под названием «Будем бдительными», в которой избиратели 30-го избирательного округа, всего 25 человек, выражали благодарность Лидии Тимашук, желали «верной дочери своего народа зорко следить за происками врагов, впредь разоблачать извергов-душегубов» и обещали «быть такими же бдительными, как всеми уважаемая врач тов. Тимашук».²⁶³ Многие районные газеты напечатали сообщение о награждении Тимашук орденом Ленина, некоторые перепечатали статью О.И. Четкиной «Почта Лидии Тимашук» из «Правды» от 20.02.1953., но только в коспашской газете опубликовали «народную благодарность» Л. Тимашук.

Также немного районных газет сообщило о ходе собраний по поводу сообщения ТАСС о врачах-врагителях. Митинги сочли необходимым упо-

Тавдинлаг, Тагиллаг, Черноисточинсклаг и один отдельный исправительно-трудовой лагерь (Уральский ИТЛ).

Всего на апрель 1953 г., согласно справке МВД, в Молотовской области содержалось 112 238 заключенных.¹⁴⁰ Следует отметить, что большинство заключенных молотовских лагерей составляли не уголовные преступники. Выборочный анализ состава заключенных отдельных лагерей, проведенный сотрудниками научно-исследовательского центра «УралГУЛАГ», показывает, что в 1948 году из 3 тысяч заключенных исправительно-трудового лагеря строительства № 881 в г. Соликамске воров-рецидивистов было 212 человек, осужденных за бандитизм и вооруженные ограбления – 108, за «прочие уголовные преступления» – 354 человека.¹⁴¹

Судя по таблице, в Свердловской области число осужденных по политической статье к началу 50-х гг. составляет примерно 30% от общего количества заключенных.

Таблица 2.1.3.

Численность репрессированных в лагерях Свердловской области¹⁴²

Дата	Лагерь	Всего в данном лагере заключенных	Из них осужденных за контрреволюционные преступления	
			Человек	%
1.04.42	Тавдинлаг	11701	2378	20
1.03.43	Богословлаг	14292	4171	29
1.05.51	Тагиллаг	20005	4876	24.4
20.05.51	Иидельлаг	24539	2939	12
26.10.51	Ивдельлаг	22598	5631	25
1.03.52	Тагиллаг	17875	3187	17.8

Договор о поставке заключенных на предприятие заключался вполне официально. Областное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК), например, в 1947 г. заключило договоры с 30 предприятиями на поставку рабочей силы, в том числе и непосредственно на промышленном производстве в цехах завода имени Молотова.¹⁴³

Множество «политически неблагонадежных» на уральских предприятиях могло во время кампании послужить причиной наказания начальников всех категорий.

В сложном положении находился секретарь Молотовского обкома Ф.М. Прасс, недавно присланный на это место из Москвы. В конце 1949 г. в соответствии с постановлением Политбюро по работе Молотовского обкома секретаря обкома К.В. Хмелевского за *допущенные ошибки* сняли с работы. Был полностью обновлен состав обкома КПСС, однако, хозяйственные и районные партийные кадры принадлежали прежнему секретарю. В такой ситуации Ф.М. Прасс был чужим. Его предшественник, инженер-химик по образованию, понимал проблемы производства, а также руководил областью во время войны, поэтому имел весомый авторитет среди хозяйственников. К началу политической кампании 1953 г. новому секретарю обкома еще не удалось поставить на ключевые посты преданных людей.¹⁴⁴

По этой причине Ф.М. Прассу приходилось быть предельно осмотрительным. Любая ошибка или поспешно принятое решение могли вызвать негативные последствия лично для него. Особую осторожность следовало проявлять во время политической кампании, когда чистка в партии становилась обычным делом.

В качестве нового врага во время последней политической кампании сталинской эпохи были названы врачи – «убийцы в белых халатах» и, одновременно, евреи – «безродные космополиты». Такой выбор вождя вполне соответствует настроениям многих жителей Свердловской и Молотовской областей. Большинство евреев на Урале не были коренным населением. Одни были высланы сюда в 1920 – 30-е гг., другие остались на поселении после осуждения по 58 статье, третьи приехали вместе с заводами во время войны. Они не успели стать своими. Кроме того, обычно евреи имели хорошее образование и больше шансов занять ответственный пост. Согласно переписи населения 1959 года, по количеству образованных на 1000 человек евреи находятся на первом месте. Имеют высшее, среднее и неоконченное среднее образование среди евреев – 690, а среди русских – 284, украинцев – 369 и белорусов – 378.¹⁴⁵

В медицине евреев было довольно много. По Свердловской области, например, на 1 января 1953 года в составе врачебных кадров они занимали

«В любой корреспонденции, а в критической особенно, газета обязана не только описывать... факты, но и высказывать свое суждение по поводу их, делать выводы... Газета должна раскрывать сущность фактов, их внутренний смысл, показывать общественно-политическое значение того или иного явления, раскрывать причины, порождающие это явление».²⁵⁹

Неоднократно в различных газетах приводится высказывание М.И. Калинина о политической роли писем в газету: «Автор своим письмом стремится произвести политическое действие, он обращает внимание общества на известное ему зло, выявляет его причины, часто предлагая и соответствующие средства исцеления зла».²⁶⁰

В свою очередь, газеты должны были пропагандировать правильное отношение к письмам и жалобам трудящихся во всех организациях района, поэтому во время кампании появляется масса статей в поддержку критики и самокритики в письменной и устной форме. Газета «Колхозный клич» Пермско-Сергинского райкома писала:

«Необходимо... решительно искоренять... любые проявления формального, бюрократического отношения к письмам и сигналам трудящихся, помня о том, что за каждым письмом стоит живой советский человек, ожидающий своевременного и правильного решения поднятого им вопроса».²⁶¹

Необходимую информацию о содержании публикаций дают их названия. Орган Свердловского обкома и горкома партии «Уральский рабочий», помимо перепечаток из центральных газет на тему критики, напечатал в январе-марте 1953 года редакционные статьи под следующими заголовками: «Всемерно поддерживать и развивать критику снизу» (25.01.), «Повышать политическую активность коммунистов» (31.01.), «Настойчиво выполнять предложения коммунистов» (12.02.), «Письма трудящихся – яркое проявление инициативы масс» (13.02.), «Чутко прислушиваться к голосу масс» (14.02.), «Против парадного благополучия и обывательской самоуспокоенности» (19.02.), «Настойчиво бороться за действенность критики» (25.02.), «Критика и самокритика – друг и спутник таланта» (28.02.), «Чутко прислушиваться к голосу рядовых коммунистов» (26.03.) Данные материалы

коренным образом улучшить работу редакций газет с авторским активом. Для этого предлагалось:

«Во-первых, надо, чтобы аппарат повседневно занимался работой по привлечению к участию в газете широкого авторского актива. Во-вторых, следует покончить с формальным отношением к работе с авторами, когда штатные сотрудники сами пишут статьи за партийных, советских и хозяйственных работников. В-третьих, ... кроме печатания самих писем, редакциям рекомендуется составлять по ним обзоры, фельетоны, подборки под рубрикой «из редакционной почты», «наши читатели сообщают», «на темы дня» и т.д.... В-четвертых, необходимо усилить массовую работу газеты: индивидуальную работу с рабселькорами, систематически проводить совещания и семинары авторского актива, рейды рабселькоров, собрания читателей и т.д.».²⁵⁵

Среди главных недостатков газет были перечислены следующие: несвоевременная регистрация и расследование жалоб трудящихся, волокита, «когда письмо от секретаря-машинистки идет до редактора несколько дней»,²⁵⁶ невнимательное отношение к письмам и т.д.

Тематика статей контролировалась во время кампании, особое место занимала тема критики. Бюро Пермского РК КПСС Молотовской области 17 февраля 1953 г. критиковало районную газету «К коммунизму» за то, что она «робко и несмело ... разворачивает критику недостатков в работе колхозов, предприятий, ... руководителей».²⁵⁷ Аналогичные требования предъявлялись Мотовилихинским РК КПСС г. Молотова редакции многотиражной газеты «Молотовский рабочий»: «За последнее время в ней не появилось ни одной серьезной критической статьи в адрес руководителей завода, партийной и профсоюзной организации, начальников цехов и отделов, раскрывающих причины невыполнения плана».²⁵⁸

Газета не должна была быть бесстрастным информатором. В обзоре печати газета «Звезда» от 17 февраля 1953 г. «Бюрократическое отношение к письмам трудящихся» разъясняла, какую форму должна иметь критическая статья:

второе после русских место по численности: русских – 1864 человека, а евреев – 286.

Медицинское обслуживание находилось на низком уровне. Эта ситуация была отнюдь не новой. Так было всегда при советской власти. Регулярно в обкомовских отчетах встречаются информационные сводки. Например, 26 сентября 1946 г. Антонов писал Белецкому о проблемах медицины Молотовской области: «Лечебно-профилактические учреждения гор. Молотова и области находятся в крайне тяжелом состоянии... В Половинке, Краснокамске, Губахе, Коспаше – имеется по 5 коек на 1000 человек населения при нормативе в 10 коек. Здания больниц в городах: Лысьва, Чусовой, Губаха, Кизел, Половинка находятся в аварийном состоянии и требуют неотложного капитально-восстановительного ремонта. Многие из них поражены грибком, некоторые пришли в негодность за долгие годы эксплуатации... 18 из 27 станций скорой помощи в г. Молотове и области не имеют автомашин... На 1560 врачебных должностей в области имеется всего лишь 550 врачей; 569 врачебных приемов ведут медицинские работники со средним образованием»¹⁴⁶. Причин «встряхнуть» медиков было более чем достаточно. До 1953 года о проблемах в области медицины говорить открыто не полагалось. Пресса писала исключительно о достижениях советской медицины:

«Врачам государство предоставило самые благоприятные условия для успешной работы... заболеваемость в нашей стране систематически и неуклонно снижается...».¹⁴⁷

«Дело врачей» вызвало поток критических замечаний в прессе, на недостатки в медобслуживании обратили пристальное внимание. В архиве можно обнаружить множество справок и информации партийных инстанций, а также протоколов партсобраний, на которых обсуждалась эта тематика.

Критика во время кампании была направлена, главным образом, на недостойное поведение медрботников. Действительно, грубое и невнима-

тельное обращение с больными вошли в обычай. О грубости глазного врача Краснокамской городской поликлиники в газету «Краснокамская звезда» написали несколько человек: «(У врача – А.К.) вошло в привычку кричать на больных и отвечать грубостью на законные просьбы и требования. Бесцеремонно нарушая установленную очередность приема больных, она грубо выпроваживает из кабинета тех, кто ей почему-то «не понравился»... Больная ушла домой, не дождавись приема».¹⁴⁸

Порой из-за черствости персонала невозможно было вызвать скорую помощь. Работники буферной подстанции левого берега Камы рассказали: «Случился острый приступ аппендицита у дежурной подстанции... Мы несколько раз звонили в скорую помощь при поликлинике нефтяников треста Краснокамскнефть, но дежурная т. Каземирова решительно отказалась послать машину, заявив при этом, что это не ее участок. Больная страдала всю ночь и только в 11 утра ей была оказана помощь, хотя требовалась срочная операция... Дежурный врач т. Катаев... цинично заявил: «Мы из-за таких пустяков не выезжаем. Вот если человеку голову оторвет, тогда другое дело».¹⁴⁹

Случаи халатного отношения к своим обязанностям могли привести к трагическим последствиям. В справке за 1953 г. заведующего Свердловского горздравотдела приведены случаи смерти четырех детей от неправильного применения медикаментов и гибели больной в родильном доме Уралмаша, которой «по поручению медсестры санитарка ввела в клизму формалина вместо хлорал гидрата».¹⁵⁰

Пример халатного и равнодушного отношения к больному рассматривался на заседании бюро железнодорожной больницы станции Пермь II 31 марта 1953 года. Врач Оберг приехала по вызову к больному с ножевым ранением и вместо того, чтобы отвезти его в клинику, несколько часов ездила с ним по другим вызовам, а потом ушла по личным делам, отправив раненого одного в больницу. В результате он умер на операции. Врача исключили из партии, однако, весьма примечателен был ответ доктора, когда ее спросили, поняла ли она свою вину: «Когда я была у про-

пока без предупреждения, но с установленной датой ответа – 27 января. Это не подействовало.

Вероятно, в другое время редакция не стала бы упорствовать, но в период политической кампании подобное не допускалось, особенно в областной газете. 13 февраля последовал новый запрос с угрозой довести до сведения секретаря обкома о молчании Ныробского райкома, «как о нежелании выполнять постановление бюро обкома КПСС о реагировании на письма и жалобы трудящихся».²⁵² Секретарь Ныробского РК пренебрежительно отнесся к инициативе газеты. По его поручению был дан ответ 23 февраля, хотя крайний срок установлен на 20-е. Редакции сообщается, что факты подтвердились не полностью, райком ограничился предупреждением в адрес Сафронова, но с секретарской работы его сместил.²⁵³ На этом дело закончилось. По-видимому, в начале 1950-х гг. районные партийные руководители почти перестали бояться силы печати. Вероятно, кампания должна была изменить эту ситуацию.

Особенно активно местные парторганизации руководили прессой во время политических кампаний. Они требовали от редакторов районных и городских газет немедленно перестроить работу редакции в соответствии с целями властей. Четких указаний обнаружить не удалось. Разбирая вопрос о работе с жалобами и письмами в редакции газет, бюро райкомов и горкомов партии ограничивалось расплывчатыми формулировками о немедленном устранении *формально-бюрократического отношения* к письмам и *волоките*.

Одна из основных задач газет заключалась в том, чтобы поддержать активность масс во время кампании. На партсобраниях многократно повторялось, что «невнимательное отношение к письмам... разрушает связь с массами, отталкивает многих авторов от участия в газете, является прямым зажимом критики и самокритики».²⁵⁴ Показательным в этом смысле является директивное письмо Свердловского обкома от 13.02.1953 г. секретарю Нижне-Тагильского ГК Г.А. Кузнецову и редактору газеты «Тагильский рабочий» С.П. Мелентьеву, в котором речь шла о необходимости

Статьи о семейственности, зажиме критики, притупившейся бдительности, подборе кадров и попустительстве руководителей разных уровней начали появляться в областных газетах с конца января практически в каждом номере.

Таким образом, областная пресса достаточно оперативно публиковала соответствующие характеру кампании материалы, но они не содержали резких выпадов против влиятельных руководителей и не выделяли евреев.

Пресса работала в тесной связи с парторганизацией. Как отмечал журналист газеты «Звезда» А. Жуков в статье «Райком и его газета»: «Успешно справиться со своей задачей районная газета может лишь в том случае, если райком парии будет ею руководить, проявлять о ней повседневную заботу, помогать газете расширять круг авторского актива, улучшать массовую работу с рабселькорами и своими читателями».²⁵¹

Бюро райкома КПСС утверждало план публикаций в районной газете и контролировало его воплощение, а редакция должна была добиваться реакции партийных органов на критические письма трудящихся. Но в послевоенные годы это приобретало все более формальный характер. Планы утверждались единогласно и без изменений, а их реальное воплощение не соответствовало намеченному. Печатный орган требовал отчета в установленные сроки, но не всегда получал ответ.

Секретарю Нырбского РК КПСС Молотовской области 6 января 1953 г. было отправлено из редакции «Звезды» первое письмо с требованием принять меры по корреспонденции о *недостойном поведении коммунистов парторганизации Нырбского ИТЛ МВД и ее секретаря тов. Софронова*, ответа не последовало. По-видимому, парторганизации не редко игнорировали подобные запросы газеты. Во всяком случае, в редакции существовал специальный типографский бланк, содержащий предупреждение: «При неполучении от Вас ответа к ... (место для даты – А.К.) редакция вынуждена будет...», далее вписывались на пишущей машинке карательные действия газеты. В Нырб 28 января направлено повторное письмо,

курора Фомичева, он сказал мне, если я не согласна, то я могу обжаловать свое наказание».¹⁵¹

Образование многих врачей также оставляло желать лучшего. Часто доктора ошибались в постановке диагноза. Вместо аппендицита хирург Молотовской Областной клинической больницы поставила обострение хронического холецистита, больная умерла от перитонита.¹⁵² Врач поликлиники Сталинского района г. Молотова определила у больной тиф и немедленно направила в инфекционную больницу, ошибка выяснилась через четыре дня.¹⁵³ В Фокинской районной больнице вместо скарлатины ребенку поставили пневмонию.¹⁵⁴

Ошибки случались часто, но до 1953 года о них предпочитали молчать. Наказания применялись в редких случаях. Когда от неправильного применения лекарства умерли дети, больница ограничилась рассмотрением этого вопроса на общем собрании, однако, когда роженице ввели формалин, медсестру осудили по уголовной статье. В 1953 году жалобы на медиков заслужили особое внимание.

Однако многие недостатки медицинского обслуживания не зависели от медперсонала. Во-первых, сами медицинские учреждения не были приспособлены для приема необходимого количества больных. В Свердловске «развернуто 5050 коек, что составляет 72 % потребности в коечной сети.... В 1952 году было отказано в госпитализации 35% больных, ... в том числе больных с крупозным воспалением легких, дизентерией и другими заболеваниями, госпитализация которых обязательна». Пришлось даже открыть летом в 3-х школах дополнительные госпитали для больных дизентерией, в городской больнице №1 на 400 коек разместились 800 больных, «коридорные койки и койки в вестибюлях стали в больницах города постоянными».¹⁵⁵

Аналогичная ситуация сложилась и в Молотове. В послевоенные годы в городе не выстроено ни одного лечебного учреждения, за исключением городской станции скорой помощи и родильного дома на 30 коек. «Согласно приказа Министра здравоохранения СССР № 810, для нормального обслуживания населения городу необходимо иметь 5200 коек. Город же

располагает только 4355 койками...В Ленинском и Сталинском районах города нет совершенно районных больниц.... За 1952 год было отказано в больничном лечении 5718 больным, за 1-е полугодие 1953 г. 3000 больным.... За 1952 год 11,4% инфекционных больных не были госпитализированы».¹⁵⁶

Таким образом, при сильно выросшей численности городского населения количества уже имеющихся медицинских учреждений было явно недостаточно.

Кроме того, старые здания не соответствовали современному стандарту. В Молотове некоторые больницы располагались в ветхих деревянных бараках без водопровода и канализации. Больница в Орджоникидзевском районе, на поселке Крохалева и 12-е отделение городской инфекционной больницы размещены в аварийных зданиях, не подлежащих капитальному ремонту.¹⁵⁷

Оснащение больниц медикаментами, оборудованием и необходимым инвентарем находилось в неудовлетворительном состоянии. 15 июня 1953 года было проведено обследование стационара 12-ой Свердловской Горбольницы. Комиссия установила: «Оснащение очень бедное: тумбочек недостаточно, матрацы очень тонкие и жесткие, постельного белья недостаточно, вследствие чего помывка больных и смена белья производятся нерегулярно. В палатах... много мух..., очень жарко и душно.... Вызов персонала производится путем постукивания ложкой по стакану».¹⁵⁸

Районные больницы находились в еще более сложном положении. Там не было, порой, самого необходимого. Больница на шахте № 6 в городе Кизел Молотовской области «не имеет ледника,... морга».¹⁵⁹ Районная Красногвардейская больница Зайковского района Свердловской области «не имеет рентгеновской и физиотерапевтической установки.... Отсутствует автотранспорт...»¹⁶⁰ В Кизеловской горбольнице в лаборатории не достает кислот.¹⁶¹ Среди проблем здравоохранения в городе Березники на первом месте в *Справке* горкома находится нехватка некоторого оборудо-

нем шла о Моисее Соломоновиче Шеймане, которого летом 1952 года перевели с должности директора деревообделочного завода Козловки в город Молотов, и, как было сказано в фельетоне, он «начал сколачивать кадры Молотовского домостроительного комбината.... Распорядился выдать подъемные и проездные деньги прибывшему «подкреплению».²⁴⁵ Автор требовал разобраться с безобразиями. Следует отметить, партбюро реагировало весьма оперативно. Уже 5 февраля в рубрике «По следам наших выступлений» сообщается, что факты подтвердились, а Шейману был объявлен строгий выговор с предупреждением.

Орган Свердловского областного и городского комитетов КПСС «Уральский рабочий» поддержал характерную данной кампании тему критики только 23 января. Публикация И. Морозова «Глушитель критики» призвала бороться с такими людьми, как директор завода им. Воровского тов. Одинцов, который уволил одного из мастеров за критику.²⁴⁶ И лишь 29 января появился полностью соответствующий тематике кампании фельетон «Главный и его угодники» о главном враче уралмашевской больницы по фамилии Изох. Он, согласно заявлению авторов фельетона, мстил за критику, допускал семейственность и подхалимство, что послужило причиной того, что: «В поликлинике появились грязь, клопы, тараканы. Участились жалобы рабочих Уралмашзавода на качество лечения, возникли несчастные случаи с больными».²⁴⁷ Подобный материал не мог остаться во время кампании без ответа. Но и здесь можно наблюдать довольно лояльное отношение к обвиняемому. Ему объявили выговор без занесения в учетную карточку.²⁴⁸

Печатные органы обкома и горкома ВЛКСМ, свердловский «На смену!» и молотовская «Молодая гвардия» тоже достаточно быстро начали помещать местные материалы о критике и бдительности. Однако в передовых статьях не много фамилий, а заметка с еврейскими фамилиями первый раз появилась в «Молодой гвардии» 24 февраля²⁴⁹, а в газете «На смену!» – 25 марта.²⁵⁰

бование уволить какого-нибудь «неблагонадежного» работника, только обещая разобраться. Кампания осталась незавершенной, но недоверие к медикам и страх перед проработками и разоблачениями сохранился надолго.

2.3. КАМПАНИЯ В МЕСТНОЙ ПРЕССЕ КАК СПОСОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МАССЫ

Пропагандистская кампания в средствах массовой информации была основным способом организации масс. Через печать осуществлялся процесс макетирования общественного сознания.²⁴³ Газета была печатным эквивалентом формируемого властью массового сознания. Ленин В.И. писал: «Роль газеты не ограничивается... одним распространением идей, одним политическим воспитанием... Газета – коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также коллективный организатор».²⁴⁴ В итоге, печать превращалась в свод инструкций.

Местную прессу можно классифицировать по территориальному признаку, выделив областные, городские, районные и многотиражные газеты. В Молотовской области, например, за 1953 год удалось обнаружить 59 газет, две из них – «Звезда» и «Молодая гвардия» – областные, 39 районных, 14 городских и 4 многотиражных.

Политическая кампания направлялась директивными статьями. Всего примерно 12 статей из центральной печати выборочно присутствуют в местной прессе начала 1953 г. Следует отметить пять из них, которые перепечатывались чаще других, и являлись основой кампании: «Хроника ТАСС» и статья «Подлые шпионы и убийцы под маской профессор-врачей» от 13 января; «Всемерно повышать бдительность на каждом участке работы!»; «Против благодушия и беспечности»; и, наконец, «Сообщение о прекращении дела врачей».

Молотовские и Свердловские областные газеты перепечатывали передовые статьи центральных газет вовремя, на следующий день после их выхода в тираж. Соответствующие характеру кампании местные материалы начали публиковаться в «Звезде» с 16 января, когда вышел на страницах газеты фельетон Г. Меньшикова «Комбинатор из Козловка». Речь в

вания: манометров, желудочных зондов, в тубдиспансере старый рентгеновский аппарат, нет кислородных подушек.¹⁶²

Обеспечение городов Урала врачами и средними медицинскими кадрами, согласно информации в обком, было *неудовлетворительным*. В Молотове в 1953 году на 1600 врачебных должностей работает 991 врач. На 37 775 должностей средних медработников работает 2 633 человека.¹⁶³ В Свердловске аналогичная ситуация: количество штатных должностей врачебных кадров на 1953 год должно быть 5 360 человек, а их обеспеченность – 2 887, что составляет 54%; среднего медперсонала предусмотрено 13 956 должностей, а реально работает 12 546, то есть, укомплектовано на 89%.¹⁶⁴ Таким образом, один врач работает за двоих.

На селе эта проблема еще явственнее. Отсутствуют врачи – специалисты. В том же Зайковском районе Свердловской области нет таких специалистов как невропатолог, окулист и отоларинголог, фельдшерско-акушерские пункты не полностью укомплектованы фельдшерами и акушерками.¹⁶⁵ В отдельных районах Коми-Пермяцкого округа вообще нет хирургов и ряда других врачей.¹⁶⁶ Районы Молотовской области жалуются, что облздравотдел «берет из города врачей и никого взамен их не дает».¹⁶⁷

Криком отчаяния можно назвать письмо главного врача Ныробской районной больницы Молотовской области: «В настоящее время в больнице крайне тяжелое положение с акушерками. Из... двух одна уходит в отпуск по беременности, вторая... не соответствует занимаемой должности. Убедительно прошу акушерку тов. Юркину освободить от занимаемой должности (в аппарате райкома комсомола – А.К.) и направить в больницу для использования ее по специальности».¹⁶⁸ В просьбе было отказано.

Таким образом, к началу 50-х годов система медицинского обслуживания находилась в тяжелом положении, особенно на селе. Не хватало квалифицированных врачей, *неудовлетворительно* было налажено снабжение медикаментами и оборудованием. Больницы располагались в непригодных помещениях, старые здания находились на грани разрушения.

Количество коек значительно не соответствовало количеству больных, нуждающихся в госпитализации.

Медицинские работники часто не имели достаточного образования. Грубость, равнодушие и халатное отношение к работе можно было наблюдать повсеместно. Все это способствовало росту недовольства. Советские люди и так не слишком жаловали медработников, а политическая кампания «дело врачей» дала официальное разрешение критиковать врачей.

Кроме медиков недовольство масс заслуживали начальники. На предприятиях сохранился военизированный режим. Администрация былавольна увеличивать рабочий день, лишать выходных, переводить специалистов на неквалифицированные и низкооплачиваемые работы, уменьшать заработную плату, оскорбить словом или действием, отдать под суд, наконец. Не существовало эффективной системы противовесов. Профсоюзы лишились каких-либо защитных функций. Поэтому оставалось одно средство сопротивления начальственному произволу – жалобы в партийные инстанции, письма в газеты, анонимные заявления в органы.

Неудовлетворительный уровень жизни послужил причиной того, что рабочие индустриальных центров Урала в начале 1950-х манифестировали свое единство с высшей властью, верили Сталину и были готовы участвовать в любых политических кампаниях, направленных против местной и заводской администрации. «Дело врачей» в провинции в любой момент готово было перерасти в «дело начальства».

Однако партийные руководители проявляли осторожность перед лицом непосредственной опасности. Во-первых, боялись очередной чистки в руководстве, во-вторых, нежелательными были открытые неконтролируемые беспорядки в массах. Таким образом, они не спешили начинать кампанию, а позднее старались смягчить наказания.

2.2. МЕРОПРИЯТИЯ МЕСТНЫХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПЕРИОД КАМПАНИИ. КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА

Любая общегосударственная политическая кампания опирается на местные партийные органы. Именно они должны направлять ее ход в нуж-

«теплых семеек» в руководящих структурах. Конечно, некоторые партийные функционеры понимали, что под этой формулировкой скрывается антиеврейский подтекст. Однако прямых указаний районные и городские комитеты не получали. Местная администрация старалась направить кампанию в наиболее безопасное для себя русло. Боролась с отдельными недостатками в работе некоторых ведомств, например, медицинского или торгового. На собраниях и в прессе призывали быть бдительными и бороться с беспечностью и ротозейством, а также проявлять больше внимания к жалобам и письмам трудящихся. Была усилена требовательность к подбору кадров. Некоторые категории с ограниченным доступом на руководящие посты, но получившие их благодаря связям или личным достижениям, на присутствие которых раньше смотрели сквозь пальцы, теперь были освобождены от занимаемых должностей.

Свердловская область отличалась большим количеством увольнений по национальному признаку. Молотовские руководители партийных и хозяйственных структур придерживались более осторожной линии: ограничивали прием евреев в партию, критиковали «теплые семейки», выносили партийные взыскания, но увольнения пока оставлялись на крайний случай.

В большинстве случаев на местах не евреи были мишенью новой политической кампании. В обширный круг подозрительных входили *носители буржуазной морали, затаившиеся враги советской власти, оторвавшиеся от масс чиновники, потерявшие политическую бдительность растяпы*. За этими символами скрывались конкретные социальные типы: бывшие раскулаченные и военнопленные, родственники репрессированных по политическим мотивам, реэмигранты и т.д. Под рубрику «носитель буржуазной морали» мог подойти вообще любой человек. Чистка руководящих работников все-таки имела место, и некоторые начальники навсегда потеряли свои посты.

Отдельные руководители крупных предприятий и учреждений заняли выжидательную позицию и ничего не предпринимали даже в ответ на тре-

ложили на конец учебного года, а затем и вовсе отменили. Л.В. Кац в июле 1953 г. решением комитета партийного контроля ЦК КПСС был восстановлен в партии. Он остался и в должности главврача областной клинической больницы. Чтобы сохранить лицо, партийный чиновник Голубев так объяснял отмену прежнего постановления:

«После рассмотрения вопроса на бюро обкома КПСС тов. Кац улучшил руководство больницей и лечебным процессом. Хорошо и в срок отремонтировал больницу».²⁴²

Таким образом, парторганизации на Урале включились в политическую кампанию 1953 года с заметным опозданием. Местные чиновники старались предотвратить новую чистку и тянули с активными действиями. Конечно, передовицы центральных газет перепечатывались незамедлительно, митинги и беседы по их разъяснению начались с первого дня кампании. Однако в полной мере Молотовская область поддержала действия центральных властей в начале февраля, а Свердловская область была готова только к концу этого месяца. Во всяком случае, февральские пленумы обкомов крупнейших регионов Урала соответствовали кампании лишь отчасти: Свердловский обком посвятил пленум теме критики и жалоб трудящихся, а Молотовский – кадровой политике области. При этом на Свердловском пленуме практически не прослеживается ни медицинская, ни антиеврейская направленность кампании. Молотовский пленум более соответствует духу кампании, некоторые выступающие высказывались по поводу неудовлетворительного состояния медицинского обслуживания, секретари обкома и городских райкомов, а также представитель МГБ приводили примеры проблемных ситуаций, главными героями которых были евреи или их *покровители*. Но эти выступления были весьма осторожными, национальности не назывались, русские и еврейские фамилии упоминались вперемешку.

Кадровая политика партии в обеих областях, закрепленная пленумами, была направлена на увольнение «неблагонадежных лиц» и разоблачение

ное властям русло, в связи с этим в первую очередь происходит активизация партии.

Парторганизации дают указания, какие статьи следует печатать, на какую тему надо проводить беседы. «После получения газеты «Правда» от 13 января 1953 года во все парторганизации была дана телефонограмма о разъяснении этого материала среди населения. Был дан инструктаж парт-активу, уезжающему в колхозы...»¹⁶⁹ – сообщал секретарь Щучье-Озерского РК КПСС в докладной записке секретарю Молотовского обкома.

Публичные лекции о «деле врачей» и политической бдительности должны были охватить всю территорию Уральского региона. Для этого специально готовили группы агитаторов. В *Информации* одного только Пермско-Сергинского райкома сообщалось, что «с 15 января по 10 февраля 1953 года было проведено 12 кустовых семинаров с агитаторами, на которых ... работники райкома партии обращали внимание агитаторов на усиление политического воспитания трудящихся и на повышение политической бдительности в связи с раскрытием врачей-вредителей».¹⁷⁰ Семинарами было охвачено 365 агитаторов, а они, в свою очередь, занимались дальнейшей пропагандой.

Реально *революционной бдительности* посвятили не так много занятий. Например, Гремячинским горкомом за январь 1953 года было прочитано 13 лекций и охвачено 1 950 человек¹⁷¹ при численности населения 38 227,¹⁷² в других районах еще меньше – в среднем около 300 человек на 40 тысяч населения.¹⁷³ Проводились также лекции по поводу разрыва дипломатических отношений с Израилем, о семейственности и подхалимаже, о ротозействе, о международной реакции, о критике и самокритике, о медицинском обслуживании.¹⁷⁴

Для включения большего числа участников, тематика кампании «дело врачей» была наложена на предвыборную политическую кампанию. 22 февраля 1953 года должны были состояться выборы депутатов в местные Советы. Агитационно-массовую работу в городе Молотове проводили 1032 агитколлектива (18250 человек). Группами докладчиков райкома и горкома партии были организованы политические доклады, от 200 до 400

в месяц.¹⁷⁵ Среди бесед часто фигурировала тема бдительности и врачей-вредителей либо враждебного капиталистического окружения.

В начале 1953 года местные партийные организации, по-видимому, не получили четких инструкций о характере кампании. Во всяком случае, в архивах не удалось обнаружить соответствующих документов. В пользу данной версии свидетельствует то, насколько осторожно местные парторганизации поддержали политическую кампанию. Исправно перепечатав передовицы центральных газет и организовав митинги и разъяснительные беседы в связи с сообщением ТАСС о врачах-убийцах, до конца января местные власти на Урале не проявляли особой активности. И, если в Молотове все-таки развернули собственное «дело врачей», то в Свердловске задержка была столь велика, что готовить разгром медиков начали только в начале марта.

Антиеврейский характер кампании был подчеркнут прессой. Центральные газеты, а за ними областная и районная печать публикуют статьи о *международной еврейской буржуазно-националистической организации «Джойнт»*, о сионизме, о разрыве дипломатических отношений с еврейским государством Израиль. Однако этноним «евреи» не употреблялся. В официальных документах его заменяли иными обозначениями: «семейка», «компания», «космополиты». Уральские власти намеки центра поняли, они были к нему политически и психологически готовы. Этнические чистки проводились в течение последних 10 лет под прикрытием иных политических форм,¹⁷⁶ поэтому евреев увольняли с руководящей работы и исключали из партии осторожно и без шума.

Когда причиной наказания была национальность, на словах декларировалось совсем другое. В конце января 1953 года на заседании бюро Свердловского Юридического института разбирали персональное дело коммуниста Л.Я. Драпкина. Ему объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку «за скрытие своей национальности при поступлении в Свердловский Юридический институт и за неискреннее поведение на

Таким редким исключением был директор завода «Механолит» Ф.Л. Суслов. Конечно, здесь сложилась особая ситуация. Директор «Механолита» из соображений трудовой дисциплины уволил секретаря парторганизации, председателя заводского комитета и его заместителя, но, в то же время, защищал евреев, находящихся на руководящих постах. Фамилии главного инженера Розенберга, начальника технического отдела Ройхмана и начальника цеха Зеликмана фигурировали в газетном фельетоне годичной давности. Именно в покровительстве этим «неблагонадежным» работникам обвинили Ф.Л. Суслова. В 1952 г. директору завода простили этот грех.

Однако в 1953 г. в связи с разворачиванием политической кампании антиеврейского характера не реагировать становится невозможно. Начинается серьезное разбирательство. С «пострадавшими» от рук Суслова ведутся беседы, сам директор пишет объяснительные, составляются справки и характеристики. И 23 января 1953 г. бюро Молотовского обкома выносит постановление: «За злоупотребление правами единоначальника, нарушение государственной дисциплины, ротозейство, за отрыв от масс, игнорирование партийной организации и неправильное отношение к критике т. Суслова Ф.Л. с работы директора завода «Механолит» снять и объявить ему строгий выговор с занесением в учетную карточку».²⁴¹

На Урале не удалось обнаружить следов подготовки парторганизаций к депортации евреев. На пленумах Свердловского обкома антиеврейский подтекст отсутствует. Секретарь Молотовского обкома Ф.М. Прасс в докладе на пленуме чередовал еврейские и русские фамилии, но избегал определенности. В его речи не было прямых антисемитских выпадов. По-видимому, секретарь Молотовского обкома оставлял себе свободу маневра. Повернет кампания в иное русло – не накажут за перегибы, усилится антиеврейская тенденция – что ж, на пленуме предостерегали.

Политическая кампания «дело врачей» осталась незавершенной. До арестов дело не дошло. Некоторым доносам не дали хода. Увольнение евреев-профессоров из медицинского и фармацевтического институтов от-

заведующего кафедрой, упомянутых в статье «Уральского рабочего», и о том, что Готлобер не был за них наказан. Кроме того, Готлобера обвинили в пристрастии к *антимарксистским взглядам*: «Гов. Готлобер в своих произведениях особенно ревностно цитировал известную антимарксистскую книжку Вознесенского. Например, в своей статье «К проблеме расширенного воспроизводства кадров в СССР» он привел 20 цитат только из этой книжки Вознесенского. Больше того, в некоторых своих работах он дословно приводил целые абзацы из книжки Вознесенского без указания источника».²³⁷

Вновь имя заведующего кафедрой политэкономии возникло на заседании бюро УрГУ 17 марта 1953 г. при рассмотрении вопроса *о работе курсов преподавателей общественных наук*. На этот раз возымел действие сигнал о том, что В.М. Готлобер *посещал ресторан вместе с некоторыми курсантами политэкономии*. Решено было проверить факты и вызвать Готлобера по этому вопросу.²³⁸

Однако кампания закончилась, и делу Готлобера не успели дать ход. Заседание бюро Свердловского обкома «О работе кафедры политэкономии УрГУ» состоялось 19 мая 1953 г., но на нем Готлобера критиковали довольно мягко и не наказали, а лишь потребовали устранить недостатки.²³⁹ На заседании бюро УрГУ 23 июня заведующего кафедрой политэкономии и вовсе оправдали. В заключительном слове секретарь М.А. Паниюкова согласилась с мнением т. Иовчука, что «нужно было остановиться на анализе недостатков в работе кафедры, а не говорить об отдельных недостатках у работников».²⁴⁰ В личном деле Готлобера не сохранилось никаких следов критики 1953 года.

Следующая категория начальников, подвергшаяся разного рода гонениям в 1953 году, – это те, кто *проявлял ротозейство и покровительствовал недостойным и политически неблагонадежным лицам*. Чаще всего таких руководителей критиковали, иногда выносили партийные взыскания, но очень редко снимали с должности.

партийном бюро».¹⁷⁷ Секретарь парторганизации с осуждением говорил: «При поступлении тов. Драпкина свою национальность скрыл, видимо считая, что прием евреев ограничен, хотя на протяжении четырех лет мог убедиться, что этого нет. Нужно быть патриотом своей национальности...».¹⁷⁸

Во время кампании партия должна была, во-первых, активизировать массы, во-вторых, обнаружить врагов. Как уже было указано ранее, главной формой активности масс являлись *жалобы* в различные инстанции и *критические замечания* на собраниях. Именно этой теме был посвящен пленум Свердловского обкома КПСС, состоявшийся 9 – 10 февраля 1953 года. Секретарь горкома Муравьев прочитал длинный доклад *о выполнении Свердловским горкомом КПСС предложений, высказанных в критических выступлениях на отчетно-выборных партсобраниях, конференциях и собраниях актива*. Факты, приведенные в нем, указывали на недостаточно внимательное отношение к жалобам и критическим замечаниям граждан, и призывали исправить это положение, а также бороться с зажимщиками критики. Выступавшие на пленуме вслед за секретарем горкома отмечали, что «горком партии медленно реагирует на факты грубого зажима критики в городской парторганизации, ... работает без напряжения».¹⁷⁹ По-видимому, свердловский секретарь обкома А.М. Кутырев решил действовать осторожно, во всяком случае, ни он, ни другие участники пленума о «деле врачей» не упоминали, евреев среди провинившихся начальников на общем фоне не выделяли.

Пленумы были главным способом активизации партии, поэтому, до конца февраля все райкомы и горкомы Свердловской области посвятили теме критических замечаний и жалоб свои пленумы, либо обсудили этот вопрос на одном из заседаний партбюро. Следует отметить, что еще в январе эту тему обсудили на пленумах в 25% горкомов и райкомов Свердловской области. Повсюду составлялись справки «о выполнении критических замечаний и предложений коммунистов, высказанных на партийных, рабочих и профсоюзных собраниях», «о состоянии разбора жалоб и заявлений трудящихся» и т.д.

Факты, соответствующие характеру кампании, после пленума обкома имели продолжение. На III пленуме Свердловского обкома 9 – 10 февраля один из выступавших упомянул в качестве *зажимщика критики* и создателя *семейки* директора научно-исследовательского института «Уралмеханобр» И.Я. Брук.¹⁸⁰ На пленуме Ленинского райкома г. Свердловска 25 февраля эту информацию повторил секретарь райкома И.Н. Пермяков,¹⁸¹ а 31 марта 1953 г. состоялось заседание Свердловского обкома, на котором «За неудовлетворительное руководство институтом, допущение серьезных недостатков и ошибок в научной работе и нарушение партийного принципа подбора, расстановки и воспитания кадров» директору института И.Я. Брук объявили выговор и просили Министерство металлургической промышленности отстранить его от занимаемой должности.¹⁸²

Обычно отношение начальников к жалобам и жалобщикам было негативным. *Письма граждан* поступали к заинтересованным лицам, которые предпочитали игнорировать их, даже не записывая в положенный для этого журнал регистрации. В одной из жалоб мы читаем: «Иногда жалобы и письма передаются тому лицу, на кого жалуются...»¹⁸³ Показательной является таблица результатов расследования по письмам Молотовского обкома КПСС:

Таблица 2.2.1.

**Результаты расследования по письмам
Молотовского обкома КПСС на 1.06.1953**¹⁸⁴

Всего	Сделано внушений	Дано выговоров	Снято с работы	Отдано под суд	Приняты меры, даны разъяснения	Факты не под- тверди- лись
837	24	37	48	1	726	1

Сведения таблицы относятся к периоду, наступившему после кампании «дело врачей», когда большого количества наказаний уже не требовалось. Жизнь вернулась в устоявшееся русло, и начальники снова могли защищаться от жалоб. Однако совсем игнорировать жалобы не полагалось,

выхода в печать сообщения ТАСС о врачах-убийцах. Была организована 11 января 1953 г. статья в областной Свердловской газете «Уральский рабочий» под названием «Против извращений Марксистско-Ленинской теории». Парторганизация отреагировала весьма оперативно, 13 января бюро университета обсудило состояние научно-исследовательской работы на кафедре политэкономии, и В.М. Готлобер вынужден был написать в газету письмо с признанием своих ошибок. Однако сам заведующий кафедрой не был ни наказан, ни снят с должности. Поэтому 14 января в комсомольской газете «На смену!» перепечатали публикацию из «Уральского рабочего» и дополнили ее критикой статьи Готлобера «Характеристика экономических законов при социализме», напечатанной данной газетой 28 ноября 1952 года, но на это университет не отреагировал.

Кто-то явно мешал уволить Готлобера. Позже работники отдела науки Свердловского обкома рассказывали Л.Н. Когану, что этим защитником был М.Т. Иовчук, заведующий кафедрой философии Уральского университета, в прошлом работавший секретарем ЦК КП Белоруссии по пропаганде. Коган Л.Н. писал: «В 1952 году... «директивные органы» категорически требовали от ректората университета изгнать меня и доцента В.М. Готлобера – последних двух евреев, оставшихся на кафедрах общественных наук. Опальный, ссыльный Иовчук имел мужество заявить, что в этом случае он немедленно слагает с себя руководство кафедрой».²³⁵

Кампания «дело врачей», хотя и со значительным опозданием, начала разворачиваться в Свердловске. В обкоме КПСС была организована подготовка к вопросу о работе кафедры политэкономии Уральского госуниверситета. Заместитель заведующего отделом науки и высших учебных заведений Свердловского обкома КПСС П. Кузовлев составил «Справку о работе кафедры политэкономии УрГУ». Речь в ней шла, в основном, о недостатках в научной и организационной работе самого В.М. Готлобера: «Почти полное отсутствие контроля с его стороны за работой преподавателей и слабая помощь молодым преподавателям..., наличие на кафедре атмосферы благодушия, самоуспокоенности и некоторого зазнайства отдельных преподавателей».²³⁶ Тут же автор справки вспомнил об ошибках

Аналогичная ситуация сложилась и в Молотовском сельхозинституте. Его директор Масалкин не хотел увольнять «*нечестных людей и проходимцев*». В архиве сохранились недатированные «Заметки к выступлению» инструктора обкома Стариковой: «Тов. Масалкину было сказано, чтобы он освободил институт от этих нечестных людей. Сразу этого было сделать нельзя (не было замены), и мы согласились с тем, чтобы они пока работали в институте, но при условии замены их в ближайшее время. Это обязывало т. Масалкина вести себя с ними так, чтобы можно было использовать любой случай для того, чтобы освободить этих людей. Тов. Масалкин такой линии не вел. ... Тов. Масалкин хвалит Рабиновича на каждом шагу как лучшего лектора по вопросам организации сельхозпредприятий и линии на подготовку его освобождения из института не видно».²³³ На евреев, работавших в сельхозинституте, были нападки и до 1953 года. В архиве был обнаружен донос, датированный 23 декабря 1952 г.: «В 1951 г. с 1 сентября Масалкин был переведен из обкома КПСС в сельхозинститут на должность директора. Все вздохнули свободно, казалось, сейчас уберут из института группу шкурников, и институт приступит к своим прямым обязанностям «воспитанию и образованию молодых специалистов сельского хозяйства. Но группа осталась существовать и при Масалкине, мало того, он сам примкнул к ней, к удивлению всех работников института. Возглавляют группу *Рабинович М.П. – умный и хитрый еврей* (выделено автором), и Юдкин – декан и зав. кафедрой овощеводства. Члены – Решин(?), Шапиро, Сахавчук, Масалкин».²³⁴ Доцент М.П. Рабинович был заместителем директора сельхозинститута, он руководил работой Масалкина над кандидатской диссертацией, так что не удивительно, что тот пытался защитить его от нападков даже тогда, когда началось «дело врачей».

В Уральском государственном университете также имела место удачная попытка защитить талантливого работника от незаслуженного увольнения за национальность. Кампания против заведующего кафедрой политэкономики доцента В.М. Готлобера началась за несколько дней до

поэтому почти нет неподтвержденных фактов и так много «дано разъяснений».

Корпоративные интересы заставляли чиновников научиться защищать своих товарищей. В разгар «Ленинградского дела» журналист Молотовской газеты «Звезда» опубликовал фельетон «Дугадко процветает», в котором критиковал влиятельного начальника ОРСа Березниковского азотно-тукового завода. Последняя фраза фельетона: «... (Он) слишком не в ладах не только с основами коммунистической нравственности, но и с основами советской законности»,¹⁸⁵ – должна была стать сигналом для возбуждения уголовного дела *по факту публикации*. Однако у М.З. Дугадко нашлись заступники. Тогда журналист написал в ЦК КПСС, а копию направляет в молотовский обком. Была создана комиссия, а «Звезда» опубликовала редакционный материал «Медлительный прокурор и бойкий Дугадко». В новом фельетоне критиковали иные фигуры: *медлительных работников областной и городской прокуратуры, покровителей* (называлась фамилия директора завода А.Т. Семченко и заместителя начальника главка министерства Турчинова) *и руководство Березниковского горкома партии*. Там писали:

«Рабочие и служащие Березников, которым достаточно намозолил глаза «процветающий Дугадко», справедливо возмущены тем, что он до сих пор не сидит на скамье подсудимых. Не пора ли высказаться по этому поводу и Березниковскому горкому ВКП(б), которому давно следовало бы разобраться не только в делах самого Дугадко, но и в делах тех, кто ему покровительствует».¹⁸⁶

Под таким давлением прокуратура выписала ордер на арест М.З. Дугадко, был суд, его приговорили к 10 годам лишения свободы за хищения. Комиссия обкома закончила свою работу составлением соответствующей *справки*, в которой признавались *недостатки в работе прокуратуры, в кадровой политике горкома и в руководстве азотно-туковым заводом*.

В то же время комиссия заинтересовалась *общественным лицом* заявителя и обнаружила:

- Собкор «Звезды» однобоко, только в черном цвете видит жизнь Безрезников и освещает ее в печати.
- Собкор «Звезды» с недоверием относится к любому ответственно-му работнику, который не бывал на фронте.
- Собкор «Звезды» поставил себя так, что с ним уже боятся говорить ответственные работники.
- Собкор «Звезды» охотно ловит каждый слушок и берет его на веру.¹⁸⁷

Вывод из этой *справки* следовал однозначный: политического доверия журналист Данилкин не заслуживает. Такой способ защиты партийных органов от излишне ретивых борцов за социальную справедливость вполне понятен. Собкор «Звезды» привлек внимание Москвы к местным безобразиям, а это давало повод примерно наказать схваченных за руку провинциалов для того, чтобы всем прочим неповадно было. Повод ничтожный, но «Ленинградское дело» начиналось с меньшей погрешности: протокольных нарушений.

Секретарь Молотовского обкома Хмелевский понимал, что дискредитировать заявителя уже поздно, а принимать к нему меры несвоевременно – и потому нельзя. ЦК мог квалифицировать их как *расправу за критику*, а это серьезное политическое обвинение. Согласиться с заявителем означало принять на себя ответственность за *провалы в кадровой политике*, что могло повлечь за собой не менее серьезное политическое обвинение. Переложить ответственность на нижестоящих (заводское и городское начальство) – операция деликатная и тонкая: если грехи большие, то и спрос общий, если грехи малые, значит и наказание должно быть соответствующим. В таком случае есть повод указать на *гнилой либерализм*. Ужесточить наказание – потерять умелого директора и опытного партийного работника. Тем не менее, отвечать ЦК нужно. В результате бюро обкома сумело справиться с задачей. Из постановления следует, что журналист Данилкин

«семейку» расхитителей; трест «Губахтяжстрой», где «в техотделе работает жена заместителя главного инженера треста тов. Пеккер, в отделе кадров жена начальника спецотдела тов. Цисарь...» и пр.²³¹

Не всегда получалось уволить сразу. Профессора Молотовского фармацевтического института С.М. Арановского предложили отстранить от работы. Директор института согласился его уволить только в конце учебного года. В фонде обкома сохранилась копия письма, направленного директору фарминститута, по этому поводу. В нем сообщается о фактах нарушений, допущенных профессором на предыдущей работе, а также подозрение в сокрытии от руководства родственников – эмигрантов:

«В министерство здравоохранения РСФСР поступило сообщение директора Казанского медицинского института, в котором приведены данные недобросовестного отношения проф. Арановского к обязанностям заведующего кафедрой и нарушения им установленных правил в период работы в Казанском медицинском институте, ... плохая подготовка кадров, отсутствие критики и самокритики на кафедре... Также проверить, сообщает ли проф. Арановский в личном деле ... о том, что его два брата эмигрировали в США в 1902 и 1914 гг.».²³²

По-видимому, на Арановского был донос, иначе трудно объяснить, почему начали проверять его биографию. На документе есть резолюция заведующего отделом науки и культуры обкома КПСС Г. Мадонова, которая датирована 4 апреля: «С директором фарминститута Калугиным мы договорились, что по окончании учебного года Арановский из института будет освобожден». Почти месяц прошел с тех пор, как министерством здравоохранения было предложено *«подумать о дальнейшей работе профессора Арановского в институте»*. Скорее всего, Калугин пытался защитить своего преподавателя. Но от него добились согласия на отложенное увольнение. Возможно, глава фарминститута надеялся, что к концу года что-то изменится, и увольнять не придется. Так и случилось.

всей сталинской эпохи существовал заслон на продвижение по номенклатурной лестнице определенных категорий населения. Нельзя было занимать руководящие должности, если человек проявил *неискренность перед партией*, выразившуюся в сокрытии компрометирующих фактов из биографии; если принимал участие в оппозициях, имел *связь с врагами народа* или имел судимость, особенно по 58 статье. В таком же положении находились спецпереселенцы и лица, имеющие родственников за границей.

После войны к этому списку добавился еще пункт: *находился на оккупированной территории или в плену врага*. Даже иметь родственника с таким пятном на биографии начальнику было нельзя, особенно во время политической кампании. Свердловский обком 3 марта 1953 г. снял с должности парторга треста Бокситстрой С.Ф. Миронова, потому что его сестры проживали на оккупированной территории, а жена во время войны находилась в плену у немцев.²²⁹

Кроме того, затрудняли доступ к руководящим постам национальность, возрастные характеристики, неудачные результаты работы на предыдущей должности, наличие проблем в личной жизни и т.д.²³⁰ Эти же люди вошли в категорию политически неблагонадежных.

Нередко заслоны нарушались, особенно когда речь шла о небольших начальственных постах, но нарушались неофициально. До 1953 г. партийные инстанции просто старались не замечать подобных фактов. «Дело врачей» изменило ситуацию. Пленум обкома подчеркнул необходимость «*быть бдительными*» и «*выявлять политически неблагонадежных лиц*».

В первую очередь постарались уволить с руководящих должностей евреев, хотя, как уже отмечалось ранее, это не признавалось официально. Секретарь обкома Ф.М. Прасс говорит в докладе о фактах семейственности и подбора кадров по приятельским и земляческим соображениям. Этот тезис напрямую заменяет этноним «евреи». По поводу землячества и семейственности приведено несколько весьма красноречивых примеров: «Завод имени Сталина и бывший начальник цеха некий Волчек, также создавший

правильно вскрыл хищения социалистической собственности в одном из ОРСов. Местное руководство проявило отсутствие бдительности, на что им и было указано. Руководителю предприятия как наиболее виноватому был объявлен выговор.¹⁸⁸ Дело представлено как совершенно заурядное, а М. Данилкин наказан переводом на другую работу. Однако во время политических кампания не всегда удавалось проигнорировать жалобу или придать ей иное значение.

Тема жалоб и неправильного отношения к критике занимала важное место также на пленумах и заседаниях бюро городских, районных и первичных партийных организаций Молотовской области. В первой трети 1953 года в партийных инстанциях разворачивается кампания по налаживанию работы с жалобами и заявлениями трудящихся. Примерно 46% райкомов Молотовской области на пленумах обсуждали вопрос *о реагировании на критические выступления и сигналы печати, жалобы и предложения трудящихся* либо заслушивали *информацию о мерах, принятых по критическим замечаниям коммунистов*.

Партийные власти требовали вести строгий учет всех жалоб и предложений, а также верно на них реагировать. Правильное отношение к письмам в различные организации точно сформулировано на пленуме Ильинского райкома:

«Письмо, поступившее в газету или учреждение, уже не является частным письмом. Это документ, который должен находиться под контролем ответственных руководителей, которые должны изучать характер писем, делать из них соответствующие выводы, принимать меры».¹⁸⁹

Каждая местная парторганизация отчитывалась о работе по проверке жалоб и заявлений трудящихся в виде справки или информации.¹⁹⁰ На основе этих документов партийное бюро прорабатывало выборочно основные учреждения области. Например, Коми-Пермяцкий окружком партии на заседании 29 января 1953 года рассматривал вопрос «О состоянии рассмотрения жалоб и заявлений трудящихся в Косинском райкоме партии»¹⁹¹, 16 февраля – «О фактах бюрократизма и волокиты с разбором жалоб и заявлений трудящихся в тресте Комипермлес»¹⁹², а 26 февраля – «О

результатах проверки жалоб по Самковскому ЛПХ и ОРСу».¹⁹³ Некоторые партбюро на одном заседании рассматривали этот вопрос в отношении сразу всех предприятий и организаций данного района: в Калининском райкоме Молотовской области – «О работе с письмами и жалобами трудящихся в организациях и учреждениях райцентра»¹⁹⁴, в Добрянском райкоме – «Результаты проверки работы с жалобами и заявлениями трудящихся на предприятиях и в организациях района».¹⁹⁵

В результате обсуждения проблемы жалоб и зажима критики находили *провинившегося* начальника и выносили ему какое-либо наказание. Если ограничивались обвинением в *формально-бюрократическом отношении к письмам*, то обычно делали *указание* или *предупреждение*. Когда *непартийный подход к проверке сигналов снизу* расценивался как *зажим критики и потворство нарушителям партийной и государственной дисциплины*, это приводило к более строгому наказанию, в лучшем случае записывали выговор без занесения в учетную карточку.¹⁹⁶

Некоторые инстанции продолжали относиться к жалобам по-прежнему, без особого рвения. В обком потоком идут докладные, где начальники разного ранга отчаянно пытаются оправдать свое несвоевременное реагирование на сигналы. Например, прокуратура отправила подобный документ 15 января 1953 г. В нем и.о. прокурора Молотовской области И.И. Буканов писал:

«Редакция газеты на проверку корреспонденций... устанавливает срок 10 дней. Этот срок является совершенно нереальным, уже не говоря о том, что сами корреспонденции поступают в прокуратуру после 2-х дней со времени подписания направления, ... что проверка должна проводиться в районах области, ... а по почте они поступают исполнителям через 4-6 дней, само содержание корреспонденций... часто требует производства ревизий, бухгалтерской или графической экспертизы... «Правда» обычно такие корреспонденции просит проверить в срок 1 месяц».¹⁹⁷

рекомендацией Совета, изложенной в письме от 5 февраля 1953 года № 1-21с)».²²⁵ Таким образом, Мурзлов вынудил молодого раввина уехать, ссылаясь на конкретное письмо из Совета по делам религиозных культов.

Кроме того, уполномоченный запретил евреям собирать пожертвования на строительство новой синагоги. В отчете он объяснил, что это противоречит пункту «б» параграфа 6 раздела IV Инструкции для уполномоченных о недопустимости оживления религиозной деятельности населения.²²⁶ Все попытки евреев найти помещение под синагогу также встретили возражения властей. Когда верующие предложили использовать жилой дом по улице 1-й Гражданской №7, им отказали, сославшись на заключение Госпожарнадзора УПО МВД от 10.02.1953 и справку Госсанинспекции от 11.02.1953. Официальные причины были такие: во-первых, вокруг дома на расстоянии 2-7 м. «расположены легкогораемые строения, т.е. дровяники», а «отопительная кирпичная печь не имеет надежного фундамента», следовательно, дом «не соответствует противопожарным нормам помещений общественного значения»,²²⁷ во-вторых, требует дорогостоящего капитального ремонта, а «по проекту планировки и застройки г. Молотов... реконструкция... вызовет снос дома №7 в том числе».²²⁸

Евреи жаловались во все инстанции, но ни раввина, ни синагоги так и не получили. Хотя после окончания «дела врачей» председатель Совета по делам религиозных культов потребовал из Молотова отчет и заявил в новом письме: «Совет считает необходимым разъяснить Вам, что чинить искусственные (подчеркнуто в документе – А.К.) препятствия к деятельности ... общества не следует». Столь явное акцентирование, скорее всего, должно было сообщить о смене политического курса, но реальная ситуация в Молотове осталась прежней.

В целом кампания была направлена не только против евреев. Круг подозрительных был весьма широк. Многие могли попасть в категорию неблагонадежных и провинившихся работников. Местным партийным органам необходимо было решить, кого считать таковыми. На протяжении

(Григорьевич вместо Гершкович – А.К.)..., скрыв также точное имя отца и братьев».²²²

В послевоенные годы вступление в партию было облегчено. Многие кандидаты не очень хорошо знали Устав КПСС и труды основоположников и вождей, поэтому, порой, достаточно было задать несколько вопросов по содержанию выступлений на съезде партии или по произведению Сталина, чтобы отказать в приеме в КПСС. Так случилось 20 февраля 1953 г. на заседании Березниковского горкома, где рассматривали вопрос о кандидате с 1951 года П.П. Сандлер. Его попросили рассказать об условиях перехода от социализма к коммунизму по Сталинской работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Он не сумел достойно ответить, и его не перевели в члены партии, «как неподготовленного для вступления».²²³ На этом же заседании приняли в партию еще трех человек другой национальности без проволочек и лишних вопросов.

Причину для исключения из партии можно было найти внимательно изучив биографию человека. Л.М. Гипштейн исключили из партии за то, что она не написала в автобиографии о принадлежности отца к кадетской партии и о родственниках в Польше и Палестине.²²⁴

Показательной для начала 1950-х гг. была история с синагогой. Еврейская религиозная община в г. Молотове состояла из 500 верующих. В мае 1952 г. в общине умер раввин. Нового искали по всему Советскому Союзу и в конце концов в ноябре пригласили молодого раввина из Одесской области. 12 декабря он получил справку о регистрации служителя культа. Однако с 1 января 1953 года владелица помещения, сдаваемого под синагогу, отказала общине в аренде и по этой причине новый раввин был снят с регистрации. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Молотовском облисполкоме т. Мурзлов указал в отчете за первый квартал 1953 года, что «приглашенный общиной раввин Баренбайм... в тактичной форме предупрежден, что в случае подыскания общиной помещения, он все же не будет зарегистрирован раввином (руководствовался

Еще одной формой активности масс была критика и самокритика на различных собраниях. Партия должна была организовать условия для ее поощрения.

Вопрос критики в начале 1953 года обсуждался на всех пленумах в контексте любого вопроса. 39 % горкомов и райкомов Молотовской области на повестку дня выносили вопрос «О состоянии развития критики и самокритики в районной парторганизации», «О выполнении критических замечаний» или «О реагировании на критические замечания, предложения трудящихся и сигналы печати», либо секретарь райкома отчитывался «о принятых мерах по критическим замечаниям».

Важное место занимала кампания по активизации местной прессы. От редакторов районных, городских и многотиражных газет партийная организация требовала энергично проводить критику снизу, внимательно относиться к письмам трудящихся, поощрять деятельность селькоров и рабкоров, работать с населением. В 17 % районных парторганизаций Молотовской области рассмотрели в январе – марте 1953 г. на заседаниях вопрос *о работе редакции районной газеты с письмами трудящихся*. В Александровском ГК КПСС эту проблему разобрали на VII пленуме горкома 26 февраля 1953 года. Но наказаний не следовало, бюро ограничивалось указанием на неудовлетворительную работу и требованием ее улучшить.

Большое значение во время политической кампании приобрел кадровый вопрос. Именно его решали на III пленуме Молотовского обкома КПСС 10 – 11 февраля 1953 года. Формулировка вполне традиционная: «О подборе, расстановке и воспитании кадров в областной партийной организации».

Пленуму предшествовала тщательная подготовка материалов. Райкомы и горкомы партии посылали в обком справки о своей работе. Помимо этого, отделы обкома готовили специальные справки на заданную тему. Эти документы помогают составить более точное представление о характере пленума.

Большой интерес представляет справка о заводах машиностроительной отрасли, составленная непосредственно перед пленумом – 3 февраля. Она имеет характерную для политической кампании 1953 года направленность. В ней речь идет о четырех заводах, директоров которых обвиняют в «беспечности при назначении работников, сохранении на ответственных постах людей, не внушающих политического доверия с сомнительными деловыми качествами и в создании семейственности». Большая часть справки посвящена заводу имени Сталина и его директору. Тов. Солдатов – утверждается в справке – *проявил политическую неразборчивость и покровительствует политически неблагонадежным лицам* с еврейскими фамилиями. В справке фигурируют 10 таких фамилий и только 2 русские, но и их приписали к «семейке». По мнению заведующего отделом машиностроения обкома КПСС Е. Галкина, *в значительной мере* именно эти люди повинны в том, что «завод им. Сталина в 1952 году не справился с выполнением правительственного задания, имеет низкие технико-экономические показатели, ... вместо прибыли завод дал сверхплановых убытков свыше 66 млн. руб.». ¹⁹⁸

На пленуме первый секретарь молотовского обкома Ф.М. Прасс назвал фамилии неблагонадежных лиц с завода им. Сталина, но фамилию директора не назвал. Солдатов занимал слишком весомые позиции в индустриальной элите, чтобы его можно было *сдать* в самом начале кампании.

Смысл кампании не всегда был понятен в низовых партийных структурах. Подготовительные материалы к пленуму обкома, составленные в райкомах и горкомах, отличались расплывчатостью. Но были исключения. Коспашский ГК КПСС направил в обком справку, где сообщается, что из 447 номенклатурных руководящих работников треста «Коспашуголь» 64 человека не внушают политического доверия, а управляющий трестом тов. Типикин расхищает государственное имущество и покровительствует евреям (этноним, естественно, не употребляется, но названные фамилии

Идеологическую кампанию сопровождали аналогичные нацистским учетно-регистрационные акции, направленные на диссимиляцию еврейского населения. В Германии по закону от 5 января 1938 года всем евреям вменялось в обязанность принять традиционные имена из реестра, утвержденного Министерством внутренних дел, либо добавить к христианскому имени второе, «Израэль» для мужчин и «Сарра» для женщин. ²¹⁸ А в СССР в паспортах восстанавливали этнические имена, например, русское «Петр» меняли на «Пинхус». ²¹⁹

Если еврея-коммуниста уличали в том, что он поменял имя или отчество, либо записал в анкету другую национальностью, то его обвиняли в неискренности перед партией и могли объявить выговор или исключить из ее рядов. М.Е. Румберг, которая работала в 1953 г. в Свердловском мединституте, «за проявление халатности к партийному документу и потерю бдительности» объявили выговор с занесением в учетную карточку. На самом деле она при обмене паспортов в 1948 г. заменила имя «Мерра» на «Мери», а в партбилете осталось прежнее имя. ²²⁰

Заместителя председателя Александровского горисполкома А.Я. Наринского освободили от должности как не справившегося с обязанностями 12 марта 1953 г, но за две недели до этого, 27 февраля, он получил партийное взыскание за то, что, вступая в партию в 1945 г., «*скрыл свою национальность*». Он назвался украинцем будучи на самом деле евреем. Парторганизация горисполкома ему просто «*поставила на вид*», а бюро горкома объявило выговор, а позднее освободило от должности. ²²¹

Селективность приема в ряды партии во время кампании повысилась. Евреи неофициально были причислены к группе политически неблагонадежных. Бюро Нытвенского райкома 23 января 1953 года исключило школьного преподавателя физкультуры И.Г. Шангайт из кандидатов в КПСС, т.к. он «показал себя неустойчивым и нечестным коммунистом... при вступлении в кандидаты в члены партии присвоил себе новое отчество

работе с научными кадрами за 1952 – 1953 год сообщается, что по деловым и политическим качествам были не аттестованы и уволены восемь преподавателей, шесть из них имеют нерусские фамилии.²¹² Весьма красноречив список замен руководителей кафедр:

- «1) Завед. кафедрой детских инфекций доц. Зетель-Коган Р.И. заменена доцентом Дубовой В.С.
- 2) Завед. кафедрой детских болезней проф. Кливанская-Кроль Е.С. заменена доцентом Бончковской Т.Н.
- 3) Завед. кафедрой факультетской хирургией проф. Ратнер Л.М. заменен проф. Зайцевым М.Г.
- 4) Завед. кафедрой пропедевтики детских болезней доцент Вигдергауз Р.Н. заменен доцентом Вогулкиной Т.Е... и другие».²¹³

Многие врачи-евреи в Свердловске потеряли в 1953 году работу. М.Н. Авирон была в 1953 году уволена с поста главного врача Центральной поликлиники г. Свердловска. Д.Е. Шейнберг 10 марта 1953 г. освобождена от должности главного педиатра Свердловской области и от заведования кафедрой госпитальной педиатрии как *несоответствующая занимаемой должности*.²¹⁴ Р.А. Нагорная уволена из Свердловского мединститута, как *не соответствующая требованиям высшей школы*.²¹⁵ И.Е. Иливицкий был уволен с кафедры микробиологии в связи с семейственностью, т.к. на кафедре работала его свояченица в должности аспиранта.²¹⁶

Одной из районных парторганизаций города Свердловска 16 февраля 1953 года составлена «Справка о состоянии идейно-воспитательной работы среди учащихся и преподавателей в фельдшерско-акушерской и зубоврачебной школах», в которой директора критикуют за *поверхностный подход* к приему на работу. Затем следует список работников с фамилиями: Черницкая, Мендельсон, Лихтман. Несколько курьезными кажутся статистические данные о партийной и национальной принадлежности работников. В справке через запятую перечислено: «В зубоврачебной школе... совместителей 23 человека: членов КПСС – 5, русских – 15, евреев – 7».²¹⁷

вполне красноречивы). Ф.М. Прасс в докладе использовал материалы справки.

Доклад Ф.М. Прасса содержит немало конкретной критики, с именами и должностями: из 79 фамилий, прозвучавших в негативном контексте, 44% принадлежат евреям, их покровителям, или упоминаются в связи с их делами. Однако следует заметить, что все названные на пленуме лица уже были *строго наказаны*.

В докладе намечены пути, по которым должна направляться политическая кампания на местах. Отмечены недостатки в подборе, расстановке и воспитании кадров, с которыми следует бороться:

1. *Отсутствие глубокого, вдумчивого подхода к изучению и подбору кадров;*
2. *подбор кадров по приятельским и земляческим соображениям, а также семейственности;*
3. *покровительство не внушающим политического доверия лицам;*
4. *перевод провинившихся работников на аналогичные должности;*
5. *зажим критики, гонения за критику и покровительство зажимщикам;*
6. *наличие руководителей, которые упиваются успехами прошлого, проявляют настроения самодовольства; беспечность и ротозейство;*
7. *потеря бдительности и благодушие, в результате чего допускаются разных масштабов растраты и нарушения Устава сельхозартели.*¹⁹⁹

Все свои тезисы секретарь обкома подтверждал примерами, которые представляли собой скорее пояснение, чем обычную иллюстрацию. Доклад несет на себе печать «дела врачей». И дело не только в том, что автор призывает быть бдительными и бороться с ротозейством. Сам текст выверен

в соответствии с кампанией. Уже первый персонифицированный пример Прасса касается именно медиков. Подтверждая факт отсутствия глубокого, взвешивающего подхода к изучению и подбору кадров, он говорил о заведующем облздравотделом:

«Милосердов оказался недостаточно политически зрелым и партийно-воспитанным работником для того, чтобы обеспечить руководство на этом участке.... Обком партии вынужден был исправить допущенную ошибку и освободить тов. Милосердова от работы».²⁰⁰

Казалось бы, здесь нет ничего национального. Но члены бюро решили вопрос зав. облздравотделом лишь несколько дней назад – 5 февраля. Всем было известно, что его сняли с должности за «беспринципное отношение к недостаткам в работе областной клинической больницы», вместе с Л.В. Кацем, главным врачом этой больницы.²⁰¹

Акцентирование внимания на теме критики и самокритики усиливается после XIX Съезда КПСС, но в кампании 1953-го года применение оборота «развитие самокритики и критики снизу» становится обязательным на каждом собрании, начиная с пленума бюро обкома, кончая заседаниями первичной парторганизации. Увеличивается количество жалоб и писем в прессу и различные инстанции на гонения за критику. На каждом предприятии ведется поиск зажимщиков критики. Многих руководителей – членов партии – обсуждают на партсобраниях, вынося им взыскания разной степени тяжести. Практически любая провинность начальников дополняется обвинением в «*зажиме критики*» или «*не создании здоровой обстановки критики и самокритики в коллективе*».

На III пленуме Молотовского обкома по вопросу подбора, расстановки и воспитания кадров очень много говорилось о критике, поскольку ее считали «лучшим средством коммунистического воспитания кадров», поэтому каждый выступающий считал своим долгом *развернуть критику*, а также отчитаться, как этот процесс проходит на подотчетном ему участке работы. Причем перечислялись именно примеры *неудовлетворительного*

политически неблагонадежные. На собрании партактива г. Губахи главный врач больницы №2 Нагибин жаловался, что «в городе более 20% медицинских работников не внушают политического доверия, ... только потому работают, что у нас недостаток в медработниках».²⁰⁸

В основе медицинской тематики партсобраний разного уровня находились жалобы. Солидарность с властью во время кампании проявлялась в том, что люди предпочитали жаловаться в самые авторитетные инстанции. Согласно медицинскому отчету Свердловской областной клинической больницы №1 за 1953 год, особенностью этого года было увеличение более чем втрое, по сравнению с 1952 годом, числа жалоб, поступивших через вышестоящие советские и партийные инстанции: «В 1952 г. жалоб в Минздрав СССР и РСФСР – 25, 1953 – 88».²⁰⁹

У советских людей, как уже было отмечено, имелись причины жаловаться на медицинское обслуживание, и национальная принадлежность, обычно, не играла роли. Лишь некоторые члены партии для своих выступлений отбирали примеры в соответствии с характером кампании. Прокурор города Коспаш Молотовской области тов. Завьялов на собрании партактива в выступлении о неудовлетворительной работе врачей привел единственный пример:

«На днях нарсуд рассмотрел дело врача Моргинштерн за халатное отношение к больной, из-за чего больная погибла, ... врача за халатность осудили».²¹⁰

В научных кругах Молотовской области чувствуется стремление избежать крайних мер, не допустить до увольнений, а тем более арестов. Хотя некоторые случаи жесткого наказания имели место. Так, например, декана лечебного факультета профессора Эдельштейна А.О. освободили от занимаемой должности, *как небеспечившего руководства*.²¹¹

Следует отметить некоторую специфику Свердловской области. Здесь сопротивление руководства увольнениям по национальному признаку обнаружить не удалось. Наоборот, находили множество поводов, чтобы избавиться от евреев. В отчете Свердловского медицинского института о

Молотовский мединститут поддержал политическую кампанию с еще большим опозданием. Заседание бюро Обкома КПСС по поводу областной клинической больницы состоялось 5 февраля 1953 г., и только 25 марта первичная партийная организация собралась для разбора персональных дел заведующего клиникой акушерства и гинекологии доцента Н.П. Лебедева, профессора заведующего клиникой госпитальной хирургии С.Ю. Минкина и доцента кафедры акушерства и гинекологии Н.К. Накорякова, чьи имена упоминались в Справке «О крупных недостатках в работе областной клинической больницы». Их заставили признать допущенные ошибки и вынесли строгие партийные взыскания:

«За безответственное отношение к организации работы в операционной акушерско-гинекологического отделения, повлекшее за собой врачебные ошибки со смертельным исходом, за самоустранение от активного вмешательства по спасению тяжело больных, недооценки роли критики и самокритики... тов. Лебедеву Н.П.... объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку».²⁰⁶

Профессору С.Ю. Минкину предъявили аналогичное обвинение и записали выговор с занесением в учетную карточку.

Доцент Накоряков находился в подчинении у Лебедева. «За недостаточно проявленную личную активность в удалении салфетки из брюшной полости у больной Рогозиной...»²⁰⁷ он получил менее строгое наказание – *выговор без занесения в учетную карточку*, поскольку его, в отличие от заведующего отделением, сочли раскаявшимся. Хотя именно его *врачебная ошибка* привела к обвинению Лебедева.

К началу февраля 1953 года медицинские учреждения Урала повсеместно поддержали политическую кампанию. На свет вышли все проблемы советской медицины и неблагоприятные поступки самих медиков, от нечистоплотности в быту до неправомерной выдачи больничного листа и некачественного оказания медицинской помощи с последствиями разной степени тяжести. Исследуются биографии медицинских кадров. Обсужда-

развертывания критики. В первую очередь повторялись и уточнялись примеры, приведенные Ф.М. Прассом.

Самобичевание было неотъемлемой чертой каждого доклада. Для секретарей райкомов и горкомов характерны высказывания следующего содержания:

«РК КПСС...не показал примера в смелом развертывании критики и самокритики. Бюро РК КПСС не отличалось особой принципиальностью, не предъявляло должной требовательности к аппарату, слабо работало над его укреплением».²⁰²

В докладах также явно проступали попытки оправдаться. Об ошибках говорилось обычно в прошедшем времени. Перечисленные недостатки уже вскрыты, а недостойные кадры наказаны. Наличие многих проблем на местах объяснялось недосмотром вышестоящих инстанций.

Большинство участников пленума плохо понимали суть политической кампании. Антиеврейская сущность кампании проявилась только в докладе Прасса и выступлениях секретарей РК КПСС, находящихся на территории города Молотова, а также в выступлении начальника областного управления МГБ Кремлева.

Ф.М. Прасс использовал в докладе на пленуме метод амальгамы. Обрушиваясь на недобросовестных и не заслуживающих доверия работников с верно подобранными фамилиями, он ознакомил членов обкома с делом Данилкина.

Тексты журналиста газеты «Звезда» по городу Березники М.Т. Данилкина, как уже было указано, имели яркий и неприкрытый антисемитский характер, соответствующий духу политической кампании 1950-х гг. Но попытки связать сталинскую политику с духом еврейства были осуждены как антисоветская пропаганда, поэтому некоторое созвучие взглядов провинциального журналиста с официальной линией политической кампании 1953 г. не помогло избежать сурового наказания. На следствии М.Т. Данилкину даже пришлось оправдываться и говорить, что отношение к евреям у него вовсе не негативное.

Упоминание дела Данилкина на пленуме Молотовского обкома, посвященного кадровой политике в период антиеврейской по характеру политической кампании, усиливало антиеврейский эффект речи секретаря обкома.

Пленум партии дал установки на изменения в кадровой политике в соответствии с требованиями кампании. Ожидались, во-первых, освобождение с руководящих должностей *неблагонадежных провалившихся людей*, во-вторых, *более смелое выдвижение молодых кадров*.

Поскольку из центра не поступило точных директив – какие категории начальников надо «почистить», местным руководителям приходилось догадываться о замыслах вождя. Понятно было одно, что в первую очередь надо *«трясти медиков»*.

По-видимому, собственное «дело врачей» должны были развернуть в каждом крупном городе. Свердловский обком планировал подобное действие на начало марта и не успел. На заседании секретариата Свердловского обкома КПСС 4 февраля 1953 г. было принято решение создать комиссию по проверке поступившего в обком заявления о беспорядках на кафедрах госпитальной хирургии и нервных болезней Свердловского мединститута. Когда умер Сталин, а кампания закончилась, об этом просто предпочли забыть.

В Молотове собственное «дело врачей» было готово в конце января. Главными жертвами были избраны врачи Молотовской областной клинической больницы. Именно здесь кампания проявилась во всей полноте. Большинство медработников, подвергшихся разбирательству, имели еврейские фамилии. Использована обычная для данной кампании терминология, с заменителем этнонима «евреи» – словосочетанием «семейка подхалимов».

Заведующей административным отделом Молотовского обкома КПСС З. Семеновой было поручено составить *Справку о крупных недостатках в работе областной клинической больницы*. В ней отмечалось, что были выявлены *многочисленные факты грубых врачебных ошибок, в результате чего имеются смертельные исходы*: в гинекологическом отделе-

нии во время операции оставили в брюшной полости салфетку и больная умерла; перечислены случаи постановки неправильного диагноза в гинекологическом и терапевтическом отделениях; приведены примеры равнодушного отношения к больным. Также указано, что истории болезни ведутся небрежно, в больнице не хватает более 70 медсестер, 61% врачей работают по совместительству, с многочисленными переработками в ущерб больным.²⁰³

Главным виновником всех недостатков был объявлен главный врач областной клинической больницы Л.В. Кац: «Главный врач больницы т. Кац ... создал атмосферу мнимого благополучия, в силу чего врачебные ошибки ... не вскрывались и не подвергались критике. Больше того, сколотив вокруг себя семейку подхалимов и угодников, ... Каца с их помощью глушит инициативу работников и критику его собственных недостатков».²⁰⁴ Затем перечисляются еврейские, за редким исключением, фамилии этой *семейки*.

Дело областной больницы обсуждалось на заседании бюро обкома КПСС 5 февраля 1953 г., а несколько позднее – на партсобраниях в первичных парторганизациях областной больницы, облздравотдела и медицинского института. Обком партии вынес постановление, которое было разослано по всем райкомам и горкомам области:

«За недобросовестное отношение к порученному делу, стремление скрыть истинное положение в больнице и создать обстановку ложного благополучия, за неправильный подбор кадров... Каца Леонида Викторовича... с работы снять и исключить из членов КПСС».²⁰⁵

В ходе заседания бюро обкома критике подверглись и другие врачи областной больницы, одновременно преподающие в мединституте, и директор мединститута Мамойко, и заведующий облздравотделом Милюсердов. Последних освободили от своих обязанностей как *не обеспечивших этот участок работы*.